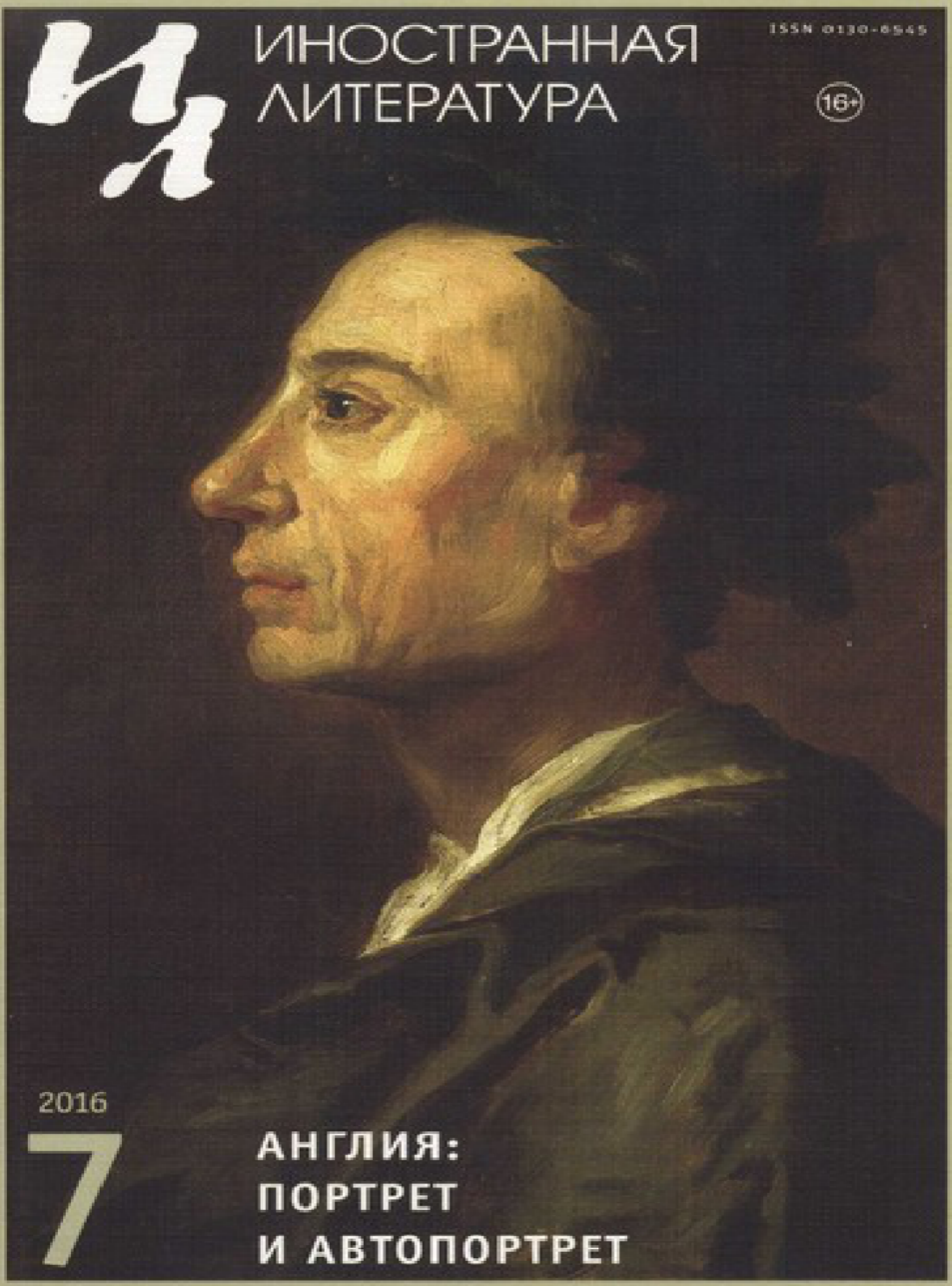
ИЛ
ИНОСТРАННАЯ ЛИТЕРАТУРА
ISSN 0130-6545
16+



2016
7

АНГЛИЯ: ПОРТРЕТ И АВТОПОРТРЕТ

Основан в 1955 году

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

В рубрике «Документальная проза» — «Дневники» (1965–1972) Джона Фаулза (1926–2005) с предисловием английского историка и киноведа Чарльза Дрейзина (1960) и в переводе Валерии Бернацкой. Дневники — по самой своей природе очень непростодушный жанр, но интонация этих записей вызывает доверие. Впечатляет и наблюдательность автора: «Как и у всех кинозвезд, в ней чувствуешь под наигранной сердечностью ледяное нутро. Я хочу сказать, что эта сердечность сродни ее косметике».

- Джон Фаулз
  - Вступление Чарльза Дрейзина
  - 1965
  - 1966
  - 1967
  - 1968
  - 1969
  - 1970
  - 1971
  - 1972
- notes
  - 1
  - 2
  - 3
  - 4
  - 5
  - 6
  - 7
  - 8
  - 9
  - 10
  - 11
  - 12
  - 13
  - 14
  - 15
  - 16
  - 17
  - 18
  - 19
  - 20

- ○ 21
- ○ 22
- ○ 23
- ○ 24
- ○ 25
- ○ 26
- ○ 27
- ○ 28
- ○ 29
- ○ 30
- ○ 31
- ○ 32
- ○ 33
- ○ 34
- ○ 35
- ○ 36
- ○ 37
- ○ 38
- ○ 39
- ○ 40
- ○ 41
- ○ 42
- ○ 43
- ○ 44
- ○ 45
- ○ 46
- ○ 47
- ○ 48
- ○ 49
- ○ 50
- ○ 51
- ○ 52
- ○ 53
- ○ 54
- ○ 55
- ○ 56
- ○ 57
- ○ 58
- ○ 59
- ○ 60
- ○ 61
- ○ 62
- ○ 63
- ○ 64

- ○ 65
- ○ 66
- ○ 67
- ○ 68
- ○ 69
- ○ 70
- ○ 71
- ○ 72
- ○ 73
- ○ 74
- ○ 75
- ○ 76
- ○ 77
- ○ 78
- ○ 79
- ○ 80
- ○ 81
- ○ 82
- ○ 83
- ○ 84
- ○ 85
- ○ 86
- ○ 87
- ○ 88
- ○ 89
- ○ 90
- ○ 91
- ○ 92
- ○ 93
- ○ 94
- ○ 95
- ○ 96
- ○ 97
- ○ 98
- ○ 99
- ○ 100
- ○ 101
- ○ 102
- ○ 103
- ○ 104
- ○ 105
- ○ 106
- ○ 107
- ○ 108

- ○ 109
- ○ 110
- ○ 111
- ○ 112
- ○ 113
- ○ 114
- ○ 115
- ○ 116
- ○ 117
- ○ 118
- ○ 119
- ○ 120
- ○ 121
- ○ 122
- ○ 123
- ○ 124
- ○ 125
- ○ 126
- ○ 127
- ○ 128
- ○ 129
- ○ 130
- ○ 131
- ○ 132
- ○ 133
- ○ 134
- ○ 135
- ○ 136
- ○ 137
- ○ 138
- ○ 139
- ○ 140
- ○ 141
- ○ 142
- ○ 143
- ○ 144
- ○ 145
- ○ 146
- ○ 147
- ○ 148
- ○ 149
- ○ 150
- ○ 151
- ○ 152

- ○ 153
- ○ 154
- ○ 155
- ○ 156
- ○ 157
- ○ 158
- ○ 159
- ○ 160
- ○ 161
- ○ 162
- ○ 163
- ○ 164
- ○ 165
- ○ 166
- ○ 167
- ○ 168
- ○ 169
- ○ 170
- ○ 171
- ○ 172
- ○ 173
- ○ 174
- ○ 175
- ○ 176
- ○ 177
- ○ 178
- ○ 179
- ○ 180
- ○ 181
- ○ 182
- ○ 183
- ○ 184
- ○ 185
- ○ 186
- ○ 187
- ○ 188
- ○ 189
- ○ 190
- ○ 191
- ○ 192

Джон Фаулз
Дневники (1965–1972)

Вступление Чарльза Дрейзина

Дневник, думается, самый популярный из всех литературных жанров. Многие из нас вели дневник в какие-то периоды нашей жизни, хотя и не собирались посвятить себя целиком литературной деятельности. Универсализм этого жанра, возможно, объясняет, почему он с трудом поддается определению — нельзя установить правила, которым следовали бы все, кто ведет дневник. Чтобы по достоинству оценить дневник, следует учитывать его обманчивую, иллюзорную природу, даже в том случае, когда он ведется с такой бесспорной честностью, какую демонстрирует Джон Фаулз в обоих дневниках — в этом и в предыдущем. Считается, что дневник дает возможность чистосердечно излить душу, но необязательное — от случая к случаю — обращение к нему автора требует от исследователя соблюдения множества условий и оговорок.

Взять хотя бы самую основную задачу дневника — фиксирование действительности. Но как относиться к временным пропускам? Означают ли они, что за это время не произошло ничего значительного или, напротив, жизнь автора была так наполнена событиями, что не давала возможности усесться за дневник? Нельзя знать наверняка, говорят ли эти пропуски о бьющей через край жизни или об отсутствии в ней ярких событий.

Цели у людей, ведущих дневники, очень разные. Дневник может сводиться к простому перечню событий, тогда он дает самое элементарное представление о действительности и предназначен только для глаз автора; однако, учитывая возможность будущего прочтения или публикации, дневник может стать средством самооправдания или самовозвеличивания — в его власти как открыть правду, так и спрятать ее.

Ни в коем случае нельзя предпочитать какую-то определенную форму — дневник может быть собранием необработанных записей или мемуаром, которому придали литературный лоск. Все зависит от характера первоначальных заметок и дальнейшей их обработки. Дневник, кажущийся простым и безыскусным, может быть лживым — по расчету или совершенно бессознательно, а тщательно отделанный документ, напротив, максимально приближен к истине.

Джон Фаулз назвал свое собрание дневниковых записей, часто очень противоречивых, «разрозненными заметками». Эти «разрозненные» записи неизбежно вобрали в себя колорит и дух времени: ведь Джон вел дневник на протяжении долгих лет и при самых разных обстоятельствах. Дневник служил ему практическим пособием, на страницах которого он оттачивал свое мастерство, здесь же он критически разбирал прочитанные книги, увиденные пьесы и фильмы, описывал свои путешествия, высказывал сокровенные мысли, делился наблюдениями страстного натуралиста. И все эти разнообразные функции выполнял дневник.

Многогранность — существенная черта его дневников. Важно и то, что Джон записывал непосредственные, спонтанные впечатления. Одно из величайших практических преимуществ любого дневника заключается в том, что вы не обязаны быть точным или справедливым. В этом своего рода плавильном котле есть место и прозрениям, и заблуждениям. Такая свобода способствует рождению не только тончайших наблюдений, но и совершенно абсурдных высказываний. Ценность дневника — и в том и в другом. Здесь рассудительность уживается с безрассудством, и подчас одно может переходить в другое.

На страницах дневника проступает много разных обликов, но главный из них — писатель Фаулз. В своих попытках увидеть сущность вещей он может часто выносить безжалостные, бескомпромиссные суждения, но делает это всегда искренне, не обходя критикой и себя. Любознательный и дотошный автор дневника никогда не оценивает вещи поверхностно, его не обманывает их внешний вид — он неустанно доискивается сути.

Именно эта интеллектуальная жажда сделала Джона Фаулза одним из самых необычных романистов его поколения. Игнорируя устоявшиеся, общепризнанные истины, он искал новые формы выражения мысли и всегда оставался в первую очередь писателем, а не успешным автором.

Самые значительные писатели — те, кто лучше других познают смысл человеческого существования. На протяжении второго тома дневников Джон постоянно задается вопросом, насколько он состоялся как писатель в глазах современников, не забывая, однако, и об этой — высшей — цели. Чем меньше он *ощущает* себя «автором», тем больше истинное писательское начало заставляет его говорить о подлинных жизненных противоречиях. Голос, вдыхающий в дневник жизнь, принадлежит не столько крупному литературному деятелю, сколько человеку, поразительно лишенному тщеславия; этот человек, благодаря собственной уязвимости и подверженности ошибкам, способен сочувствовать неминуемым жизненным испытаниям других.

Второй том дневников продолжает рассказ, начатый в Оксфорде пятнадцать лет назад. Но поскольку дневник состоит из спонтанных, по необходимости выборочных наблюдений, он отличается от обычного повествования. Продолжая разговор, надо особо обратить внимание на любопытное явление, а именно на «дневниковое время»: оно может ускоряться или замедляться в зависимости от того, насколько писателя в этот период занимает его дневник. Когда писался первый том, дневник играл важную роль в развитии Джона, являясь чем-то вроде опытной лаборатории для замыслов и творческой активности. Эти решающие годы, за которые случилось превращение выпускника университета в известного писателя, протекали довольно неспешно и представлены весьма подробно. Во втором томе обращения к дневнику в течение многих лет случайные и необязательные. Так с 1977 по 1980 годы Джон вообще не ведет дневник. «Не знаю почему, но последние несколько недель я испытываю желание возобновить дневниковые записи», — пишет он, принимаясь за прежнее дело. Если Джон не способен ответить на этот вопрос, то мы — тем более, хотя задним числом можно, по крайней мере, задуматься о причинах возвращения к дневнику.

Можно проследить тенденцию обращения к нему в кризисные моменты, когда у писателя возникало желание зафиксировать определенные жизненные ситуации — не безмятежные годы профессиональных успехов, а время срывов и сомнений. Так, например, во втором томе первая половина 1980-х годов, когда произошли такие кульминационные события, как выход на экраны удачной кинематографической версии романа

«Любовница французского лейтенанта» или публикация в 1985-м романа «Червь», отражена весьма ограниченно, но затем, когда в начале 1988-го Джон перенес удар, связанные с болезнью волнения вызвали у него потребность в более серьезных и подробных записях. «Дневниковое время» меняет темп, чтобы сконцентрироваться на происходящем.

Заново обретя важную роль, дневник помогает не только справиться с жизненными трудностями, но становится основной литературной работой писателя. Его гениальность как рассказчика проявляется теперь не в очередном романе — хотя Джон часто размышляет над ним, — а в скрупулезном описании отношений между ним и женой Элизабет. Так как супруги не устояли перед тем, что Джон называет словом из лексикона древних греков, — keraunos, то есть резкое изменение судьбы, непостижимая тайна, — дневник в эти более поздние, мучительные годы становится грустным чтением. Однако прежняя мощь повествования, несмотря на все испытания, говорит о неиссякаемом таланте, который не изменял себе на протяжении всей жизни.

Первый том опубликованных дневников Джона, составленный из значительно большего количества материала, чем тот, которым мы располагаем сейчас, естественным образом распадался на части, отразившие разные вехи его жизни. Во втором томе всего две части, между первой и второй — временной разрыв с 1977-го по 1980-й. Годы, в течение которых Джон не вел дневник, являются переломными. После этих «темных» лет на страницах возрожденного осенью 1980 года дневника мы видим совсем другого Джона Фаулза — не того, кто забросил дневник три года назад.

Джону Фаулзу, каким мы видим его в первой части, нравится положение известного автора, чьи книги прекрасно продаются, он уверен в справедливости своих взглядов и бывает резок, высказывая подчас бескомпромиссные суждения. На страницах второго тома Фаулз мягче, не столь высокомерен и более скептичен по отношению к своим литературным достижениям. «Джон Фаулз» — странное существо, наводнившее лабиринты и склады книжных магазинов всего мира, — заключается им теперь в кавычки, потому что писатель все больше понимает, что между представлением о нем и тем, кем он действительно является, лежит пропасть. Отныне он живет в тени мифа, и на смену прежней уверенности и самонадеянности приходит сомнение.

Основная тема — разрушение былого представления о преуспевающем авторе. И рядом с ней другая — во многом более интересная: воссоздание заново, из отдельных фрагментов

собственной личности. То, что эта стремящаяся к уединению личность подчеркнуто отворачивается от мирской славы, вовсе не означает, что писатель потерял интерес к литературному творчеству, — напротив, теперь он понял справедливость слов Эмили Дикинсон, утверждавшей, что «забота о публикации не должна интересовать поэта», и еще: поэзию можно найти не только в литературе.

Не менее важная тема в этом заключительном томе — природа; Джон всегда считал, что именно она оказала на него решающее влияние. Какие бы несчастья ни обрушивались на него в годы, завершающие дневник, они всегда с лихвой уравновешивались той радостью, что дарила ему природа. Он часто пишет о неких особых местах — уединенных, идиллических, пребывающих как бы вне времени и повествования; счастье — просто находиться там, без всяких занятий и цели. Его собственный парк в Лайме, прогулки по окрестностям Дорсета, даже созерцание птиц на озере в Риджент-парке во время редких поездок в Лондон свидетельствуют о том же. Путешествуя по Франции, он называет райским день, посвященный наблюдениям над флорой и фауной. Во время отдыха на Крите полянка в горах, на которой растут дикие орхидеи, становится для него «долиной счастья». Даже в самые унылые дни подобные места дают ему не просто убежище — они предстают источником покоя и умиротворения.

Джон продолжал вести дневник еще долго после поставленной в этом томе точки. Поэтому решение остановиться именно на этом месте можно счесть произвольным, но я верю, что будет справедливо завершить рассказ одновременно с окончанием самой напряженной и волнующей истории — той, что объединяет эти «разрозненные записи».

Июль 2005

1965

Андерхилл-Фарм, ЛАЙМ-РИДЖИС. 5 декабря

Как чист здесь солнечный свет — белый, серебристый, золотой. Никогда так остро не сознавал этого. И еще изменения в характере, цвете, прозрачности моря — особенно в характере. Если волны идут с запада, они отбрасывают вечером на западные склоны нежный коричневатый отблеск, а если с востока — серо-зеленый с голубизной. Похоже на мягкий свет ранних акватинт.

Скука от книг, разговоров о них и на мировоззренческие темы, о направлениях и культурах; они — как потоп, как природная катастрофа. Множество голосов. В результате все они сливаются во всеобщий визг.

Крысы: вечерами они собираются у черного хода, и, когда мы выходим из дома, крысы, ослепленные светом, мигом рассыпаются в разные стороны. На днях я мог бы убить одну. Но даже крыса имеет право на жизнь.

Приезжал Подж[1]. Он — против мира, против провинции, против природы, невротичный и расхристанный, с ехидством задающий бесконечные вопросы, помешанный на сексе, сексуальной свободе. Его жизнь — вращающееся падение, бедняга хватается за что попало, чтобы остановить это падение, и все ухваченное тащит с собой. Он приводит нас в уныние. А дождь все льет и льет. Вышла из строя плита «АГА». А ведь огонь здесь такая же драгоценная вещь, как и для первобытного человека. Мы чувствуем себя всеми покинутыми; луна злобно сверкает на небе. Свет ее отражается во враждебном море.

10 декабря

Слава Богу, закончил работу над сценарием «Волхва».

Влияние свободного времени на восприимчивость. У большинства писателей, живших до двадцатого века, было больше времени для созерцания; они уходили в предмет изучения с головой — нам такого даже не вообразить, — само слово «созерцание» устарело. Экономические условия дают теперь гораздо меньше времени писателям — и художникам — для подготовки к творчеству (и для самого творчества). Импрессионизм мог возникнуть как реакция на опостылевший академизм, но мог также возникнуть из потребности создавать

картины за более короткий срок, нарабатывать больше за определенное время. Можно пошутить, что импрессионизм появился из-за дефицита слуг.

Издательство «Делл» заплатило 125 тысяч долларов за право издавать в Соединенных Штатах «Волхва» в бумажном переплете. Это известие таинственным образом заставило Элиз[2]целый вечер пребывать в плохом настроении. Подобные новости всегда воспринимаются ею как некая угроза безопасности любви: ведь любовь — это соглашение между несоответствиями. Самое большее, на что мы рассчитывали, — это 60 или 70 тысяч… Но я не могу воспользоваться этими деньгами. Такая бессмыслица. Придется писать умоляющие письма в банк, чтобы зачли мой пятитысячный перерасход.

18 декабря

Все эти дни Элиз полна желчи. Похоже, она решила испортить нашу жизнь здесь, не занимается обустройством, не идет на компромиссы — все должно быть идеальным, а когда так не получается, взрывается в гневе. Ее выводит из себя, если я ухожу на часок в луга, если провожу утро за работой. Все это якобы несерьезно, пустая трата времени… Она ненавидит сельскую местность, этот дом, меня, ненавидит мою жизнь писателя и, конечно, себя, участницу сделки. Для меня такая жизнь — что подъем в гору с трупом на спине, говорящим трупом. Время от времени случается компенсация — прекрасные пейзажи, моменты счастья. Но потом труп возобновляет жалобы, гневается…

Похоже, она вступила в новую фазу жизни, где доминирует мужское начало. Постоянно говорит, что не может вести ту жизнь, какую хочет, иметь интересы, какие хочет, делать вещи, какие хочет… Но это негодование не имеет под собой оснований. Никак не могу ее убедить, что нет у нее никаких серьезных интересов, мощных желаний, и главная беда — в их отсутствии, а вовсе не в том, что их нельзя реализовать; и решить эту проблему можно только с помощью любви — не ненависти. Я никогда не говорю с ней, мне она нужна только как кухарка, служанка и т. д.… Даже если б это было правдой (в какой-то степени это всегда правда; я точно так же могу сказать, что нужен ей как источник финансирования, как истопник, как восторженный поклонник ее достижений в декорировании дома и т. д.), ничего унизительного или недостойного тут нет. Она принимает в штыки саму идею благотворительности, помощи. Последний взрыв негодования

произошел из-за моего намерения подарить Джонатану[3] на Рождество пять фунтов — по ее словам, я смешон как всякий работающий на публику сноб. Но я за последние две недели заработал более 70 тысяч фунтов. Неужели этого мало? Мне хочется сделать маленькие подарочки Джейн[4], женщине, живущей по соседству, но нет, лицо ее каменеет и становится похожим на лица сходящих в ад грешников со средневековых картин. На их лицах редко увидишь ужас — в ожесточенном оцепенении падают они в огонь.

Если б только уравновешенность, мягкость, спокойствие могли помочь… Теперь мне ясно, они не помогут — скорее, только ухудшат положение: чем больше здравомыслия я проявляю, тем больший вызываю гнев. Она вступила в разряд вечно недовольных, поэтому удовлетворение на моем лице (или видимость его) — главный раздражитель. Думаю, если б я потерял самообладание, разрыдался, сказал, что не могу больше так жить, она бы стала прежней. Но я не хочу до такой степени отрекаться ни от разума, ни от любви.

1966

АМЕРИКА, 3 января

Ночь в отеле при Лондонском аэропорте. Звук разрезающих темноту реактивных самолетов. Они взмывают высоко над землей; этот новый вид передвижения кажется прекрасным, хотя на самом деле ничего более уродливого не было за всю историю путешествий человечества.

4 января

Едем в Бостон. В Новой Англии жестокий мороз, но солнце светит ослепительно. В сумерках город темно-оранжевый, очень северный и симпатичный по цвету, но нет единого архитектурного стиля. Цветы от Неда Брэдфорда[5], виски от Джулиана[6]; мы чувствуем, как нас окутывает романская щедрость по отношению к привилегированным гостям. В очередной раз меня поражает сходство Америки с Римом: в основе всего — власть, низкое золото, а не золотая середина. Америка в принципе не способна метафорически думать о деньгах.

7 января

Официальный обед в Клубе Союза — старый Артур Торнхилл[7], упоенный успехом удачных продаж «Делл», произнес приветственную речь в мою честь, плавно перешедшую в яростный разнос присутствующих сотрудников: «Джо, твои ребята должны быть шустрее»… «Боб, ты не поинтересовался моим мнением о твоих обложках. Теперь мистер Фаулз — член семьи, и я могу сказать при нем, что они ужасны, и если мы не можем создать ничего лучшего…» Сотрудники улыбались и терпеливо все сносили, а я чувствовал большую симпатию к янки и Бостону. Все придирки по делу, и нам это нравится.

Днем едем в Маршфилд к Брэдфордам. Идет дождь со снегом, пейзаж суровый, как и хозяева, — добрые, суровые, сдержанные люди. Как всегда в их обществе и в этом доме я ощущаю самые важные, вызывающие у меня восхищение американские свойства, они, в сущности, английские, но тут проявляются с большой

очевидностью. На следующий день мы покидаем дом. Предки Неда приехали в эти места в 1620 году. Его прабабушка — индианка, но он законченный англичанин: в течение трехсот пятидесяти лет его английские предки жили на обращенном к Англии берегу океана, в месте, где климат сходен с нашим… Утром на побережье близ Кохассета мы смотрели, как высоко вздымаются пенящиеся волны. Триста лет стоять здесь в ожидании кораблей с востока. Нельзя эмигрировать в этот район Америки. Слишком уж он связан с прошлым, как и люди, в которых слишком много английского, чтобы мириться с колониальной дискриминацией.

9 января

В Нью-Йорке с Бобом Фетриджем[8]. Общественный транспорт стоит — это задерживает все, связанное с книгой. Люди не могут думать сейчас о книгах, в новостях только информация о забастовке. Испытываю глупое чувство вины. В этом мире имеет значение только быстрый — и большой — успех. Никаких компромиссов.

Высота Нью-Йорка; от художественного решения облика города (небоскребы) приходишь в безумие. Душевное равновесие — только в узкой полоске неба на пересечениях улиц. Пресса, захлебываясь, пишет о разных бедствиях, но вероятность того, что в центре города может произойти нечто из ряда вон выходящее, ничтожно мала. По лондонским стандартам «жуткие, парализующие жизнь города» транспортные условия почти близки к нормальным. Но американцы дальше нас отошли от хаоса, грязи и беспорядка. У общества, создавшего культ из благоразумия и опрятности (за все время я видел только двух бородатых людей, и один из них был ортодоксальным евреем), могут легко возникнуть трудности. Все города опасны, но этот больше всех.

14 января

Любопытно — последний раз, когда был здесь, обратил внимание на небоскребы. В этот раз между стенами с множеством окон видел холодные голубые воздушные колонны. Купили «Тайм» — чудовищная рецензия[9]. Все говорят, не волнуйся, книжные обозрения в «Таймс» никто не читает, вторую книгу обычно ругают, и вообще рецензенты чокнутые… Но все равно

неприятно. Опять приходит на ум сравнение — ты на боксерском ринге, но руки у тебя связаны. Тут дело случая: все зависит от настроения, вкуса, характера десятка мужчин и женщин. Аналогия с судом присяжных неверна — ведь здесь постоянные игроки, и они больше заинтересованы в осуждении, нежели в оправдании.

18 января

Прием у Джулиана. Здесь Барбара Тачмен[10], тихая, седая женщина, скучноватая, как все хорошие писатели или, во всяком случае, все хорошие писательницы. Был Сидни Кэрролл, автор сценария отличного фильма «Карманник», — выщербленное оспой лицо, резкий, но человечный. Он мне сразу понравился. Помню эксцентричную даму за сорок; никогда не видел такого нелепого вечернего платья.

Складывается впечатление, что все здесь считают: роман как жанр безнадежно устарел, еще несколько десятилетий — и ему конец, и это несмотря на большие деньги, которые платят за издания в мягкой обложке и за право на экранизацию. Что займет место романа, никто не знает или не может вообразить; похоже, никто не осознает, что существует множество вещей, которые под силу только роману. Другие формы понемногу вторгаются в его владения, но места еще достаточно. И оно всегда будет существовать, — место, где развивается роман, — ведь человеческие понятия и способность анализировать и фантазировать постоянно меняются.

Однако по вышеизложенным причинам издание беллетристики в прошлом году количественно снизилось — как в США, так и в Англии. Почти не ведется работа с молодыми романистами. «Литл Браун» берет примерно одну рукопись из четырех или пяти сотен, идущих без посредничества агентств. Всего за год к ним поступает около тысячи четырехсот рукописей. Издавая романы, издательство оказывается в убытке при тираже 6000 экземпляров. Даже в случае с «Волхвом» (первые три издания составили 37 500 экземпляров) прибыль на книги в переплете оказалась меньше, чем у «Литерери Гайд» или «Делл». В каком-то смысле им уже не важно, хорошо или плохо продаются книги в твердом переплете.

Полное отсутствие сексуальности у американок, они подтянутые, ухоженные, но сдержанные и холодные; познания о сексе они черпают из различных пособий, но их самоуверенность приводит к обратному результату: вместо обещанной

женственности — отталкивающая мужеподобность. Частично в этом виновны мужчины (и все общество), но как грустно, что так мало женщин противятся этому образцу. Большинство из них усваивает подобный американский стиль.

Ни мягкости, ни нежности.

Вечером крепко выпил с Арнольдом Эрлихом[11]. Он такой же типичный представитель Нью-Йорка, как Нед Брэдфорд — Новой Англии: остроумный, циничный, безжалостный к Америке. Я сказал ему, что хотел бы написать об Америке книгу, но мне нужен вопрос, который направит мысли в правильном русле. Он ответил: «Кто хочет тут думать?»

«Почему в этой стране практически никто не хочет думать? Почему каждый хочет просто жить и получать удовольствие? Почему это единственная страна, где можно продолжать существовать, сохраняя самые дурацкие национальные черты? Разве свобода сводится к тому, чтобы быть дураком?»

Хороший вопрос и совпадает с тем, что я все больше ощущаю здесь сам: американский образ жизни — это стенографическая запись, резюме, конспект, экскурсия… Ничего настоящего. Я хочу сказать, что американец проедет, не остановившись, мимо разных любопытных мест, которые ему покажутся неинтересными… хотя за ними открываются огромные просторы, прекрасный и благодатный жизненный опыт.

Это существование подобно быстрорастворимому кофе. Он почти так же хорош, как и настоящий, и его легче приготовить. При этом ты заранее допускаешь, что потребление важнее качества.

22 января

Едем в Майами, чтобы встретиться с Джоном и Джадом[12]. Аккуратные группы домиков похожи на подносы с канапе, плывущие в голубовато-зеленых, спокойных лагунах. День пасмурный, сырой — парилка после пронизывающего холода Нью-Йорка. Пальмы какие-то поникшие, испуганные, словно в предчувствии тайфуна. Майами кажется мне неестественным городом, значительно уступающим Лос-Анджелесу. У меня он вызвал отвращение. Даже теплый воздух казался не природным, а искусственно созданным. Мы приехали в Майами-Бич, где множество огромных отелей протянулось белым рядом у затхлого побережья Карибского моря. Сюда стоит ехать только для того, чтобы собственными глазами увидеть огромные и вульгарные «Фонтенбло», «Иден Рок», «Дорал»: вид их настолько

отталкивающий, чудовищный, настолько (увы!) американский, что такое пропустить нельзя. Можно сказать, что это город мертвых, все жители старые, ни на что не годные, отходы производства. В лифтах пятидесяти-шестидесятилетние женщины стоят, как скот, в загоне. Чтобы выйти, надо сквозь них протискиваться. Они бродят по холлам, как сомнамбулы, — от одного приема пищи до другого, из комнаты в комнату, стреноженные, скованные — так раньше сковывали цепями чернокожих на невольничьих суднах; поведение идиотов в идиотском мире.

В каком-то смысле это европейский город, памятник мечте многих поколений бедных европейских крестьян. Они мечтали об аристократическом городе, о чем-то вроде Венеции и, когда представился случай, воплотили в жизнь свою мечту.

Режиссер, с которым сейчас работает Джад, называет Майами «накрашенным ногтем на ноге Америки». Но напрашивается и более отталкивающее определение: неподтертый зад Америки. Все самое худшее в стране проходит через него и остается здесь.

Мы сидим в гостиничном номере и просматриваем правку в сценарии «Волхва»; мое чувство реальности борется с представлением Джона Кона о зрелищности. У него все дерьмо или не дерьмо; он разрушает детали. Однако великолепно чувствует таинственную богиню кинематографа — Структуру. Он мне нравится. За его неистовством, детской любовью к спорту, за прекрасными качествами еврейского папочки, простотой в одном и хитростью в другом (в бизнесе) скрывается симпатичная личность.

Нет основных производителей. В Штатах не видно, чтобы кто-то занимался садоводством или земледелием. Никакой связи с землей. Эта пустота между городами порождает еще одну пустоту — отсутствие живого начала в жизни, что упрощает и разрушает Америку эстетически и интеллектуально.

Никто не пользуется чернилами — все пишут шариковыми ручками.

24 января

В Нью-Йорк; оттуда, замерзшие, прямо в Лондон.

Холодно, сыро, пасмурно. Рядом с нами, в гостинице аэропорта завтракает типично английская супружеская пара. Лопочут друг другу всякие пустячки. Жена: «Еще кофе будешь?» Муж: «А ты?» Жена: «Ну, нет». Муж: «А я… (замолкает, потом продолжает минуту спустя)…даже не знаю, может, еще чашечку

выпью». Жена: «Выпей, если хочешь». Муж: «Ладно. Официант, еще чашечку. (Официант наливает кофе.) Выпью, пожалуй».

Ностальгическая тоска по Америке; не то чтобы эти двое говорили глупости — я знал, что под банальными словами таилось много чего, касавшееся их отношений, уступок друг другу, — все это передавалось через интонации, паузы, они не говорили того, что думали. Только очень старая, декадентская культура способна порождать такие таинственные диалоги — таинственные и упадочнические. Америка живет, а Англия погибает. Популярность в сегодняшней Америке английского искусства, английских поп-певцов, английских рецензентов, английских романистов, вроде меня, так же подозрительна, как культ Афин в Древнем Риме. Это отдых от реальности — не сама реальность. Мы их развлекаем — не учим и не направляем ни в каком смысле.

Едем домой — Элиз, храбрая девочка, сама везет меня в Лайм-Риджис; серенький, сырой день, на Уилтширских горах уже лежит снег. Какая Англия печальная, крошечная, сырая; маленькие автомобильчики стараются стать больше — жалкие претензии на то, чем обладает Америка: мощь, первенство в технологии.

В нашем доме холодно, сыро, мрачно, нет и его души — плиты «АГА», ее снесли и восстановили прежний камин. Элиз стонет, каждые полчаса рыдает — как далеко мы от Америки, центрального отопления, комфорта в этом богом забытом местечке! Но в какой-то мере путешествие убедило меня в правильности нашего переезда сюда. Я осознал то, что раньше чувствовал только инстинктивно: в городе и его все более американизированной культуре («культура» в антропологическом смысле) отсутствуют поэзия, реальность, многое так и остается непознанным. В Майами я согласился написать сценарий (и все, что еще потребуется по ходу дела), но согласился только потому, что буду работать здесь, ведь я знал: есть место, где можно укрыться от светской жизни, от погони за успехом. Я не могу без моря, вечерней темноты; можно даже сказать, что мне нужен холод, сырость и множество прочих жизненных проблем, которых полно в этом чертовом местечке. В моем возрасте надо возвращаться к себе, не гоняться за химерами, сконцентрироваться, защищать то, на что нападают или не обращают внимания.

31 января

Дни затянуты свинцовым туманом, постоянно моросит пришедший с запада дождь. Не холодно, но влажно, как в тропиках. Капельки зимней росы проступают на мху, покрывающем стены.

И в этой серой мгле я думаю о своей книге[13]. За неделю никаких новостей. Будто послал в космос ракету — и утратил с ней связь. Моя книга где-то далеко. Кто-то, должно быть, ее читает, ее покупают или не покупают, она находится или не находится в списке бестселлеров. Странно, но нет никаких отзывов, нет писем от читателей — ни хороших, ни плохих. То же самое было и с «Коллекционером». Так что я сам — та же ракета. Все на свете разделяют бездны.

Начал работать над сценарием. Это интереснее, чем просто вносить правку, и, как мне кажется, приучает к дисциплине: надо сократить текст, не упустив при этом главного.

12 февраля

Получил большую пачку рецензий из Штатов. В основном, положительных. Но я все больше понимаю, что главная радость — сама книга, работа над ней… и окончание работы. Все же остальное — рецензии доброжелательные и не очень, деньги, — все это приходит и уходит. Но хуже всего — интервью. Я достиг такого положения, когда знаю: не хочу никаких интервью. Не так давно явился ко мне юноша по имени Николас Тресильян, вчерашний выпускник колледжа, с вопросом: «Вы серьезный писатель?» И прежде чем я ответил: «Простите, это глупый вопрос».

А в некоторых интервью, данных в Штатах, — чудовищное извращение моих слов. Слава Богу, никто не обольщается и не ищет там правды.

14 февраля

Утро спокойное, как смерть, но смерть прекрасная, парящая… дымка на море, первые, нежные солнечные лучи, утро — как возрождение. Я был у дамбы… И вдруг в свете, озаряющем море, раздался нежный шелест крыльев, легкое посвистывание, словно точили большую косу, звук усиливался, перемещаясь на запад. На какое-то время он, казалось, заполнил все небо. Я было подумал, что это работает какая-то хитроумная машина, но звук отдалялся от Лайма, устремляясь в мою сторону. Лебеди… Звук

странным образом усиливался. Самое удивительное, что их самих я так и не увидел, хотя захватил с собой бинокль, да и видимость была не меньше двух милей. Только спокойное свинцовое море и шум могучих крыльев.

16 февраля

По контрасту со спокойной погодой — бурные дни с Элиз. Она ненавидит «тишину, простор, пустоту» — те вещи, которые, увы, люблю я. Хотя не могу сказать, чтобы весной здесь была «пустота». Земля торопится в обильное лето. Дом тоже плох: «холодный, неуютный, уродливый». Мне нравится шум от центрального отопления, а ее он раздражает. Она пошла на прием к врачу в Аплайме, очаровательному старичку, и получила от него такой же очаровательный, старомодный совет: больше гулять и «участвовать в общественной жизни». Последнее — современный вариант прежней веры в силу улыбки: просыпайся с улыбкой; найди удовлетворение в сознании исполненного долга — совершенно неподходящий совет. Я отношу ее беспокойство и неприятие этого места к мысли о расставании, преследующей Элиз в снах. Ее позиция в целом основана на домысле, что будущее враждебно настоящему. *Раньше* все было лучше. Еще она помешана на эффективности и порядке — своеобразный идеализм, порожденный неполноценным образованием, верой в некое вымышленное место, где все машины работают безукоризненно, никто из работников не допускает ошибок, все доведено до совершенства.

Она обвиняет меня в том, что в своем дневнике я не пишу о ней ничего «приятного». Но в мыслях я с трудом отделяю ее личность от своей. Попытка писать об Элиз как о «ней» — почти так же трудна, как писать о себе как о «нем». «Этим утром он выглядел великолепно». «Мне нравится, когда он смеется». «Он состряпал вкусный обед» — разве скажешь такое?

Любовь нуждается в собственной теологии. У нас есть потребность в выражениях типа «допущение неделимости», в категории априорных утверждений и чистых концепций, которым верят или не верят люди.

Однажды во время ее очередного бунта я сказал, что жить здесь — все равно что жить в поэме. Так оно и есть. Поэма, часослов, собрание всех весен, что были раньше и будут впредь. Брожу по лугам в состоянии транса. Физически чувствую себя здесь намного здоровее и более спонтанно, остро переживаю все происходящее. Такое было со мною в школьные годы, но

впоследствии эта непосредственность была испорчена, замутнена чередой ложных представлений о важности имен, псевдонаучной галиматьей, занимавшей умы юношества двадцатого века. Здесь же в голове рождаются поэтические строки, но они не складываются в стихи — это похоже на Грецию, где существование живое, оно заполнено чистой поэзией жизни, непрерывным потоком подлинных поэтических впечатлений. Коноплянки, не покидающие мои владения (ведь садовник из меня никудышный, и сад весьма запущен), издают красивые трели в духе Стравинского, а их крики на лету — как звуки старинных китайских арф; первые бледные крупные фиалки на большом уступе по дороге к морю; заросли мускатницы в лесу; великолепные совы, навещающие нас по ночам; стайка куликов на перламутровой поверхности моря — не менее пятидесяти птиц разных цветов: черные, белые, кораллово-красные; черно-серые бездны в настороженных глазах кролика — все это чистая поэзия на языке природы, и, если я начинаю писать об этом на своем языке, получается не собственное творчество, а просто перевод.

22 апреля

У нас гостит Анна[14]. Она создает проблемы, и ее требования довольно трудно удовлетворить. Играя на своем двусмысленном положении, она старается добиться особых прав у Элиз; основное требование — Элиз должна играть роль интеллигентной подружки, которой, по всей видимости, ей недостает в Лондоне. Там ее окружают одни «несчастненькие», и потому при встрече с начитанной и умной дочерью Чарли Гринберга она ощетинилась, как еж[15]. Элиз ее поддерживает: «Ребекка — самодовольная ханжа» и т. д. Возможно, это так, но привычным защитным механизмом у Анны становится бегство и ничто другое. *Конечно*, ее нельзя за это винить. Даже если забыть о ее прошлом, существует и настоящее: викторианский дух в Патни[16], где она то ли прислуга, то ли нянька при младших детях. Но Анне придется разобраться в себе — для ее же пользы. Ей необходимо научиться управлять эмоциями: своенравие равно свойственно и Элиз и Рою, а она его унаследовала. У Анны и Элиз — у обеих — предубеждение против Гринбергов, которые эмоционально черствы, зато умны и энергичны, они экстраверты и потому усиливают чувство неуверенности в интровертах. В Анне ощущаешь сильную и мучительную любовь-ненависть к своим одноклассникам, к экстравертам, к людям, вроде меня, — интровертам, которым повезло, хоть они и не экстраверты, то есть

врагам в ее лагере. Элиз упрекает меня, говорит, что я не добр к ее дочери, не предупредителен, хотя я стараюсь, как могу, не впадая при этом в лживый, добродушно-панибратский тон, неискренность которого Анна сразу же заметит. Безумно трудно продвинуться в этом направлении: ведь обе шестнадцатилетние девушки не доверяют мне, как всякому взрослому человеку, странному существу, слоняющемуся по саду, полям, наблюдающему за птицами и собирающему цветы. Гринберги приехали уже после отъезда Анны, захватив с собой младшую дочь: бойкую, умную, не по годам развитую девочку, не погрязшую в собственных эмоциональных проблемах. Элиз неприятны ее усердие, бойкость, постоянные вопросы и странные паузы; возможно, и я бы так реагировал, но у нас она, как и ее родители, — словно порыв свежего ветра в душной комнате. Или в помещении без температуры и света. Так всегда: кто-то на солнце, а кто-то в тени.

25 апреля

В Лондоне. Работаем с Джоном Коном над сценарием «Волхва». Живем в «Вашингтоне» — жуткой гостинице для американских туристов на Керзон-стрит. Персонал состоит из несговорчивых иностранцев, выказывающих полное к тебе равнодушие. Погода превосходная, температура не опускается ниже двадцати градусов, мы задыхаемся от выхлопных газов, существуют и личные проблемы — я ненавижу город. Просыпаюсь по ночам от мужских ссор под окном, от рева автомобилей, проносящихся по улице, от диких пьяных криков. За последние шесть месяцев Лондон изменился (я тоже изменился, но тут речь идет не о субъективном), город помешан на наслаждении, на молодости, гнев божий прольется на этот город на равнине.

У Элиз в первый же день голова пошла кругом, она покрасила волосы хной, купила платье, которое совсем ей не идет, напоминая о временах, когда она еще работала, и это возвращение в прошлое взбудоражило нас обоих. Как будто одного Лондона мало…

«Волхв» появится в продаже второго мая. Обед с литературными редакторами и критиками, организованный «Кейп». Чувствовал себя словно конь на выгуле при конном заводе — его разглядывают и оценивают. Все были предельно вежливы, но за спиной говорилось разное. Никто так не далек от писателя, как литератор, пишущий о писателях; его простота (ее дает сам факт творчества) и их цинизм, их *tout vu, tout lu*[17].

У Бетсы Пейн[18] вновь трудности, ее жизнь пуста, она не хочет выходить из дома. Возможно, агорафобия — всего лишь метафора для обозначения внутренней пустоты. Их жизнь внешне кажется нормальной, но в ней много ставящей в тупик парадоксальности: при наличии почти всего необходимого их существование кажется мелким и несчастливым. Нам тоже это угрожало, и, хотя Элиз по сравнению с Бетсой кажется более живой и практичной, все же существует некий зловещий опознавательный знак: парашютист, прыгающий вторым, внимательно следит за тем, кто прыгает первым. И снова все беды от напряженной одержимости собой: собственная личность кажется абсолютно не связанной с внешними обстоятельствами. Тщательное рассматривание себя в зеркале — еще одна метафора отношений Элиз — Бетсы. Ни та ни другая не выносят любопытных глаз, внимания со стороны, которое может заставить их отвести глаза, отвлечь. Элиз утверждает, что я самый большой эгоцентрик, но есть разница между поглощенностью своим делом и поглощенностью собой: в первом случае объясняешь мир через себя, но живешь, считаясь с внешними причинами и целями, в то время как во втором случае ты сосредоточен только на себе и внешний мир попросту не существует. Я могу избавиться от оков отчаяния, переключившись на внешние предметы. А для сосредоточенного только на себе человеке ничего внешнего не существует — только он сам. Все равно что пытаться поднять себя собственными руками.

8 мая

Рецензии: два «сольных номера» в «Таймс» и «Обзёрвер». Неприятный отзыв от Энгуса Уилсона[19]; гермафродитный голос представителя традиционного английского романа двадцатого века, ругающего новый роман. Неодобрительную реакцию Пенелопы Мортимер[20] можно было предугадать. Есть разного рода промежуточные рецензии, некоторые положительные. «Кейп» придет в уныние. Меня все это не очень задевает, отзывы в печати не так трогают, как должны были бы; в какой-то степени приятно, когда в больной культурной среде тебя ругают, а не хвалят.

Вся радость — в самом сочинительстве. Это правда, но чувство, часто переживаемое мною в последнее время, — якобы все написанное моей рукой должно иметь значение и ценность только потому, что это написал я, — ложь, порожденная все той же истиной. Я поверил, что «Коллекционер» — хороший роман:

ведь все это говорили. Теперь мне не так важно, хорошей или плохой называют мою книгу; «Волхв» существует, и уже в этом его оправдание. Раньше я просто писал, теперь у меня есть на это право. Можно с полным основанием считать такой взгляд свидетельством атеросклеротического синдрома; но растение нельзя отделять от почвы, в которой оно произрастает. То, что можно принять за самомнение, — всего лишь принятие судьбы, сознание своей неповторимости.

17 мая

Дэн и Хейзел с сынишкой Джонатаном. Хейзел с ребенком гостили неделю.

Мальчуган прелестный, абсолютно нормальный маленький человечек с серо-голубыми глазками и ненасытной страстью к новым предметам. Мне кажется, особое очарование девятимесячного младенца не столько в его невинности — хотя, конечно, он еще не сумел нагрешить, как бы он сам смог? — сколько в его нормальности, таящей потенциальные возможности; он чистая страница, пустой холст, он может стать кем угодно.

28 мая — 1 июня

Элиз в Лондоне; я предоставлен самому себе, живу в своих владениях; погода необычно хороша для Англии — на небе ни облачка, зацветают розы. Я много брожу, бездельничаю, но на самом деле не в восторге от прекрасной погоды. Люблю отдельные хорошие денечки, но долгие лучезарные периоды вгоняют в депрессию, посещавшую меня и на Эгейском море, да и сад жаждет дождя. Одиночество — сродни жене. В наше время с моим поляризованным сознанием невозможно счастливо жить в одиночестве. Это плохо на мне сказывается: ничто не обуздывает мое воображение, оно растекается, не сосредоточиваясь в работе над «Разнузданными»[21].

И молчание вокруг «Волхва». Ни одного письма от английских читателей — ни одобрения, ни отрицания… А ведь книга уже месяц в списке бестселлеров. Мертв не английский роман, а английский читатель.

30 июня

Колин Уилсон. На днях он прислал мне длинное письмо, где в основном писал о «Волхве» и между делом проговорился, как ему приятно, что у него наконец-то появился последователь, который не боится возделывать целину[22]. Теперь мы постоянно обмениваемся письмами и книгами. Я чувствую к нему симпатию, мне нравится его поразительная серьезность, неодолимая потребность печататься (четырнадцать книг за последние десять лет) и настойчивая попытка создать оптимистичный экзистенциализм. Однако он удручающе тщеславен и не пытается это скрыть. «Через пятнадцать лет меня будут считать самым выдающимся европейским мыслителем». И делится славой: «только мы двое выдающиеся писатели в этой стране». Это тщеславие — защитный механизм, позаимствованный у его любимых Шоу и Уэллса (и, возможно, Ницше), — я еще могу переварить, но он также демонстрирует пугающие свойства настоящего каннибала. Писателей, которых не любит (почти всех французов), он уничтожает одной фразой — и вас заодно, если вы воздаете им должное. Согласно воззрениям каннибалов, если вы пожираете своих врагов, их духи не станут вас преследовать; и он поступает так со всеми писателями, о которых не перестает думать, хоть их и ненавидит. В конце концов, мне придется поставить его в известность, что я не стану его обедом. Но я не тороплю события. Опасно быть невежливым с каннибалом…

25 июля

Лето здесь берет тебя в плен, оно быстро пролетает, а столько надо сделать в саду, в полях; столько предлогов не писать, не думать. Мне следовало бы отказаться от создания двойного портрета — Ванессы Редгрейв и новой сексуальной богини Ракель Уэлч, но это предложение стало искушением вновь выбраться в большой мир. Впрочем, не могу сказать, что мне хочется так уж много знать о внешнем мире. Здесь мы ведем уединенное, независимое, самодостаточное существование. Никого не видим; светит солнце, сверкает море, птицы и насекомые плетут рядом с нами свой летний мир. Он прекрасен — словно находишься в хрустальной сфере, где диаметр — морской горизонт, протянувшийся на семьдесят-восемьдесят миль. Чувство обособленности невелико; но все же чувствуется.

Журнал, заказавший эту статью, сам по себе уже оскорбление человечества — это небезызвестный «Космополитен». Утром получил от них письмо: им нужен взгляд «зрелого мужчины на обеих девушек». Под «зрелым» понимай «сексуально

озабоченного».

8 августа

Неожиданно наше прошлое напомнило о себе самым неприятным образом, что можно было предвидеть. Во-первых, Рой согласился оставить Анну с нами на все летние каникулы. Тут и стало известно, что он пишет книгу. Потом он спросил, не согласимся ли мы ее прочесть, и тогда мы поехали в Фулем, чтобы забрать Анну и рукопись. Нам предложили выпить, отобедать, были очень любезны; Рой, как бы между прочим, дал понять, насколько ему важно напечатать эту книгу. «Хайнеманн» проявил интерес, получено одобрение юриста (опять Рубинштейн). Мы проявили искреннее участие, что было — прошло, и никто из нас не собирается вставлять палки в колеса начинающему писателю…

На обратном пути я сидел на заднем сиденье и читал рукопись. Это что-то вроде акта возмездия — бездарно написанное, полное черной ненависти, отмщения и зависти сочинение. Имевшие место события переиначены; впрочем, он чувствовал, что отъявленные злодеи из нас не получаются, и тогда свалил на нас недостатки других людей. Не гнев вызвала у меня его книга, а отвращение. Роя нужно остановить. Такое мог написать, а тем более хотеть напечатать, только человек не в своем уме. Принялся за старые фокусы: ставит людей в заведомо ложное положение, а затем проклинает за то, что те не выполнили его просьбу. Неудивительно, что раньше он так любил Иегову из Ветхого Завета. Требуй невозможного, а затем наказывай неудачника.

В то же время мне его жаль. Две сцены он просто выдумал: в одной он дает мне хорошую взбучку, а в другой — она в конце книги — к нему якобы чуть ли не на коленях приползает Элизабет, но он ее решительно отвергает. Не сомневаюсь, что он по-прежнему ее любит, ассоциируя со Сладостным Грехом, а Джуди — с Повседневным Долгом, и потому не может изгнать из своего сердца. Если б он действительно считал ее такой плохой, какой выводит в книге, то вряд ли нанес бы мне тот вымышленный удар в челюсть — скорее, пожал бы руку и поблагодарил за то, что я ее увел. В нем прочно угнездилась уродливая сцена расставания.

Написал ему длинное письмо. Теперь ждем, когда запруда прорвется.

18 августа

Письмо от Роя — скорее, записка. Он «глубоко разочарован» нашей реакцией и самой формой нашего ответа.

20 августа

Весь месяц с нами Анна. Она вдруг очень похорошела. В ней нет той модной привлекательности, которая считается современной красотой, но перемена разительная. В ней появилась основательная, тяжеловатая красота крестьянки — скорее, немки или скандинавки, чем англичанки или француженки, — в сочетании с очарованием возраста, когда впервые осознаешь свое тело, кожу, изгибы фигуры, а в позах, движении, взгляде сквозит юная чувственность. Отношения между нами улучшились, хотя продвижение идет медленно — несколько шагов вперед и почти столько же назад. Похоже, мы трое вступаем пусть в искусственные, ограниченные, но все же отношения отца-матери и единственной дочери. Недавно я увидел Анну, лежащую на траве в невинно-соблазнительной позе — может, и не совсем невинной, и мне пришел в голову сюжет книги. Перенесение в реальность исконной природы этой ситуации, которая в контексте эпохи с ее культом наслаждения и вечной молодости становится все более и более пугающей и многозначительной. Условное название: «Классик».

Вчера, поджидая, когда остальные соберут вещи на пляже, я рассеянно рассматривал обломки камней, размытые падающим со скалы потоком, и среди них увидел отличный экземпляр морского ежа — всего лишь четвертого, найденного здесь, — и в самом отменном состоянии. Это мои любимые окаменелости — прекрасная осевая симметрия и аккуратная шлифовка. И как в прошлый раз с Анной опять пришла в голову тема для романа: некоторые темы так и приходят — совершенно неожиданно, мгновенно предлагая (задолго до того, как разработаешь детали) неисчерпаемые возможности. В какой-то степени появление такой темы сродни неожиданному выходу на round-point[23] в лесу. Заранее знаешь, даже оглядываться не нужно, что эта rond-point даст перспективу, пробудит ассоциации, она (если только хватит мастерства) «сработает».

К сожалению, накопилось много работы. Турецкий роман заброшен на середине, то же и с романом о Коллиуре[24]. Бродит мысль о расщепленном «я» — «чистом» поэте и «нечистом» романисте. Статьи о Редгрейв и Уэлч. Теперь еще и это. Ненавижу

такие этапы в работе, когда ты на rond-point, но можешь выбрать только одно направление. Сейчас мне бы хотелось, чтобы было шесть Джонов Фаулзов, а не один.

Две недели назад, когда у нас гостила мать Элиз, я садился за стол с ней, Элиз и Анной. Будто три поколения богинь.

26 августа

«Фокс» собирается приобрести права на фильм. Все говорят, что это «наверняка», но в нашем мире ничего наверняка не бывает. Кончиса, скорее всего, будет играть Куин[25], Николаса — Майкл Кейн, Элисон — Мэгги Смит.

Разбогатев на тридцать шесть тысяч фунтов, мы пошли снимать яблоки со старой яблони в нашем саду. Я карабкался по верхним ветвям с легкостью шимпанзе, рискуя упасть с тридцати шести футовой высоты, вместо того чтобы стать богаче на злополучные тридцать шесть тысяч фунтов. Но судьбу, видимо, устраивает, что ее дела передаются в руки налоговиков; Боксол[26] подсчитал, что в самом худшем случае я получу всего 3600 фунтов. Попробуем раскидать деньги на шесть лет.

29 августа

У нас гостит Эйлин[27]. Они с Поджем живут каждый своей жизнью; непонятно, как им удается существовать под одной крышей. С тишайшей Эйлин, красивой ирландкой, жить одно удовольствие, хотя в ней и отсутствует «изюминка». Впрочем, Эйлин на все смотрит с иронией и проявляет большую изобретательность, когда сама ситуация к иронии не располагает. Думаю, ирландское чувство юмора (совсем не похожее, скажем, на французское) обладает особой привлекательностью: оно кровно связано с природой, где много иронического. И, несмотря на то что подчас ирландская ирония обретает эксцентрические черты (в случае с Эйлин это вздорный дух противоречия, свою позицию она определяет через парадокс — еще один способ борьбы с логикой) или граничит с ужасом, как католицизм, все же она отражает суть бытия лучше, чем эмпирическое, «научное» знание. Последнее — разрушает, а юмор спасает.

6 сентября

Теперь приехали Подж и Кэти[28].

Кэти выросла и превратилась в насмешливое маленькое существо; она в постоянном напряжении (или мне так кажется), как бы не пропустить какой-нибудь наш промах — в логике мысли или в языке. От родителей она усвоила главное: почти все люди — безнадежные дураки и беспринципные лицемеры, их можно только высмеивать. Она — как маленький космический корабль из неведомой галактики, весьма опасный. Как мне кажется, самое печальное — то, что ее приучили видеть в художественном творчестве (особенно в литературе) главного переносчика безвкусицы и лицемерия. Если б не это, я поклялся бы, что из нее выйдет писатель, и неплохой. Думаю, Джейн Остин походила на нее.

7 сентября

Едем в Биндон к Ловериджам на обед[29]. Старинный дом, полный дорогого антиквариата, во всем чувствуется тонкий вкус; здесь Джин и Джон живут согласно своим нелепым идеям. Думаю, в один прекрасный день он наденет камзол, чулки и шляпу с плюмажем и станет принимать позы в стиле Николаса Хиллиарда[30]. Когда дамы удалились после обеда, он понес всякий вздор, утверждая, что Елизавета I способствовала примирению католиков и протестантов, и нам стоило бы следовать духу ее времени.

10 сентября

Мы переоборудовали «коттедж» в «студию» — обили деревом стены, заново их покрасили, но я не чувствую склонности к сочинительству уже несколько недель. А может, просто много других дел. Недавно приезжали Подж и Кэти. Мы обсуждали кошмарные последствия полной свободы и — самое худшее — коварно подкрадывающуюся апатию. Чувствую себя судном, попавшим в штиль; и испытываю при этом страшное раздражение: ведь сравнение неточное. И дело не в том, что здесь не дуют ветры, а в том, что, хотя занятий у меня хватает: много литературной работы и работы в саду, но результаты деятельности так ничтожны, как если бы я действительно завис в штиле. Даже не написав ни строчки, я в течение пяти-шести лет буду получать по десять тысяч фунтов или даже больше ежегодно; это расслабляет. Я должен все время находиться в тонусе,

вынашивать новые замыслы, готовиться, готовиться и, наконец, — разрешаться от бремени…

Подж говорит, что у человека наступает угнетенное состояние, если он социально не востребован и не нужен другим людям. Но говорить такое — все равно что просить не выбрасываться из окна того, кто уже летит вниз: он уже «свободен». То, что Подж предлагает: стать политически активным, деятельным и тому подобное, только создаст в моем случае новые проблемы: ведь я не уверен, что избранный мною путь не лучшее, что я могу предложить обществу (если общество этого от меня требует). Как всегда, предлагаемые Поджем марксистские решения проблемы выглядят безнадежно упрощенными перед лицом реальности. Они, возможно, подходят для крестьянского общества, для простых людей — на этом историческом этапе. Но я (и он) находимся уже на другой ступени. Если социализм всех уравняет, наше место займут неимущие. *Никакие* политические акции не смогут разрешить дилемму экономической и художественной свободы. До какой-то степени я могу понять, почему удачливые художники часто деградируют: они перестают многого от себя требовать, потому что в этом нет больше необходимости. Они видели бездну, видели ужасное отражение в зеркале, свое подлинное «я»; альтернатива — либо вновь обрести цепи, либо погрузиться в вечную скуку.

11 сентября

Через два дня отбываем в Париж, чтобы побывать на репетициях «Коллекционера» — пьесу ставит Оссейн[31]; затем в Малагу на встречу с Уэлч[32]. Мне ужасно не хочется ехать и — что удивительно — Элиз тоже; однако надо оправдать свое нежелание пускаться в путь, а для этого надо… поехать и вернуться.

15 сентября

В Париже — на репетициях «Коллекционера», режиссер — Оссейн.

Не был здесь пятнадцать лет (только проездом), и меня очередной раз ошеломила невероятная красота этого центра цивилизации, архитектурная роскошь. На пути из Орли в Париж мы проехали мимо бистро «Кафе искусств», — и этим все сказано.

Где в Англии встретишь паб с таким названием? Так могут назвать только какое-нибудь модное заведение в Челси. Величие Франции в том, что здесь даже у самых простых людей есть врожденное чувство *стиля.* Для нас же, англичан, как нации, такая позиция слишком эфемерна.

Мы в театре «Варьете» на репетиции Оссейна. Замечания, которые я сделал на сценической версии, он оставил без внимания. Оссейн не из тех людей, которые обращают внимание на внутреннюю непоследовательность или несоответствия. Главное — общий эффект, сам спектакль. В режиссере однако есть мощь, сила. Героиня — хорошенькое, нежное создание, совершенная европейка (как я там писал? — «такая же закрытая, как отстроченный шелком карман»), совсем непохожая на Миранду-англичанку. Они явно хотят сделать фарсовое представление, а не интеллектуальный спектакль. Я спросил, до какой степени успех постановки будет зависеть от того, насколько удастся подтвердить мнение каждого добропорядочного француза (в том числе и сторонников де Голля), что Англия — это остров, населенный маньяками, но получил в ответ только дипломатичные отговорки. Оссейн, обращаясь ко мне, называет меня Фол: «Vous ne trouvez pas, Fol?.. Maintenant, Fol, je veux vous montrer…»[33]

Едем в Малагу — два часа в раскаленном Мадриде, затем полет в Андалусию на переполненном самолете. Изнуряющая жара. И удручающая бедность — сточные канавы полны грязи, облупившиеся стены домов, измученное, обреченное, лишенное надежды население. По контрасту вспомнились чистые, свежо побеленные стены греческих домиков; искрящиеся весельем, раскрепощенные люди. Испания — побежденная страна; некоторые страны изначально побежденные — независимо от того, сколько войн они выиграли и сколько проиграли. Грецию побеждали множество раз — и все же она победительница. Здесь же недостает витальности — той, что в избытке обладают греки и евреи: упорного желания выжить и преуспеть.

20 сентября

Беседы с Пэтом Кертисом, — возможно, тайным мужем Уэлч[34], и с самой актрисой. В «Мирамар» он явился первым — стройный молодой человек в светло-синих джинсах и рубашке, зубы слегка выдаются, карие глаза, агрессивность борется в них с неуверенностью; особая манера слушать — с приоткрытым ртом.

В девушке есть нечто отпугивающее, у нее змеиная красота.

Сначала гипнотизирует, но потом отступаешь. С такой не хочется жить рядом. Она четко формулирует свои мысли, но в ней нет ничего оригинального — только непреклонное стремление добиться своего, преуспеть в этой жизни. Как и у всех кинозвезд, в ней чувствуешь под наигранной сердечностью ледяное нутро. Я хочу сказать, что эта сердечность сродни ее косметике.

Мы на месте натурных съемок — снимаются сцены на яхте примерно в десяти милях от Нерьи. Бесконечное ожидание солнца, выстраивание кадра, подготовка эффектов, настройка камер, возня со звездами, режиссером… и все ради тридцати секунд экранного времени. Примерно сто пятьдесят человек, которым платят не меньше сотни долларов в неделю, тратят свое время на откровенный идиотизм… Проснувшийся во мне марксист испытывает презрение. Чувство, будто тебя вываляли в грязи.

Гай Грин, будущий режиссер «Волхва», прилетает на пару дней. Пятидесятилетний мужчина с круглыми глазами, в прошлом оператор[35]. Чувствуется, что по-настоящему он не знает ни искусства, ни жизни, но зато понаторел в технике, хороший мастеровой. Очевидно, собирается во многих вещах поддерживать меня, а не голливудскую стратегию Джона Кона. Самое главное, он серьезный человек, а значит — имеет определенные убеждения, которым не станет изменять.

27 сентября

Возвращаемся в Англию на самолете, набитом англичанами, отдыхавшими в Торремолиносе. Какое чуждое и отталкивающее зрелище! Мы летели первым классом, и нашими соседями были отвратительные представители английского высшего сословия. Прожорливые и бесчувственные. Как было радостно вновь оказаться дома, в Дорсетшире, бродить по Дорчестеру, потом поехать на ферму, увидеть фруктовые деревья, овощи, древнее море. Пока нас не было, здесь жили Ронни и Бетса.

30 сентября

Вдоль берега моря — в направлении Стэнтон Сент-Габриел. Серебристо-персиковый день, угасающий и томный. Собирали ракушки. Такого прелестного дня в Испании быть не может. Не хочу больше путешествовать.

20 октября

После замечательного лета вновь неурядицы с Элиз. Она впадает в некое оцепенение, как попавшее в западню животное, — сельское уединение, открытое пространство ее гнетут. На этот раз вспышка ее гнева поразила меня. Я часто предлагаю ей куда-нибудь уехать, и в этот раз искренне этого хотел. При ней я не могу работать, испытывать радость. Серьезное ко всему отношение говорит об отсутствии чувства юмора. Октябрь здесь чудесный, но она не хочет этого замечать. Еще меня расстраивает ее скупость, нежелание тратить деньги — все это связано с ее страхом перед свободой. Для нее рутинное существование подобно убежищу, а та вольная жизнь, какую мы сейчас ведем, заставляет ее съежиться, «застыть» в надежде избежать такой участи.

Пишу пьесу — «Чувствительность». В героине есть мои и ее черты, а также Бетсы Пейн и Конни Фаррер[36].

30 октября

Элиз отсутствует уже десять дней. Живу как отшельник, моя единственная приятельница — маленькая синичка, проводящая под моим навесом каждую ночь. Погода отличная — прохладно, но ясно; каждый вечер на небе царит огромная луна. Но есть и свои минусы: я неряшливо одеваюсь, не моюсь, ем что попало и когда придется; на кухне горы мусора и грязной посуды — я же брожу по лугам и впитываю в себя жизнь природы. Это прекрасно само по себе еще и потому, что немногим поколениям суждено такое испытать. Развитие науки и техники, перенаселенность погубят природу. Конечно, останутся заповедники и натуралисты, но к 2066 году никто не сможет вот так таинственно сливаться с природой. Я живу как Джефферис[37], как Джон Клэр[38]. И не могу прославить это в словах — не потому, что не найду их, а потому что не смогу возвыситься над ними. Ведь я сам стал частью природы. Недавно ко мне зашли двое юношей с ружьями и спросили, можно ли им поохотиться на голубей. Я сказал «нет» и очень вежливо постарался им объяснить, почему существуют природные заповедники, и, хотя я сам знаю по опыту, как приятно ощущать в руке ружье… все же «нет». В то же время я колебался, чувствовал себя негодяем, что лишаю юнцов развлечения, и чуть не сказал «да». Но они тоже были детьми природы, и я их перехитрил. Заори я: да как вы смеете, убирайтесь прочь с моей земли, они, конечно же, разозлившись, пошли бы охотиться.

Когда я вернулся, на земляничной грядке сидел старый фазан; он взлетел, не чувствуя ко мне никакой симпатии. А моя синичка чувствует. Вечерами мы смотрим друг на друга — расстояние между нашими глазами два-три фута — и стараемся установить контакт. Она понимает меня (то, что я всегда борюсь с собой и могу убить), а я ее не понимаю.

Не могу назвать себя счастливым отшельником. Мне нужно общество еще одного человека, а может даже троих или четверых — кто знает! Я не могу тосковать по той Элиз, какая она сейчас, но мне постоянно недостает ее прежней. Я живу в двух мирах, в одном я счастлив, «контактен», как говорят янки; в другом — нахожусь в официальном супружестве, кислый, как незрелая смородина, все из рук валится, ничего не получается, ничего не работает. Бесконечные телефонные разговоры с Лондоном, где находится Элиз; она изливает свое горе по поводу квартиры на Пембридж-Крессент, по поводу Анны, а также собственной личности — кто она? люблю ли я ее? любит ее хоть кто-нибудь? — она так одинока. Квартира не меблирована, она сидит в ней и переживает заново события пятнадцатилетней давности: я не терпелив с ней, не поддерживаю этот поиск себя — так оно и есть, это гонка за недостижимым. Ведь она всегда хочет того, чего у нее нет. Это болезнь века. Я пытался написать об этом стихотворение, но потом его порвал. Только первая строка меня устроила. «Хочу больше, хочу больше, хочу больше…» Вордсворт на Лондонском мосту сказал о том же самом лучше[39].

Знаю, что большинство мужчин, большинство мужей помчались бы в Лондон и постарались вытащить ее из трясины, куда она погружается. Но я тешу себя надеждой, что остаюсь нормальным в сумасшедшем мире. Буду взращивать в ней здравый смысл — не допущу, чтоб меня накрыло ее безумие.

5 ноября

Возвращение Элиз. Выглядит измученной. Улыбка искажает ее лицо, как искажает она его у Пьеро. Все, что она рассказывает о Лондоне, подтверждает (хотя она к этому не стремится) мои худшие страхи и подозрения. Сузанна Кинберг проходит полное обследование; Бетсе П. посоветовали сделать то же самое; Берт и Джейн возятся с девушкой, сделавшей аборт; паразит и по совместительству любовник их подруги Дафны закрутил роман с молодой девушкой, и Дафна ушла, оставив дом на Элм-Роу своим обидчикам в один из приступов сочувствия к ним. Меня все это не трогает. «Но где она найдет другого мужчину в ее-то возрасте?»

— говорит Элиз. За судьбами всех этих несчастных женщин стоит один и тот же кошмар — одиночество, неприкаянность. Вина нашего общества в том, что оно, эмансипировав женщин, не научило их пользоваться свободой. Они, конечно же, должны быть равными с нами, но им предлагаются только наши способы существования, мужские представления (в социальном и карьерном смысле) о равенстве. Поэтому в выигрыше оказываются только женщины с мужским складом характера, которые могут подражать мужчинам. Что до остальных, то они, подобно птицам в клетках, оказываются в положении, когда не могут позаботиться о себе.

6 ноября

Работаю над вторым вариантом «Ласточки и косы». Странно слышать рассказы Элиз о Лондоне, о несчастных женщинах. Часто, когда я начинаю работать над новым произведением, у меня складывается абсурдное впечатление, что жизнь подсовывает сюжеты, которые мне уже знакомы. Я написал пьесу, почти ничего не меняя в варианте, созданном несколько месяцев назад; и теперь Элиз и весь этот galère[40] в Лондоне подтверждают, что все правильно — если не в исполнении, то уж точно в эмоциях… в общем направлении.

9 ноября

Элиз снова постоянно в депрессии. Я могу долго терпеть, но потом взрываюсь. Ей не нужна моя любовь, мое сочувствие, мое понимание — только исполнение ее воли имеет значение. Она осознает ненормальность ситуации и называет это конфликтом. Прошлым вечером мы из-за этого выпили дикое количество виски, много спорили, кричали друг на друга, разрывая тишину. Я ушел в дальний конец сада и смотрел оттуда в темноту над заливом Лайм. Нежное море, мое море. А Элиз глубоко под ним, на две тысячи морских саженей ниже любви.

25 ноября — 1 декабря

Лондон, квартира Пембридж-Крессент. Теперь Элиз ненавидит и ее. Враждебность к Лондону — самый явный симптом ее болезни. Объяснение, возможно, самое простое. Она

забыла, что такое работать. Квартира подходящая, то, что нам надо, — место, где можно жить неделю-другую, когда потребуется. Но она вынашивает свою архитектурную мечту, которая заслоняет все остальное, — мечту об особом элегантном жилище, и не просто элегантном, а еще и *компактном*. Что-то вроде огромной комнаты, где проходит вся жизнь, и я все время у нее на глазах. В конце концов мы страшно разругались. Элиз прочла «Косу» и решила, что это про нее. Так что на пьесу наложен запрет, и, если я обнародую ее, меня ждет кара. Во мне зреет молчаливое бешенство — это что-то новенькое.

Совещание по сценарию[41] в Лондоне. Джад не смог приехать. Джон К. и Гай Грин здесь. Последний меня несколько беспокоит — может, я просто еще не понял, как себя с ним держать. С Д. К. я уже освоился. У него врожденная мелкобуржуазная ненависть к претенциозности, которой предостаточно в «Волхве». Мне представляется также любопытным то, что инстинктивная ненависть, черпаемая Г. Г. из прошлого — ведь он не из среднего класса — и из самого его пути, начавшегося снизу, из операторов, — все это сейчас распространено и считается модным среди английских интеллектуалов. Иногда он кажется poujadist[42], в другое время интеллектуалом. Ему хочется, чтобы фильм воспринимался как видение Николаса: ведь «никто не поверит, что может существовать такой человек, как Кончис». К ужасу Д. К. (Et tu, Brute[43]) я не возражал. Конечно, я не сказал Г. Г., что у меня совсем другие мотивы: кино слишком реалистическое искусство, и то, что возможно в романе, не будет убедительным в фильме.

Возвращение в Лайм. Какая приятная перемена обстановки — чистый воздух, покой, тишина. Мне кажется, жители Лондона утратили всякую связь с природной стороной существования. Города сужают внутренний мир жителей, навязывают им укоренившиеся условности, увлечения, интересы, способы достижения преимущественного положения. Уверен: сейчас лучше быть подальше от Лондона — в отличие от других эпох, шестнадцатого века, к примеру, когда все было наоборот. Город сыграл важную роль в развитии цивилизации, теперь же, возможно, столь же важным будет возврат к природе.

1967

4 января

С Майком Кейном мы познакомились как раз перед Рождеством. Обед в «Террацца». Чрезвычайно неприятный молодой человек, он настолько ощущает себя звездой, что его показное внимание к писателям и принятым в кинематографе художественным критериям кажется от этого еще более оскорбительным. Я только надеюсь, что нынешняя слава не исказила полностью его внутреннюю сущность (по его мнению и мнению Джона Кона, он сейчас номер один среди мужчин-актеров — правда, большинство называет его номером два после Шона Коннери) и под маской дешевой иронии таится что-то стоящее. Впрочем, он хорош, когда острит с бесстрастным лицом, и все такое. Но этого мало.

Два дня назад сюда на вечер заявился Тери Стэмп — он снимается в фильме по Т. Гарди в Дорчестре[44]. Он по-прежнему загадочен, как принц Гамлет, нелепого высокомерия у него не меньше, чем у его дружка Кейна, но держится он намного свободнее и естественнее. Его очарование в создаваемой им атмосфере естественной радости — невольно приходит на ум раскованность восемнадцатого века.

15 января

Обед с Твигги — жертвой последнего идиотизма в мире моды. Однако ее нельзя не любить. Это сама невинность. Разве станешь винить пташку в том, что она клюет цветочную завязь?

Она рассказывает, как герцог Бедфорд возил ее в своем «роллс-ройсе» по Парижу. Увидев флаги на Елисейских Полях она обратилась к нему:

— Послушай, а у тебя есть флаг?

— Конечно, что-то развевается над домом.

Мать придает ей дополнительный шарм — настоящая кокни — миссис Малапроп[45]. «Пар-Матч» она называет «Гарри-Патч», а всем известный Видал Сассун — у нее Виктор Бабун.

Я написал статью, где сравнивал ее с Дюбарри[46]. Любопытные совпадения в датах — спустя два века.

25 января

«Любовница французского лейтенанта». Начал писать сегодня. В голове нет четкого сюжета — только настроение и чувство определенного стиля. Возникло все из зрительного образа — женщина стоит на краю мола Кобб и загадочно смотрит в сторону моря.

11 февраля

Вновь сложности со сценарием. Теперь мы в разных лагерях: в одном мы с Гаем Г., в другом — Джон и Джад. Спорим о финале. Мы хотим, чтоб он был спокойным и эмоциональным, они — «ярким» и мелодраматичным. Уже два дня спорим, ссоримся и теряем терпение. Гай говорит мало. Джад, напротив, с необычной горячностью отстаивает свое мнение. Мы с Джоном тут середнячки — но с разных позиций. Так ничего хорошего в искусстве не добьешься. Фильм обречен уже на этом этапе — что же тогда будет на следующих?!

22 февраля

Окаменелая губка — всего в дюйм — в камне. Я ее выковырял. Думаю, ей девяносто миллионов лет; впрочем, даже от легкого прикосновения миниатюрные рыжевато-коричневые выпуклости начинают крошиться. Такие хрупкие — и в то же время такие древние.

16 мая

В Лондоне. Пробы девушек на роль Лили. Я за Джин Шримптон, хоть она и не умеет играть. У киномира есть один изъян: никто здесь не способен мысленно что-то представить. Киношники не видят будущие сцены, как вижу я (или любой другой писатель). Они читают строчки, описание событий — я же вижу, как они происходят. Идеи все чаще являются мне в виде зрительных образов, аналогичных фотографии или последовательному ряду кинокадров. На этом этапе создания фильма мое мнение меньше ценится, чем мнение режиссера и продюсеров, а как было бы приятно сознавать, что именно автор — наставник профессиональных создателей образов. Полный

абсурд, но они до сих пор даже на четверть не видят в сценарии того, что вижу я. Мною все больше овладевает острое искушение попробовать ставить фильм самому. Сценарий я смог написать, и уж точно смогу снять фильм не хуже тех двух режиссеров, которых видел за работой (Уайлера и Грина); а необходимые технические познания не так уж и сложны. Если б в кино можно было бы иметь ту независимость, какая есть у романиста, искушение было бы огромным.

В последнее время мы несколько раз виделись с Шримптон[47]. Истинная причина, по которой она не может играть Лили, — ее неискушенность. Она меньше, чем кто-либо, умудрена в житейских делах, у нее умственное развитие радостного, уравновешенного четырнадцатилетнего ребенка. Восхитительная девушка. Равнодушный взгляд, с которым она смотрит на тебя с журнальных обложек, не имеет к ней никакого отношения. Она не встретилась с нами в воскресенье, потому что увидела на отцовской ферме гнездо зяблика и «просто не могла» не повезти туда Тери и не показать ему это чудо… Такая естественность очаровательна. Ей бы подошла роль нежного, великодушного создания в эдвардианской пьесе. И все же мне хотелось видеть ее в нашем фильме — из-за лица особенно; после проб — она играла лучше, чем я предполагал, но не настолько, чтобы произвести впечатление на остальных, — я наблюдал их с Элиз за ленчем в ее маленьком домике на площади Монпелье. Довольно застенчивая в общении, слегка напоминающая жирафенка, в робких и неуклюжих движениях есть даже нечто агрессивное, словно она скорее умрет, чем станет демонстрировать себя или просто двигаться более грациозно. Но это замечательное демократическое намерение «проваливается» из-за ее необыкновенного лица; ее угловатость сродни молчанию Гарбо — лишь усиливает очарование.

От кастинга в кино голова может пойти кругом: такое несметное число красивых и талантливых актрис (и мужчин не хуже) из телевизионных студий находится в распоряжении режиссеров. Видя совершаемые Джин ошибки, я не мог не думать о тех молодых женщинах, которых каждую неделю вижу по телику; они могли бы тут блеснуть. Но кино не терпит конкуренции.

20 мая

Крит отпадает. Снимать будут на Майорке. И не по вине ребят. Фашистский переворот в Греции[48] и желание

полковников нажиться на валюте (три миллиона долларов) нам отвратительны. Да и страховая компания откажется платить, если съемки задержатся из-за политической нестабильности.

Мнение Маклюэна (в «Инкаунтер» за этот месяц) о невозможности для литературы передать все значение слова — всегда происходит снижение его потенциала, получается фальшивый трюк по сравнению с истинной природой языка[49].

Сейчас пишу «Любовницу французского лейтенанта» и параллельно читаю Элизабет Гаскелл «Мэри Бартон». Ее диалог «современнее» моего — много сокращений и всего такого. Чтобы дать представление о времени, когда развивается действие моей книги, я поступил правильно, сделав диалог более возвышенным, чем тот, который использовали люди викторианского века. Мне кажется, это скорее создаст иллюзию присутствия. В каком-то смысле предельно точный викторианский диалог был бы *менее* достоверен. Не знаю, осуждал ли Маклюэн такое «искажение» реальности в романе. Если да, то я с ним не согласен. Роман — как бы разновидность метафоры, не отчет о жизни, а поэма о ней. Это относится и к романам гораздо более реалистическим, чем мои.

3–8 июня

В Лондоне. Окончательно доводим с Гаем Грином сценарий до ума. Наконец достигли некоего подобия соглашения. Он принадлежит к редкой породе людей: тугодум, но не дурак. Наши «согласования» прерывались долгими паузами, но в конце каждой — я привык их не нарушать, ведь дополнительные соображения только смутили бы его, — он изрекал нечто убедительное. Я многому научился у него — не только умению помалкивать. Чтобы быть режиссером, надо со страстью пуританина возненавидеть слово (у Уайлера это тоже было), возненавидеть литературную — лишнюю — фразу. Он терзает меня, как терьер, задавая вопросы: что я хотел сказать? что представляют собой персонажи? Часто он не понимает очевидных вещей — или притворяется, что не понимает, но я знаю: он ищет ключ к сцене, ему надо, чтобы ее понимала публика, среди которой будут японские крестьяне, чилийские интеллектуалы, люди из разных частей света, купившие билет. Ему на дух не нужна поэзия: слишком в ней много непонятного — пренебрежение к ясности смысла, диалог с самим собой, спусковой крючок у самого носа. Все эти каторжные голливудские штучки в надежде получить Оскара. Я мечтал о хорошем дизайнере, а вместо этого получил

плотника, но, уверен, неплохого. На самом деле он перекроил весь сценарий и сложил его по-своему, сделав проще, а я получил удовольствие (здоровое смирение), помогая ему в этом.

22 июня

Все три недели трудился в поте лица в Лондоне — из-за сценария мы пережили несколько кризисов. Одно время казалось, что Гая Грина снимут с проекта: Пошли тайные звонки, «прощупывание» на предмет других режиссеров. Я стал кем-то вроде секретаря при сценарной группе, пытаясь лавировать между моими тремя мастерами. В девяти случаях из десяти споры сводились к вкусовым пристрастиям, эти трое — увы! — никогда не слышали слов: Degustibus…[50] Бесконечный спор по сути был противоборством личностей, слегка замаскированный киношным жаргоном и повседневными подробностями. Не думаю, что сценарий от этого становится намного лучше; мы просто находим компромиссы, которыми, как жерновами, обвешано каждое совместное творчество.

Уже вырисовываются первые коммерческие трудности, связанные с массовой аудиторией и трудным характером звезд. Живем под постоянным страхом, нагнетаемым Джоном и Джадом; они боятся потерять Майкла Кейна, если у того не будет «сильной» заключительной сцены. Мысль о том, чтобы представить Мага учителем, а Николаса — человеком, которому надо поучиться, невыносима для них, это выбивает почву из-под ног Кейна. Поэтому придется прибегнуть к ненавистному для меня приему: хороший «ковбой» в конце концов побеждает плохого. Кроме того, у Гая страх перед самим предприятием — следствие путаницы в его сознании двух понятий «человек грамотный» и «писатель»; он вообще довольно невежествен в вопросах культуры, что плохо для фильма. У Джона Кона сексуальная неудовлетворенность. Он хотел бы, чтобы каждая сцена заканчивалась пылким объятием или преддверием секса. Джад подобен флюгеру; он часто бегает к своему психиатру, чтобы понять, почему его преследует чувство несостоятельности. Однажды вечером он сказал: «Почему я терзаю себя и семью, стараясь достичь совершенства?» На самом деле я отношусь к нему требовательнее, чем к другим. У него достаточно ума, чтобы понять, чего нам не надо делать, но ему недостает последовательности. То он бесконечно возится с одной строчкой, то ему все надоедает, и он хочет выбросить целые сцены.

Мы работаем в совершенно безумной атмосфере. Утром

чрезмерно хвалим друг друга, ближе к вечеру отпускаем ядовитые замечания, сердимся. Возможно, в этом — проклятье совместного творчества: уважение к чужому мнению непременно приводит к тирании большинства, и тогда конечный результат становится усредненным, какой бы гениальной ни была отдельная личность. Однажды, когда они орали друг на друга, я сформулировал это в двух словах и записал их: «Музы молчат».

Однажды утром Джон Кон принес информацию о нашумевшей истории с «Роллинг Стоунз»[51]. Таинственная «голая девица» оказалась Марианной Фейтфул, а все ее действия сводились к тому, что она лежала, а из ее влагалища торчал шоколадный батончик «Марс». Молодые люди по очереди брали его и надкусывали. Фейтфул была одной из тех трех или четырех девушек, которых пробовали на роль Лили в «Волхве». Естественно, пошли мрачные шуточки: «Боже, ну и прославились бы мы при такой огласке…» или (каждый раз, когда увязали в сценарии) «ОК, начинаем с крупного плана батончика ‘Марс’»…

8 августа

Знойные дни, и у меня обычная летняя апатия. Следовало бы испытывать чувство вины за то, что я так ленив и не пишу ничего нового. Недавно я отклонил предложения пяти журналов или отложил на неопределенное время, сославшись на несуществующие обстоятельства, — на самом же деле я слишком поглощен dolce farniente[52]. Прошлогодняя лень, думаю, была частично связана с окончанием «Волхва» — длинного произведения, хотя причина не только в этом, а в ужасной усталости от публикации романа и отслеживания его дальнейшей судьбы. Вот что дается мне всего тяжелее. Публикация с каждым годом все меньше интересует меня. Увидеть свое произведение в печати мне хочется не больше, чем монаху играть в водевиле.

В прошлом году такая апатия не доставляла мне удовольствия, а в этом — доставляет. Три недели в Лондоне заставили вспомнить, как редко мы наслаждаемся здесь покоем, вспомнились здешние птицы, цветы, просторы. Я с ними один на один. И хотя ничего не пишу — лишь эпизодически возвращаюсь к «Любовнице французского лейтенанта», ощущаю творческое горение. Я хочу сказать, что задуманных романов мне хватит, по меньшей мере, до пятидесяти лет, если к тому времени они еще будут меня устраивать: каждый день я все яснее вижу, что и как должен писать.

Анна опять с нами; за этот год она еще больше расцвела —

маленькая, загорелая статуэтка Майоля — не только по формам, но и по тому теплу, которое излучает. Возможно, она простила нас.

6–20 сентября

Летим на Пальму. Мы с Элиз — единственные пассажиры в первом классе, под нами восхитительное море, затянутое розовыми и кремовыми барочными облаками. Пальма на первый взгляд (да и на все последующие) так непохожа на Грецию, что сразу же по приезде мы сникли, хотя отель наш уютный и старомодный и стоит на берегу центрального залива.

Во всяком случае с архитектурной точки зрения Пальма красивее Малаги. Это быстро растущий город, что необычно для Испании; интернациональный город и, учитывая испанский строй, международный фашистский город. Повсюду богатые бельгийцы, французы, немцы — видно, что они в восторге от этого солнечного места. Политически городом управляют Церковь и фалангисты, а финансово — барселонские евреи — les chouettes[53], крючковатые носы. Для Европы — это Майами, крупный и дешевый туристический центр.

Можно сказать, тут сосредоточена энергия праздности, забота города — производство развлечений. Социальные отношения тут безобразны.

Вилла Кончиса мила, но больше киношная, чем греческая; и ее местоположение не совсем удачно: живущий по соседству землевладелец прокладывает неподалеку дорогу. За деньги он был готов остановить бульдозеры, но, получив отказ, продолжил работу. Дон Эштон, спроектировавший виллу, показал нам окрестности. Оба пляжа изгажены туристами, и каждый прилив приносит очередную порцию мусора. Ничего похожего на целомудренность Греции, на девственно чистые пляжи.

Утомительность натурных съемок — фильмы, подобно нашему, традиционно требуют огромного количества техники. На подготовку крошечной сцены уходит, по меньшей мере, полчаса; возня с аппаратурой, сбор зазевавшихся участников занимает почти все это время, а сама съемка — считаные минуты. Глупо, когда рамка оказывается важнее картины.

Первый день съемок Майка Кейна. Хорошее впечатление от его работы — безукоризненная точность, какой никогда не встретишь у любителя. Мне дали возможность сыграть с ним в одной сценке[54], так что теперь я могу судить. Конечно, мне было

известно, что надо делать, но при работающей камере все совсем иначе.

Майк Кейн потом сказал; «Всегда кажется, что ты держишься и говоришь неестественно. Надо просто найти способ одурачить публику и заставить ее поверить в органичность твоей игры». Он далеко не дурак, в том что касается его профессии, и его поведение в перерывах между съемками, когда у него поминутно просят автографы и фотографируют, подтверждает это.

Анна Карина с нами — хорошенькая и живая, но создается впечатление, что ее поведение bentrovato[55]. Ее живость, как аромат хороших французских духов — безумно соблазнительных, но не дающих забыть об их цене. Ледяные глаза выдают ее скандинавское происхождение. Однако она будет приковывать к себе внимание в каждой сцене, а именно это нам и нужно.

Пьем на прощанье с Гаем. Его сыну нужно возвращаться в школу, но мальчик настолько покорен процессом создания фильма, что вымолил у родителей согласие остаться до конца съемок в качестве мальчика на побегушках. «Если он хочет серьезно заняться нашим делом, то должен начать с самого низа», — говорит Гай. Я же не уверен, что это лучший путь к профессии режиссера. «Опыт, — продолжает Гай, — опыт — это все». Такой взгляд отражает весь идиотизм киноиндустрии. Они верят, что хорошему режиссеру знание технических средств производства важнее общей культуры. Как будто само искусство не доказывает противного.

14 октября

«Любовница французского лейтенанта». Написал примерно три четверти романа и, как всегда, полон сомнений. Кажется, я претендую на слишком многое. Хотя писать — в радость. Перед сном читаю «Балканскую трилогию» Оливии Мэннинг. Очень хороша, нечто вроде Во в утонченном женском варианте; удивительно здравая, очень английская и сдержанная по стилю проза. Никакого анализа характеров — только поступки и слова самих героев; те сравнения и метафоры, какие есть в книге, замечательно точные и яркие: так зимний день в Бухаресте «цветом напоминает синяк». Никакой явной иронии. Это действительно пример nouveau roman[56] и великолепный образец английского романа двадцатого века в духе Форстера. Часть меня стремится писать так. Разрываюсь между желанием писать как англичанин и, напротив, восстать против такой манеры.

27 октября

Закончен первый вариант романа.

28 октября — 7 ноября

Новая квартира в Хемпстеде[57]. Небольшая, красивая, все новое — мы здесь первые жильцы, но она так далеко от нашей фермы, что такое расстояние даже трудно вообразить. Однако приятно вновь оказаться в центре этого района, где через дорогу жила Эдит Ситуэлл[58] и располагалась библиотека, хотя дома выросли на месте прежних конюшен. За прошедшие пятнадцать лет здесь многое изменилось — появились бутики и модные молодые люди. Но кое-что сохранилось — места и знакомые лица. Я рад, что нам удалось узнать Ноттинг-Хилл-Гейт, но еще более рад тому, что мы вернулись сюда.

«Персона» Бергмана. С каждым его новым фильмом становится все яснее: он лучший современный режиссер. Образец экономности — и при ограниченных использованных средствах та же точность, что в фугах Баха. Два ракурса, одно место действия, минимум обстановки; простой монтаж, сдержанное движение камеры. Манера почти японская, и в то же время фильм явно вырос из искусства Северной Европы. Уверен, со временем Бергмана приравняют к Ибсену и Стриндбергу; и если нам суждено когда-нибудь иметь настоящий английский кинематограф, то придется ориентироваться на его пример.

«Война окончена» Рене[59]. Еще один хороший фильм.

8 ноября

У нас асфальтируют дорогу. Печально, что не будет старого проселка, но ездить по нему можно было только на первой скорости.

9 декабря

Неожиданно повалил снег, и сильно похолодало. До сих пор даже на почве заморозков не было. Впервые мы увидели здесь снег. Очень красиво — снег verglas[60], он покрыл инеем ветви и стволы деревьев. Украшены даже самые маленькие веточки; они обледенели, а сверху присыпаны снегом, создавая

восхитительную матовость. Холод вызвал необычную миграцию птиц: восьмого и девятого они со скоростью 50–100 ярдов в минуту летели в направлении Корнуолла и Северной Ирландии. Среди них больше всего жаворонков — сегодня от девяти до десяти часов утра они тянулись непрерывным потоком. А также сотни певчих дроздов, дроздов-белобровиков, много дроздов-рябинников, были и скворцы (хотя их основная масса пролетела ближе к закату), а также черные дрозды. К морю направились крупные стаи зеленых ржанок. Своего пика миграция достигла к одиннадцати часам утра; вечером, за исключением скворцов, пролетали только отставшие птицы. Я не мог работать, остро чувствуя странное родство с птицами — всегда его чувствовал, но здесь это усилилось. Я простоял оба утра, наблюдая за этим странным потоком живых существ, летящих над фермой и Андерклиффом.

Видел также на кусте снегирей — семь самцов и одну самочку; в снежное время они не так боязливы. Прилетели поклевать ягоды на бересклете. Еще видел лису — она стояла всего в нескольких ярдах от меня, рыжий мех на спине пылал огнем, а брюшко казалось еще белей от близости снега. Этот отраженный от снега свет великолепен, лучше — только крылья чаек: их белизна совершенна. Склон за фермой, поросший ясенем и колючим кустарником, словно возник из сказки — нет сравнения, чтоб описать подобную красоту. Просто чудо — каждая веточка будто из хрусталя; когда видишь эти нежные хитросплетения, вновь превращаешься в ребенка. А море совершило нечто невероятное, обрело новый цвет — серо-голубой с бронзовым отливом.

Съемочная группа в Лондоне, съемки на Майорке закончены. Говорят, Карина всех затмила. Финал снова изменили, но хотя бы не в сторону усложнения. Я потерял к фильму интерес; нет никакого желания вновь входить в эту кухню. Впрочем, мы не можем ехать в Лондон в такую погоду, так что проблема решена.

24 декабря

Зацвели первые фиалки.

25 декабря

В Рождество одни на ферме.

31 декабря

Похоже, все газеты сошлись на том, что 1967 год был неудачным (хотя они и сами приложили к этому руку). Вернулись и прочно укоренились старые национальные грешки; медленно созревающая английская шизофрения распустилась пышным цветом, и эти цветы никого не радуют. В этом году я заработал больше двадцати одной тысячи фунтов — двенадцать из них уйдут на уплату налогов. Будь я бизнесменом, меня бы это злило. А так я остаюсь почти безучастен. Доход свыше десяти тысяч или около того кажется мне несправедливым, и я не хочу делать для себя исключения. Права на «Любовницу французского лейтенанта» я передаю в благотворительный траст, чтобы помочь Хейзел, Анне и остальным родственникам.

Сейчас в Англии интересно жить. Но я далек от всего этого, меня совершенно не волнуют национальные трудности. Словно все происходит в чужой стране — не в моей. Думаю, такое отношение довольно распространено. Огромная разница между тем, что газеты и телевидение говорят о том, что мы думаем, и тем, что мы думаем на самом деле. По сути, все, что нас заботит на низшем уровне, — это сколько денег можно заполучить в современной жизни, то есть сколько свободного времени и развлечений мы можем иметь. И, наоборот, — полное недоверие к общественно-государственным расходам, ко всему общественному. Мнение Британии, роль Британии в мире, судьба Британии — кого это интересует? Мир может спокойно обойтись без англичан; и каждый раз, когда мы вмешиваемся в международные дела (или просто пытаемся проявить дружелюбие — как в вопросе Общего рынка), нас бьют по носу и унижают[61]. Так что мы пребываем в пассивном состоянии. Думаю, только катастрофа (или медленный естественный процесс) способны вывести нас из этой летаргии.

Кризис или революция — но цена тут такова, что отсеивается даже добро, что приходит вместе со злом.

1968

6–23 января

Элиз уехала. Я предполагал в эти дни закончить «Любовницу французского лейтенанта», но одна захватывающая история, которая некоторое время крутилась у меня в голове, вдруг потребовала, чтобы ею немедленно занялись. Вот я и написал ее за семнадцать дней — 110 000 слов. Раз в день я плотно ел, а работал с девяти до часу или до двух. В каком-то смысле рассказ был реакцией на интеллектуализм рассказанной от третьего лица «Любовницы французского лейтенанта». Ничего серьезного: просто стремительная и таинственная любовная история.

Название: «Кто-то должен это сделать».

29 января

Элиз возвращается. Разлука идет нам на пользу. Ее энергия в борьбе с обстоятельствами, мое равнодушие ко всему, кроме пишущей машинки. Мне нравится жить — но не спать — одному.

17 февраля

Встреча с Теренсом Стэмпом на его съемочной площадке (квартирой место, где он живет, можно назвать с большим трудом) в Олбани. Он как всегда напряженный, слегка мрачноватый — вроде и рад тебя видеть и в то же время не прочь отделаться. Хотя он преуспевает — Феллини приглашает его в свою новую большую картину[62], — однако производит впечатление человека утратившего связь с реальностью. Еще больше отдален от общества, чем я. На днях он встретил Эдварда Хита[63], который тоже живет в Олбани. Тот пригласил его на ленч. Тери развлекал его беседой три часа: «Он мог бы узнать для себя много нового, но явно не улавливал сути и как бы не слышал того, что я говорю». Кажется, Хит сказал, что поведение Вильсона[64] в палате общин испугало и расстроило его. Тери дал такой совет: «ОК, ты сидишь напротив, на скамье оппозиции, видишь, что старик Вильсон встает. Как только его слова начинают тебя раздражать, ты скажи про себя: „Сегодня утром Гарольд проснулся у себя на Даунинг-стрит, спустился на кухню,

приготовил отличный чай — нагрел чайник, сделал все по правилам — и понес его наверх своей старухе, надеясь, что вот сегодня она раскроет ему объятия и они наконец хорошо потрахаются. Но старая перечница только вздохнула „О боже!“, повернулась на другой бок и снова заснула. Вот ты и подумай: он хочет расстроить не меня, а свою супружницу или еще кого-нибудь. Так что выяснить нужно только одно: кто так выводит Вильсона из себя, что ему приходится портить мне нервы. Вот тогда я смогу на него влиять“».

Я спросил у Тери, воспользовался ли Хит его советом. «Он ничего не понял, — сказал Тери. — Совсем разучился слушать».

От Тери я пошел повидаться с Роем — он недавно решил, что нам надо встретиться наедине и поговорить об Анне. Хотя об Анне говорилось мало. На самом деле он хотел сообщить мне, что, наконец, его книга в печати. Я сказал: «Ну и хорошо, теперь забудем о прошлогодней истории». Но он не мог. Больше всего его обидело, что я раскритиковал диалог. «Нравственный» аспект был только придиркой. «Вспомни, как обошелся Достоевский с Тургеневым, но тот не обиделся»[65], — сказал я. «Но между ними не было Анны». Считая себя не хуже Достоевского, он продолжил все ту же тему. Его работа понравилась Хатчинсону, тот не изменил в рукописи ни слова. «Я рад, Джон. Думаю, у меня получилась хорошая книга». И все в таком же роде. Этот разговор происходил в помещении убогого паба в конце его улицы. Он нервничал, бедняга. Старался не быть агрессивным, но у него плохо получалось. Я же кротко смотрел на него, слушал и говорил как можно спокойнее. Как обычно, он в конце сказал, что мы могли бы быть близкими друзьями, я ему нравлюсь — а как насчет моего отношения? Мой ответ был: увы, я рожден троянцем — боюсь греков и т. д. Однако благодаря тому, что он все время говорил о своей книге (она называется «Плач соловьев»), вечер закончился вполне благополучно. Ситуация с Анной, похоже, сводится к тому, что Джуди устала от нее, от смены ее настроений и (возможно) хотела бы выставить ее из дома. Так что теперь мы думаем позволить Анне провести пред дипломный год перед художественным колледжем в Эксетере.

21 февраля

Встреча с адвокатом, который предлагает нам использовать дискреционный траст[66]; его, похоже, больше забавляет, чем волнует, безнадежность ситуации. Нам не избежать налога на прирост капитала; мне нужно найти такую систему

налогообложения, которая не превышала бы 30 процентов оценочной стоимости без учета другого дохода; так что все зависит от того, примет ли на веру Управление налоговых сборов достаточно низкую цифру. Ситуация со сбором налогов становится откровенным фарсом. По меньшей мере, в течение трех лет я не могу публиковать ничего, что не облагалось бы налогом по высшей ставке: выходит, до процентов моих заработков исчезнут в этой ненасытной утробе. Единственный выход — жить за границей. Однако не хочется покидать Англию по материальным причинам — все, что мне остается, это работать даром.

Работаю с девушкой, которая переводит «Волхва» на французский. Она совсем не глупа, но ее окружает удручающая атмосфера усталости и безденежья. Уже появилось несколько смехотворных переводов. И это связано не с выходом фильмов, а с тем, что до процентов всех переводов делаются халтурно. Переводчикам платят гроши — отсюда и такой результат. Это не их вина.

25 февраля

Вчера вечером вернулись из Лондона — поздно, было совсем темно. Я мельком обратил внимание, что не вижу старого вяза в дальней части Бэча. Однако было слишком темно, чтобы делать какие-либо выводы. Но этим утром — сегодня воскресенье — я пошел на зады сада и там обнаружил, что весь нижний Бэч осел. Там, где прежде росли грибы, теперь был крутой обрыв с обнажившейся желтоватой землей. Удивительно, но шедшая под уклон земля опустилась, образовав плоскую поверхность, похожую то ли на теннисный корт, то ли на полигон. По лугу прямо к живой изгороди протянулись огромные трещины; примерно в сорока ярдах от садовой ограды была самая большая расселина. Самый дальний край Бэча рухнул к морю. Необычайная вещь — словно за время нашего десятидневного пребывания в Лондоне Господь Бог решил изменить пейзаж и для этой работы согнал тысячи людей.

Сердце мое екнуло: я тут же понял, что потерял около пятнадцати тысяч, — именно столько мы заплатили за дом и необходимые перестройки. Теперь за все это почти ничего не выручишь. Но после наводящих уныние лондонских прикидок, как сохранить заработанные в будущем деньги или хотя бы суметь их потратить, то, что произошло сейчас, кажется чуть ли

не радостным событием… Освобождением. Вызовом. Ясно, что теперь нам придется уехать отсюда — и из страны тоже. После двух часов обсуждения мы решили, что должны жить в Париже. Элиз говорит, что мы еще слишком молоды, чтобы пускать корни. Что-то в этом есть, и это заключается не только во владении слишком многим, не только в антикварiате и оранжереях, но и в любви к одиночеству и природе.

В случившемся обвале есть странная красота хаотического творения: беспорядочные, вздыбленные пласты дерна, обнаженные кремниевые породы, позеленевшая галька, похожая на старые золотые монеты; даже забор покосился, как бы показывая, насколько земля ненавидит заборы, и как она возрадовалась, получив наконец возможность восторжествовать над ними.

Большую часть дня мы провели, стараясь переварить произошедшее. В каком-то смысле мне хотелось немедленно покинуть это место, передав заботу о нем профессионалам, скупщикам мебели, аукционерам, специалистам по сносу и разборке домов. И продолжать жить в другом месте. Не могу присутствовать при упаковке и разборе вещей.

26 февраля

Погода прекрасная, если не считать холодного восточного ветра.

Любопытно: барсук, чья нора находилась у подножья рухнувшего склона, по-прежнему там, будто ничего не случилось.

Ночное пробуждение, чувство, что все это просто дурной сон, и постепенно приходящее осознание, что случившееся — реальность.

Меньше всего беспокоит потеря денег: в каком-то непонятном для меня смысле они мне противны. Внешне неприятен ущерб, понесенный в Хайгейте, но в глубине души меня это даже радует. Заработанные мною деньги не улучшают положения. Здесь я потерял пятнадцать тысяч фунтов, но заработал намного больше (на бумаге, конечно, не в жизни — из-за налогов) на сценарии для одного только «Волхва». Деньги для меня больше не являются чем-то реальным, как для других людей. Я понял это во время бесед с Боксолом и юрисконсультом по налогам. Для них деньги — нечто, к чему надо относиться серьезно и уважительно; для меня — головная боль, то, что мешает заниматься по-настоящему важными вещами. Поэтому я трачу их беспорядочно.

Все равно что проиграть в рулетку небольшое наследство.

Почти удовольствие: ведь мало кто его испытал.

И еще одна вещь: я все больше становлюсь англичанином, для меня Англии слишком много. Болезненная связь с прошлым страны. Тайное освобождение — мечты о поездке на шесть месяцев в Персию, отдыхе в Японии, Перу и в дюжине других мест. Не иметь возможности путешествовать стало своего рода удовольствием — так и запор может стать удовольствием.

27 февраля

Как я был прав, дав этому месту прозвище Nilmanet[67].

2 марта

Очень странно, что уже седьмой день нет ни ветра, ни дождя, будто земля после той безумной ночи наслаждается покоем и сном. Стараюсь не думать о том, что будет, когда пойдет дождь. Трещины по всему Бэчу постоянно увеличиваются и в длину, и в ширину, а задняя ограда, которая сократилась на несколько футов, торчит из глины, твердой черной глины — ненадежной плиты с песком по верху. Тяжелые глиняные глыбы вышли наружу, когда сошел почвенный слой. Похожие на черные горки, предательски скользкие под золотистым песком и коричневатым слоем суглинка.

Мы оставили ферму на старого Халберда, свекра Джейн, и попросили как можно скорее ее продать. Он так и брызжет оптимизмом, хотя в глазах читается: этого можно было ожидать.

Боксолл — против Парижа. Вчера нас вдохновили Нормандские острова. Но цены на собственность кусаются, и еще мы узнали, что там надо прожить не менее двух лет, чтобы получить разрешение на покупку дома. Боксолл хочет, чтобы мы все время переезжали с места на место, нигде не оседали и таким образом уклонялись от налогов. Мне такая мысль нравится, но она воскрешает в Элиз прежние страхи. На самом деле происходит странная метаморфоза: я рвусь с места, а Элиз вдруг понимает, что несмотря ни на что любит нашу добрую старую ферму.

Неожиданно объявилась сипуха. Прилетела днем, кружила по саду, вокруг студии, сидела на ограде, глазела на меня. Я видел ее здесь впервые, поэтому она казалась не просто птицей, а чем-то большим. Предзнаменованием. Вчера мы полчаса изучали ее белую физиономию в форме сердечка со странными струйками

крови, струящимися вдоль клюва из внутренних уголков прекрасных темно-карих глаз (на самом деле это были ржаво-красные перья). Действительно очень красивое, производящее серьезно-комическое впечатление создание — ничего зловещего. Когда она охотится на лету, то похожа на огромного, мускулистого мотылька. Большая голова, символическая плачущая маска создают гротескное впечатление, и в дополнение — аккуратные белые штанишки на лапах.

Сейчас я уже лучше разбираюсь в своей реакции на случившееся и вижу, что осталось одно только облегчение. И ощущение, что, хотя Дорсетшир был тупиком, я рад, что мы его узнали. Такое должно случаться с писателями. Это своего рода проверка стабильности, истинности философского состояния души — своего рода срывание привычных ярлыков. Я называю себя экзистенциалистом, но всегда при этом испытываю некоторую фальшь — интеллектуальную, литературную. Но в этой ситуации такая позиция очень помогла — во всяком случае, до сих пор помогала — принять реальность. На сегодняшний момент мы жертвы двух типов обстоятельств, над которыми не властны: земельный оползень и ситуация с налогами. Но истинная свобода не только в выборе будущих действий, но и в сегодняшнем поведении. Любопытно, меня не покидают мысли о Вольтере — Вольтере в «Кандиде»: тут почти опора, поддержка, шедевр практической помощи в данной ситуации. Его парадоксальный вывод, что жизнь абсурдна, жестока и радостна (нельзя ничего изменить в этих трех определениях, потому что последние два определяют природу первого). В Кандиде (а это сам Вольтер) вызывает восхищение его способность подниматься после каждого удара судьбы и с улыбкой смотреть в будущее. Я читал «Кандида» давно, но в последние дни он припомнился мне вновь, став уместной поддержкой, большим утешением. Думаю, это случилось в тот момент, когда я увидел искореженный луг, и моей первой непосредственной реакцией стал смех. Частично — от шока. Но зрелище и в самом деле было смешным, хотя жертвой стал я сам.

Еще два следствия: во-первых, литературная работа стала приносить больше удовольствия. И — резкая перемена в Элиз: в ней заново вспыхнула любовь ко всему, что есть хорошего в этом месте, — птицам, свету, живым приметам весны. Видеть это все в последний раз или, более точно, *как если бы в последний раз.*

5 марта

Из Голливуда вернулся Джад, он показал черновой монтаж фильма Зануку и другим воротилам студии «Двадцатый век». По его словам, они пришли в восторг; его слова мало что значили бы для меня, не будь они подкреплены подписанным с Гаем Грином контрактом на полнометражную картину — снимать ее он должен этим летом — и просьбой вырезать последнюю сцену (хеппи-энд в Лондоне), чего мне всегда хотелось самому. Осенью фильм выходит на экраны.

Выгребаем разный хлам — в результате огромный костер. В сумерках я сидел в студии и увидел вдали на заборе большую черную тень. Тень скользнула на землю, прокралась через сад к смоковнице, забралась на нее, нагадила на ограду, погуляла по ней, снова спрыгнула на землю и по тропе пришла под мое окно. Я вышел наружу и позвал ее. Но она убежала. Абсолютно черная кошка. Ни у кого из соседей такой нет. Никогда ее раньше не видел. А потом над моей головой пролетела сипуха.

7–9 марта

Едем в Лондон, чтобы посмотреть черновой монтаж «Волхва». Кроме нас на просмотре присутствовали Джад и Макс — редактор по монтажу. Чувство разочарования — особенно горькое после глупой надежды, вспыхнувшей после реакции Голливуда. Куин хорош, две девушки — тоже, но Кейн исключительно плох, он абсолютно неубедителен в роли выпускника английского университета — пусть даже пролетарского происхождения. На экране видишь просто Кейна, высокооплачиваемую европейскую кинозвезду, — он играет роль, которую не понимает. Похоже, даже не умеет реагировать — не то что играть. Виноват, конечно, Гай Грин — только у Куина есть талант, позволяющий обойтись без режиссера. Ни поэзии, ни тайны. И что всего хуже — они жутко порезали фильм, сцены так быстро сменяют друг друга, что нет ощущения пространства и даже короткой передышки. Провал Кейна, который почти все время находится на экране, особенно ударил по фильму, это единственная роль, которую ни в коем случае нельзя было испортить.

Посмотрел картину еще раз через два дня, часть за частью; на этот раз она не показалась мне такой ужасной, несмотря на то что в промежутке между частями мы увидели по-настоящему блестящий фильм («Слуга Шекспира»), в котором было все то, чего нам не хватало… Любовь, искусство, человечность. Договорились кое-что вырезать, кое-что восстановить, произвести и другие доработки.

А первый вечер был из рук вон плох. Джад во время просмотра исчез — пошел звонить в Рим. Потом мы отправились в «Терраццо», за соседним столиком сидел Дзеффирелли и целая плеяда звезд — Ричард Харрис, Линн Редгрейв. Харрис обратился ко мне, чтобы сказать, как ему понравился «Коллекционер». Я едва мог говорить с ним. Эти знаменитости… как плохо их культ сказывается на искусстве.

Вчера я выяснил, как произошел обрыв. Рухнул нависший над морем большой холм. Место, где первой созревала земляника, безвозвратно ушло, нижние слои зашевелились, началось беспорядочное движение вперед глины и гальки. Холм развалился ярдов на тридцать по берегу, задерживая воды прибоя.

Сегодня — еще один чудесный день, восхитительная весенняя голубизна (дождя по-прежнему нет) — я чинил старый забор, укреплял столбы и натягивал проволоку. Не хочется, чтобы оценщик увидел, какое здесь царит разорение. Грустно видеть в таком плачевном состоянии Бэч — несомненно, старейший луг в этих краях, средневековый луг, на нем, как на всех старых пастбищах, было множество грибов. Целый микрокосмос сгинул.

15 марта

Мировая экономика разваливается: Лондонская фондовая биржа и Лондонский рынок золота закрыты, непредвиденные банковские каникулы, ощущение тридцати трех несчастий, эгоистическое западное мироустройство катится к закату[68]. Чувствую некоторую симпатию к французам, которых осуждают все эксперты: мотивы их действий в основе действительно политические. Но сама идея хранить золото, создав из него как бы хребет экономики, до того неудачная, что хочется приветствовать все, что встает у нее на пути. Золото по сути своей — недемократический металл: он ассоциируется со скрягами, накопителями, ставящими свои интересы выше общественных. События последнего года вообще схожи с тем обрушением, что случилось у нас на ферме: повсюду говорят о распаде Коминтерна, о пошатнувшемся российском стиле коммунистического руководства[69]. Но никто не ожидал возникновения подобных затруднений у капиталистического Запада.

Прослушав эти мрачные известия, я вышел вчера вечером в сад — великолепный весенний вечер, совершенно чистое небо, полная луна, ни ветерка, светящийся мягким серебром безграничный морской простор. Царящие вокруг мир и покой по

величию не уступали поздним бетховенским адажио; история, время, человеческие заблуждения — все казалось таким ничтожным здесь, что я даже улыбнулся. Гармония подобных минут в том, что осознаешь: такая красота существует и ее можно видеть — это совершенный интервал, аккорд, который в одно мгновение охватывает все. Все оправдано теперь, теперь оправдано все. Я передал свои впечатления поэтическим языком, но на самом деле это важнейший научный закон.

24 марта

Неприятный мистер Стидз предложил за ферму 12 тысяч фунтов, так что теперь придется относиться к нему немного лучше. После катаклизма земля все еще приходит в себя. Сама сделка по его предложению состоится в сентябре, так что теперь важно, как поведет себя земля. Мы хотим провести здесь еще одно лето, но, боюсь, как бы оно не обошлось нам слишком дорого.

15 апреля

Приехал Джад. Буду писать сценарий — не ради него самого, а ради замысла (в основу положена пьеса Айры Левина[70]), его захватившего, — о попытке воплотить в условиях новоанглийской деревушки идеи платоновской Республики. Начну 1 мая — к этому времени я должен завершить «Любовницу французского лейтенанта».

Я как раз работал над романом, когда на открытую страницу выполз паучок редкого вида, Scytodesthoracica, совсем молоденький. Взрослые особи, вероятно, живут в мастерской: эти пауки не обитают в природной среде. У scytodes остроумно решен механизм охоты. Паук захватывает добычу приемом retiarius[71], прыская изо рта микроскопической клейкой струйкой и в то же время качая головкой, будто поливает жертву из шланга. Таким образом, большая по размеру жертва взята в плен.

9 мая

Три часа, самый разгар солнечного дня, а у меня под окном лиса. Крупная и смелая. Оглядевшись, она энергично побежала дальше, вдоль сараев, потом — на верхний двор. Кажется, ни

одно животное не производит впечатления такой порочной и дикой независимости, Мне кажется, еще один — юмористический — аспект легенд о лисах, которые считаются такими хитрыми, вороватыми, как-то связан с их хвостом. Почему эволюция наградила лисицу таким длинным хвостом, остается загадкой: ведь животному он только в тягость.

12 мая

Заканчиваю первый вариант сценария по Айре Левину. Начал писать 29 апреля. Работы еще много, но самая трудоемкая часть сделана.

1 июня

Подписан договор о продаже фермы. Мы должны съехать 15 сентября.

Парочка косуль обосновалась в дальнем конце луга. Когда мы подошли ближе, они, стоя в зарослях папоротника, навострили уши. Косули думали, что не видны: их головы скрывал высокий папоротник, но белые ушки трогательно и смешно торчали наружу. Даже когда они лежат, я обычно их замечаю: ни с кем не спутаешь этот ярко-коричневый цвет, такой заметный в просветах между растениями. Однажды вечером мы разозлили самца, и он проводил нас с рычанием до середины луга. Слишком грозный рык для такого небольшого животного.

В зарослях утесника должна быть лисья нора. Мы видели лисят, гревшихся на вечернем солнышке.

6 июня

Убийство Роберта Кеннеди. «Волхв» должен был впервые выйти на экраны этого города и в тот же самый день[72]. Просмотр, естественно, отменили. Классическая ситуация — то же самое, что было с Освальдом: оба убийцы — *никто,* ничего не представляющие собой люди. Не верю, что объяснения Сирхана правдивы: что он якобы считал Кеннеди про-израильски настроенным политиком. Его мотивом, как и у анархистов девятнадцатого века, было желание прославиться, перестать быть никем. На первом судебном заседании он давал краткие ответы «да» или «нет» и больше всего был озабочен тем, чтобы его

фамилия произносилась правильно, и этого можно было ожидать. Так что теперь Сирхан войдет в историю, независимо от того, что случится с его телом. Когда пошел слух, что у него была помощница, несколько женщин бросились в полицию доносить на себя. Показательно, что это случилось в Америке, ведь там такие неудачники терпят сокрушительное поражение (от более удачливых соплеменников) и более остро ощущают свои промахи.

20–26 июня

В Лондоне. Делаю телевизионную передачу и обсуждаю с Джадом сценарий по Левину. Два сезона мы плодотворно сотрудничаем, и теперь я понимаю, как много из прошлых трудностей нужно отнести за счет Джона Кона. Возможно, мы с Джадом составляем своего рода еврейско-гойское равновесие, некое взаимное понимание и терпимость — качества, которые ни один из нас не демонстрирует своим единоверцам. Он стыдится, что Джон его соплеменник, — точно так же и я испытываю чувство стыда за многих англичан.

23 июля

Элиз прочла «Любовницу французского лейтенанта», ей не нравится концовка и эпизод с Кэрролл. У меня тоже были подобные сомнения, и теперь я переписываю эти места. Слава Богу, на этом этапе работы персонажи еще мобильны и легко поддаются изменениям.

30 июля

Десять дней назад мы приехали на мельницу Чарли, где встретились с Роем Кристи и Джуди[73]. Они явились уже на следующий день, чтобы провести с нами вечер в надежде на примирение. Вечер затянулся до утра; для меня эти десять часов были самыми томительными в жизни. Рой по-прежнему опасно балансирует между неудержимым гневом и попыткой самообладания, — старанием контролировать свое обычное поведение. Он решил, что его сильная черта в литературе — сочетание комизма и серьезности. («Только Шекспиру и Диккенсу это удавалось». Мне понравилось это «только».) В неофициальной обстановке внезапные приступы довольно агрессивного

подтрунивания сменяются у него неожиданной серьезностью и даже важностью. Но под этим все та же мания величия и эготизм; не думаю, что найдется второй человек, которому были бы так же не интересны другие люди. Около двух часов, после того как было выпито все на столе, Рой потребовал, чтобы я ежемесячно высылал ему чек на содержание Анны. После этих слов он вдруг разразился рыданиями. Все мы стали его утешать. Конечно, конечно… Но разве мы не предлагали этого раньше? Нет никаких причин волноваться… Ненависть ушла. Перемена была очень резкой, он поступился самолюбием — сказать было нечего. Поэтому мы сидели и молчали, пока он не пришел в себя и не позволил нам добрыми словами вновь вернуть его хорошее настроение.

Мы вновь встретились с ним — теперь уже в Лондоне. На этот раз присутствовала и Анна. После двух часов, когда все из кожи лезли, чтобы быть приятными друг другу, Рой отправился в паб. Я пошел с ним. Мы сидели и пили пиво. Рой снова сел на своего конька: он так надеется, что мы станем добрыми друзьями — более того, близкими, у нас так много общего… Я, по своему обыкновению, упирался. Думаю, его симпатия основана на моем «уважительном» выслушивании его самовлюбленных тирад, с которыми я почти никогда не спорю. Он же видит в этом возможность более близкого общения. Я промямлил, что никогда не чувствовал потребности в тесной мужской дружбе, так как по натуре отшельник и т. д. Тут он вновь разъярился: «Почему ты всегда так говоришь? Зачем притворяешься, что не умеешь ладить с людьми?» — «Потому что многие из них заставили меня в это поверить, а я приспосабливаюсь к обстоятельствам», — ответил я. Домой мы возвращались в суровом молчании. Мне следовало бы знать: его неспособность уразуметь, что все люди разные, заставляет его верить, что любое отличие от него (или простая декларация независимости) — проявление враждебности.

Полагаю, это стало дополнительным аргументом в пользу эмиграции: от мысли, что предстоит снести еще много таких «дружеских» вечеров, меня затошнило.

Фильм «Волхв». Мы пришли на показ; в зрительном зале киношные друзья Джона и Джада. Мне показалось, что я ощущаю признаки неуспеха. Как мы и опасались, фильм получился пошловатым. Операторская работа и монтаж на уровне, но музыка оказалась невыносимо банальной. Игра Кейна, несмотря на все монтажные ухищрения, осталась топорной, полностью лишенной глубины. Мне отвратительна пугающая пустота и неискренность получившегося фильма. Частично виноват я сам — там, где сценарий откровенно плох, виноват полностью, — но я

виноват и в том, что не предвидел опасность работы над сценарием с таким человеком, как Гай Грин. Теперь мне понятно, почему он хотел убрать все ремарки: он просто не знал, как перенести мои мысли в фильм. Все диалоги проходят с черепашьей скоростью, а каждая значительная реплика чрезмерно подчеркивается — и в манере ее произнесения, и в предшествующей тягостной паузе. После просмотра я не смог скрыть недовольства, чем ранил Джада — единственного, кого не хотелось бы обижать.

Будущее по-прежнему туманно. Родилась идея: не основать ли мне компанию, чтобы затем передать ее издательству «Букер». В результате через пять лет я получу около 40 процентов от того, что заработаю, а не 20, если соглашусь на прямое налогообложение. Но есть и недостатки: в структуре «Букера» я должен находиться не менее пяти лет, и еще — они будут брать себе половину того, что спасут от налогов[74]. Все завит от того, говорит Том Машлер[75] со своей обычной резковатой прямотой, что ты предпочитаешь — чтобы твои денежки пошли деловым кругам города или на строительство дорог и больниц. В его словах есть некоторое упрощение, но есть и рациональное зерно. Альтернатива — изгнание; предпочтительнее всего Мальта: там можно сохранить 95 процентов заработка. Мы колеблемся и каждый день принимаем новое решение.

5 августа

Белый как снег голубь летит в одиночестве на запад над свинцово-серым морем. У нас гостят Хейзел, Дэн и трое детей[76]. Они нас утомили и заставили почувствовать себя эгоистами — сколько же внимания требуют трое маленьких детей! Хотя Джонатан, которому завтра исполнится три года, так обаятелен в своем своеволии, что ему можно все простить; он очень изобретателен, требователен — в этом ангельском личике несокрушимая воля, ему нужно все рушить, ломать, опрокидывать, заливать водой. Трудно понять, как родился образ херувима; впрочем, может, и легко, если представить, что он возник от противного — настоящих детей.

Любопытно, что он совсем не испугался волов в поле, но в страхе отпрянул при виде слепозмейки, обвившей мой палец. Думаю, все дело в «защитном» влиянии слов: волы ассоциируются с приятным «му-му», для малыша это «муму-ки». А для слепозмейки у него нет ни словесного обозначения, ни привычной зрительной картинки. Когда же я показал, как она

высовывает язычок, если прикоснуться к ее носику, он захотел ее поцеловать.

14 августа

Замаячил Гозо — как утверждают, приятный остров неподалеку от Мальты. Мы решили поехать туда — осмотреться, после того как съедем со старого места.

18 августа

Ничего не получается. Боксолл считает, что мы должны жить там, по крайней мере, месяцев шесть в году; похоже, и в этом убежище от налогов есть свои минусы. Вчера ездили в Корскомб, неподалеку от Биминстера, смотреть пришедший в негодность уродливый и мрачный викторианский особняк, затем осмотрели дом в Моркомбилейке, еще припомнился нам особняк Белмонт-Хауз в Лайме, его мы впервые посетили шесть недель назад, — он самый красивый в этой местности, несмотря на то что когда-то прекрасный сад теперь полностью во власти сорняков и разросшейся ежевики. Просят за него несуразно много — двадцать пять тысяч фунтов. Мы с трудом наберем столько. И вообще как-то нелепо — сниматься с места, чтобы поселиться поблизости. Инстинктивно мне хочется покинуть Дорсетшир хотя бы на два-три года. Все больше тянет дальше на запад — в Саут-Хэмз или Теймар-Вэли, в Корнуолл, возможно. Мы меняем решения каждый день; думаю, это происходит из-за власти, которую имеет над нами это место. Я всегда ее ощущал, а теперь и Элиз почувствовала то же самое, и даже в большей степени (почему мы продали ферму, почему бросаем ее прежде, чем она разрушилась, и т. д.). Подобного места нам больше не найти — ни этого мирного пейзажа, ни той близости к тайнам животного мира, которой был окутан этот дом. Я не могу об этом писать, хотя то что происходит — это ампутация, и заслуживает, чтобы о ней написали. Но я не могу. Стойко, мужественно, молча пережить это испытание — единственная возможность удержаться от слез.

21 августа

Грабал «Поезда особого назначения»[77]. Великолепная вещь:

хороша, как шедевры Джойса в этом жанре (длинный рассказ или короткая повесть). Хотелось бы и себя попробовать в нем: искусство показать мир сквозь узкую щель. Можно добиться этого (Джойс и его «похороны»), взяв одно событие и представив его полностью, со всех сторон, что не получится даже в полноценном романе, или (как Грабал, Вольтер) ужав роман до половины или трети его длины. В последнем подходе я вижу параллель с акварелью: импрессионизм — со строчной буквы — характерен для этого подхода. Переработка, исправления здесь не очень подходят; не то чтобы они были невозможны, как в акварели, но, если заметны, — это катастрофа. Нужно уметь получать удовольствие от техники акварели: первый мазок сразу же класть безукоризненно. Это великолепно удавалось Грабалу.

25 августа

«Любовница французского лейтенанта».

Работа над романом закончена в октябре 1967-го.

Первая редактура завершена 23 апреля 1968-го.

Вторая редактура — 17 июня 1968-го.

Третья редактура и новый конец 25 августа 1968-го.

Не предполагал, что чтение Грабала будет как нельзя более кстати. Идет пятый день чешского кризиса, и то, что я называю «грабализмом», — Давид, убивающий Голиафа, скорее, с помощью юмора, чем пращи, — стало обычным явлением[78]. В каком-то смысле я рад случившемуся. Юные девушки, разрисовывающие русские танки разными непристойностями, мощный фонтан искрометной сатиры — это шаг вперед для человечества. На лучших фотографиях из Праги мы видим смущенные лица русских солдат. Этот инцидент чехи перевели в разряд чешской сатирической литературы — к этому приложил руку и Мрожек, приехавший в Чехословакию из Польши, чтобы принять участие в событиях[79]. По-своему я жалел русских — они просто отыгрывали свою роль не лишенного обаяния, нелепого «слона в посудной лавке».

Никто из пятидесяти одной тысячи комментаторов не объяснил мне, в чем истинные причины русской агрессии. Есть основания полагать, что оккупация планировалась задолго до самой акции. Было ясно, что подобные действия вызовут прилив ненависти к России. Русские не могли, учитывая расстановку сил в атомном противостоянии, серьезно беспокоиться по поводу потери Чехословакии как стратегического партнера (думаю, это всерьез и не рассматривалось). Руководители страны должны

были понимать, что агрессия против чехов усилит недовольство и внутри страны. Как в былые времена, я начинаю думать, что они игроки высокого класса. И ищу основания для такого опасного риска с их стороны. Одна выгода для Кремля в интервенции против Чехословакии очевидна: она настраивает всех против России, страна оказывается в изоляции, что позволяет руководству вернуться к прежней сталинской политике. Любой спад напряжения в холодной войне неблагоприятен для экономически более слабого звена — России. С исчезновением врага уйдет и жертвенный дух. Его место займет жажда потребления, стремление к прочим ярмарочным удовольствиям. Полагаю, что цель агрессии как раз и заключалась в создании нынешней ситуации.

30 августа

«Парамаунт» равнодушно принял сценарий «Стража»[80]. Основная мысль «раскрывается слишком рано; нет должного напряжения». Это напоминает выражение: «Задушить в объятиях».

5 сентября

Послал «Любовницу французского лейтенанта» Тому Машлеру. Уже не так волнуюсь, как прежде, хотя не ожидаю, что этот роман понравится ему больше двух первых. Но кажется, я почти добился того, чего хотел.

6 сентября

Погода великолепная, жаркое лето в разгаре. Теперь, когда близится день нашего отъезда, нас охватила вполне объяснимая печаль и досада, что с отъездом мы поторопились — тем более, что решение, наконец, принято: за границу мы не едем. С другой стороны, нам все равно не удалось бы прожить здесь всю жизнь. Окончательное обрушение произойдет лет за десять — чем дольше здесь задерживаться, тем хуже для нас. А к той любви, которую я испытывал к этому месту — его мне никогда не хотелось покидать даже на день-другой, — примешивалось что-то нездоровое.

7 сентября

Предложил за Белмонт-Хауз 18 тысяч фунтов. «‘Любовница французского лейтенанта’ — просто чудо. Мои поздравления. Подробности в письме. Привет, Том».

На душе стало легче. Хотя, думаю, он говорит такое почти всем.

13 сентября

Покупаем Белмонт за 20 тысяч — если не случится ничего экстраординарного. По ночам не спим в ужасе от содеянного, днем же с нетерпением ждем, когда переедем на новое место. В какой-то степени это связано с уживающимися в нас двумя финансовыми философиями: семейным подходом, согласно которому сущее безумие выбрасывать двадцать тысяч (плюс еще пять или больше на обустройство) на дом, стоящий на той же земле, что однажды уже подвела нас; и другим, при котором коммерческие потери для нас не самое главное в жизни. За последние годы я заработал так много денег, что при принятии важного решения нелепо беспокоиться о деньгах. Думаю, наши ночные страхи сродни занудству муравья, укоряющего безрассудную стрекозу; или, говоря другими словами, мы окружены пуританами, мечтающими убить в нас экзистенциалистов.

16–17 сентября

Великий переезд. Его осуществили за пару дней двое пожилых мужчин; они аккуратно все упаковали и потом увезли. Обоим под шестьдесят, но они демонстрировали недюжинную физическую силу и выносливость; а вот привозившие нас сюда пятеро или шестеро молодцов всю дорогу ныли и ворчали. Теперешние же ни на что не жаловались. Странно, но от этих двух дней, когда мы отделывались от макулатуры и прочего хлама, я получил удовольствие — меня радовало движение, здоровые перемены. Но после ночи, проведенной в пустом доме, когда, поднявшись на рассвете, мы стали подметать полы и заниматься кучей других мелочей, которым не предвиделось конца, настроение у нас было хуже некуда. Многое мы перевезли к Чарли Гринбергу в Фаруэй и там остались на ночь; затем нанесли визит в Белмонт и обошли дом с Куики, желая знать его мнение[81]. Он нам очень помог в том смысле, что указал на грибок и множество других недостатков. В некоторых отношениях

дом плох, но мы не хотим уезжать из Дорсета, с побережья, и потому будем его покупать. В этот раз мы поднялись на мансарду, откуда открылся потрясающий вид на море; если переделать одно из верхних подсобных помещений с окнами на юго-восток в пентхауз, будет чудесно.

20 сентября

Хемпстед. Работаю с Джадом над сценарием по Айре Левину — эта работа чертовски мне надоела. В представленном сценарии я выделил одну наиболее интересную сюжетную линию, а теперь от меня требуют внести в текст разные нелепые изменения. Киношники — слабый народец, тростник колеблемый[82]. Легкий ветерок, подувший со стороны последнего коммерчески-удачливого фильма, клонит их к сырой земле.

У Чарли Гринберга в Патни. Он сейчас страстно увлечен тем, от чего прежде страдал и я: стены скромной современной гостиной теперь увешаны скверными викторианскими картинами, на каждом столике — бронзовые статуэтки; короче говоря, хозяин превратился в старьевщика. Но от него исходит такой здоровый еврейский энтузиазм, что на это приятно смотреть. Он может вызывать только симпатию.

К Лондону трудно привыкнуть. Теперь я не мог бы постоянно жить здесь. И дело не столько в шуме, толчее и прочем, сколько в давлении на психику: вторжение новых идей, новых достижений, новых знаменитостей-однодневок. Мне это мешает.

1 октября

Встреча с Томом Машлером. Он хочет, чтобы я изменил две концовки, приглушил авторский текст в «Любовнице французского лейтенанта» и поправил еще некоторые мелочи. Ему трудно симпатизировать — он не меняется. Внешне все больше похож на натуры Эль Греко; в глазах голодный блеск. Он ближе к дьяволу, чем к святому; глубоко в нем таится гомосексуалист, исполняющий роль «мужчины», которому необходимо насиловать все вокруг. Свойственное ему желание подняться вверх, быть всегда правым, выйти из всех ситуаций победителем дополняется потребностью в нежных чувствах со стороны гомосексуального партнера, хотя при первых признаках сентиментальности сидящий в нем мачо щелкает хлыстом. В нем уживается причудливая смесь подавленной невинности и

отвратительного высокомерия (при встрече всегда возникает ощущение, что он не может уделить вам больше двух минут и у него нет времени выслушивать ваши возражения — на самом деле, это скорее ощущение: несмотря на первую грубовато-настойчивую просьбу кое-что переделать, он не лишен как редактор и чуткости). Если я начинаю возражать, он уступает с поразительной легкостью. «Ну, не знаю… возможно, вы правы… хорошо, не будем спорить». Все ругают его, а он, в свою очередь, ругает всех. Ну почему мне приходится иметь дело с такими никудышными агентами, тупыми бухгалтерами и т. д.? Думаю, из всех евреев, с которыми я знаком, он наиболее типичный представитель этого племени: законченный образец печального, беспокойного, отверженного сына Израилева. Грустный Дон Кихот литературного бизнеса.

Наши отношения могут не ограничиться одной литературой. Он намеревается стать кинопродюсером и хочет попробовать свои силы на «Любовнице французского лейтенанта» — каким-то образом ему удалось «умыкнуть» из издательства рукопись и показать ее Карелу Рейсу. По его словам, тот его близкий друг. Рейсом я восхищаюсь, поэтому у меня нет никаких возражений против такого плана — тем более, у Тома есть напор, есть все те качества, которые помогут ему стать хорошим продюсером — не хуже, чем редактором. Но надо приучить его держаться со мной менее подозрительно и более уравновешенно.

2 октября

Мне предложили аванс 8 тысяч — по словам Тома, такой большой аванс не дают никому за исключением авторов популярных триллеров, таких, как Лен Дейтон и Ян Флеминг. Газеты сейчас пестрят жалобами романистов на низкую оплату труда, и такой аванс кажется невероятным. Трудно поверить, что мой роман так хорош, что будет продаваться в этой стране и приносить прибыль. Я рассказал об этом родителям и Чарли Гринбергу, испытав при этом некоторое смущение.

11 октября

В Фаруэе, у Чарли Гринберга. Мы (Чарли и я) поехали в субботу в Эксетер на ярмарку антиквариата; мы с ним опасная парочка, так как заводим друг друга, обостряя и без того болезненную страсть. Ярмарка привела меня в восторг, как и вид

фарфора из Нью-Холла, который подорожал в шесть, семь, восемь раз после моей последней покупки здесь несколько лет назад. Я ничего не купил, кроме очаровательного керамического кувшинчика, прелестной миниатюры, эоловой арфы английского ампира, двух восхитительных картин; еще в одном магазинчике я приобрел японскую гравюру, а в другом — два монгольских рисунка.

17 октября

Эту неделю я жил один в Фаруэе, работал над проклятым сценарием. Сюжет закручен так, что ничего не происходит естественным путем, каждый новый ход усложняет и без того запутанную коллизию. Мои единственные компаньоны — скворцы, пристроившиеся на крыше и трещавшие всю ночь. Иногда кажется, что они надевают подкованные ботиночки и маршируют взад-вперед. На старую яблоню тоже прилетают славные птички: каждый день здесь объявляются длиннохвостые синицы, болотные синицы и пищухи; сбрасывает перья канюк. На лугу напротив дома созывает коров старик; через дорогу пожилая дама низким голосом разговаривает со своей собакой. Я поднимаюсь по холму, неспешно прохожу милю-другую. Свежая, зеленая долина, все разрослось, повсюду ручейки, множество буковых деревьев — солнце высвечивает их сероватые стволы и оранжевую листву. Срываю все еще цветущую скабиозу на вершине ближе к Хонитону, здесь в растительности начинает преобладать вереск; острое наслаждение приносит этот островок из другого времени года, другого пейзажа — такое впечатление дарят некоторые цветы. Внизу все в пастельных тонах, беломраморное, голубое — ни живопись, ни музыка, ничто не сможет передать впечатление об этом так интенсивно и полно. Аромат некоторых цветов (вроде побега василистника — июль, заливные луга, ялики, пиво за столиками около сельских пабов) — по существу, скрытое искусство.

Эти прогулки, во время которых не происходит ничего необычного, заставили меня еще сильнее полюбить эти места. Не хочу жить нигде — только здесь. Отныне не буду проводить в Лондоне больше нескольких дней за раз.

29 октября

Банкет в «Кейпе»; мы не были ни на одном уже несколько лет.

Удивительно, но никто из директоров и словом со мной не перемолвился, за исключением Тома, конечно. Майкл Хауэрд явно не знал, кто я, а Тони Колуэлл и Грэм Грин[83] не хотели этого знать. Думаю, они осуждают Тома за то, что он выписал мне такой большой аванс, но не могут ему это высказать и потому отыгрывались на мне. А может, это просто типично английская реакция — нежелание вникать в то, что не нравится? Мы говорили с Тарнами[84], Уайзменами[85] и отцом Тома, приятным пожилым жителем Германии и Швейцарии; он удивлялся и немного завидовал успеху сына: ведь в 1930-х нацисты заставили его бросить в Берлине собственное издательство левого направления. Он ругал меня за то, что я много курю; притворные разговоры о вреде курения быстро приедаются, и мне нравилось, что он всерьез этим озадачен. В его присутствии я стал даже реже курить.

Там была также Эдна О'Брайен[86]. Видно, что теперь мы у нее в черном списке. Я оскорбил ее тем, что поцеловал при встрече в щеку; думаю, мы нанесли оскорбление ее жизненным принципам еще и тем, что остаемся мужем и женой; или, возможно, она видит во мне опасного литературного соперника, олицетворяющего философию стабильности, в то время как она решительно настроена на противоположное. Коварная женщина, классическая сирена во многом. Я наблюдал, как она пробует свои чары на мужчинах; в их глазах появляется то же выражение, что и у спутников Одиссея: только слово — и я твой. Роман Роя, который, наконец, куплен («Соловьи рыдают»), — книга законченного эгоцентрика, каждый персонаж — это он сам, слегка загримированный; в романе есть карикатурные, безвкусные места — вспоминаются Раскин Спир[87] и Галли Джимсон[88], — очень противно. По сути — это плач по утраченному прошлому; такая книга могла бы привлечь читателей двадцать лет назад.

31 октября

Денис[89], который жил в Лондоне весь этот месяц — сейчас он директор Института Британского Совета по языкознанию на Портленд-Плейс — и избегал нас как чумы, зашел вечером пропустить со мной по рюмочке. Он совсем не изменился и, когда бутылка виски наполовину опустела, завел старую песню об утраченных надеждах, о бессмысленности теперешней работы, своей запутанной жизни. «Всю жизнь я только мучил людей». Он смутился, когда я сказал, что знаю о его романе с француженкой в Нигерии: «Но Элиз и Моника теперь близкие подруги. Они мне

сами говорили». Его всегда огорчает, если о нем узнают нечто нелицеприятное не от него самого. «Знаю, для тебя я бедняга Денис, вечный клоун…» Я сказал, что у него симптомы болезни Тристана и Изольды; он мог бы писать — нужно только отыскать немного времени и набраться смелости; он согласился, но ему слишком дорог этот миф. У него есть — и всегда было — отчетливое влечение к смерти; сейчас оно на нем вроде выжженного клейма. Речь идет не о смерти в буквальном смысле, а о медленном умирании из-за сознания, что жизнь его могла бы сложиться иначе. Он говорил о необходимости поддерживать Монику и Майкла, словно то был тяжкий крест, немыслимая ответственность, с какой не справиться ни мне, ни любому другому, — только человек такой редкой породы, как он, истинный мученик мог с этим совладать. «Завтра же бросил бы работу в Совете, если б не необходимость обеспечивать Майклу стабильное существование». Потом он признался, что недавно написал несколько страниц телепьесы, но «стоило вернуться в понедельник на работу, как на меня вновь всей тяжестью обрушилась реальность». Это звучало так, словно свободный человек говорит: не могу это сделать — нужно вернуться в Тауэр, где меня вздернут на дыбу. Я хочу сказать, что в его согласии подчиняться тому, что ему ненавистно, есть что-то средневековое.

Чтобы быть писателем, недостаточно избавиться от того, что в тебе плохо; надо избавиться и от того, что в тебе хорошо; последнее пригодилось бы в других областях деятельности, но здесь не подойдет — от него тоже придется отказаться. Сделать это гораздо труднее, но важнее ничего нет.

Гарди, «Джуд Незаметный». Мне кажется, это самый интересный роман из всех написанных этим загадочным писателем, хотя и не самый лучший. Чего в нем не хватает — так это толики иронии, уловок (намеренного использования случайного стечения обстоятельств), к которым прибегал Пастернак, чтобы завершить «Доктора Живаго»; и еще писателю недостает мужества принять ни свое частное прошлое, ни свое публичное настоящее. Нет сомнений — у книги должен быть подзаголовок «История моей любви к Трифене»; как и нет сомнений — он трусит, и потому превращает Сью, нервную, фригидную женщину, в величайшую кокетку, какой еще не знала викторианская литература, что в результате сильно навредило роману[90]. Известный вопрос Госса в действительности должен был бы звучать так: «Что сделал с мистером Гарди страх за свою репутацию, если он не рискует больше осуждать Провидение под небом Эссекса?»[91]

Конечно, Гарди патологически рьяно стремился утаить свое

прошлое, но у меня нет сомнений: подлинная правда о его отношениях с Трифеной раскрыта именно в «Джуде». Можно догадаться, какой страстный (совсем не в духе Сью) роман переживал он в 1867–1868 годах. Результат — рождение внебрачного ребенка (дитя Арабеллы в «Джуде» с прозвищем «Дедушка-время»), который, должно быть, умер к тому времени, когда Гарди в середине 1890-х закончил роман. Возможно, было и самоубийство в Оксфорде… или что-то близкое к этому[92]. С 1870 года или немного раньше в Трифене назревает переворот — она стремится к респектабельности, в ее душе поселяется чувство, что она пошла наперекор религии и т. д… все это, возможно, связано с какой-нибудь семейной тайной (таящейся в завете «Фоли нельзя вступать в брак с родственниками»). Ясно, что Арабелла — это Эмма Лавиния, соответствующим образом преображенная, но в сути своей оставшаяся той же (пренебрежительное отношение к утонченному Джуду, удерживание на сексуальном крючке и т. д.)[93]. Филлотсон — это Чарлз Гейл; полагаю, что в Плимуте между Трифеной и Гарди произошла какая-то ужасная сцена, определившая заключительный этап жизни Сью в романе[94].

Именно на лежащей в основе произведения истинной истории держится весь роман; это и делает Сью, несмотря на все несоответствия в ее характере (помимо преднамеренно созданных писателем), такой живой. Уверен, потому и была сожжена фотография — ведь она и так оставалась с ним. Что-то в ней напоминает мне Санчию Х.[95] — сложностью переходного возраста, духом жрицы Астарты, а также талантом к обольщению, затем к отречению от своих слов, взглядов; игривостью, радужной переменчивостью — недоступностью протянувшейся в небе разноцветной дуги. По сути — роман юнгианский, это история одержимости речной девственницей, princesse lointaine[96], и прочими представительницами таинственного племени.

Гарди мне близок. Читая «Джуда», я видел технические погрешности автора и понимал, как они возникли, словно сам писал книгу. Было чувство, будто я точно знаю, как работал его мозг, как он творил, — не потому, что я обладаю какими-то объективными знаниями о том, что действительно произошло с ним в жизни, а потому, что у меня так же устроены мозги, я тоже с благоговением отношусь к личному мифу, к способности использовать и преобразовывать его. Сара в «Любовнице французского лейтенанта» (до прошлой недели я не читал «Джуда») — вариант Сью; написанная мною вторая «печальная» концовка — на самом деле дань уважения Гарди: он именно так закончил бы роман[97].

Для меня Гарди в прозе — как Клэр в поэзии[98]; в каком-то смысле (здравомыслящие академические критики, у которых в руках гораздо больше фактов, чем у меня, назовут это всего лишь тщеславием) я чувствую, что эти двое мне ближе, чем кто-либо из живущих, кроме самых близких, — что-то вроде перевоплощения в обратную сторону: я продолжаю жить в них, а значит, живут и они. У Клэра есть великое стихотворение, написанное им в приступе безумия («Песня последнего дня»: «Был день, ужасный день»), оно не дает мне покоя, словно я сам написал его. Постоянно возвращаюсь к нему, читаю снова и снова — *точно* так перечитываешь свое, только что написанное стихотворение, если оно тебе нравится.

4 ноября

Еще одна торжественная вечеринка — на этот раз у Уайзменов по случаю выхода в свет романа Тома Уайзмена «Быстрый и мертвый». Там опять была Эдна О'Брайен и много людей из бывшего профессионального окружения Тома (он одно время работал кинокритиком в «Экспрессе»): Пенелопа Мортимер, Милтон Шульман[99], Дайана Ригг[100], ее режиссер и одновременно любовник Филип Сэвилл[101], Карл Форман[102] и Кен Адамс[103], которые делают фильмы про Бонда. Не могу объяснить, что особенно неприятно в киношниках (непереносимо для Элиз и меня); это даже не их предельный эгоцентризм или убеждение, что преуспевать необходимо, и сегодняшняя и завтрашняя слава должны быть синонимичны — египетская черта в кинобизнесе. Возможно, все дело в неправильном использовании ими языка; это и сознательная измена ему (стремление установить связи, контакты, укрепить будущее положение за счет личных отношений) и бессознательная (фальшивый, птичий язык), что придает таким сообществам закрытый, коварный характер: то ли гнезда, то ли роя, где все любезны друг с другом, даже льстивы, но выпускают яд навстречу пришельцу со стороны. Мы оставались с Ригг и ее мужем, когда все уже разошлись; Милтон Шульман разговорился. Этот канадский еврей — пылкий спорщик, не лишен юмора и любит быть в центре внимания, как доктор Джонсон, он утверждал, что индивидуальное искусство ушло навсегда, осталось лишь коллективное творчество (кино, телевидение и поп-арт в целом). Такой разговор больно задел Тома У. — у него нет еврейского чувства юмора, и он легко попадается на крючок. Меня же Шульман (театральный критик «Ивнинг стэндард» и, кажется,

входит в четверку театроведов, определяющих политику лондонского театра) шокировал заявлением, что театр ему наскучил и теперь ему больше нравится писать для телевидения. Он воплощает наибольшее зло в современной английской критике: состояние равнодушия, из которого его может вывести только шок (нечто эксцентричное, чего не было раньше), и тогда он может сесть и написать хвалебную рецензию. Эти люди (и подобная направленность ума) обладают слишком большой властью.

13 ноября

Норман[104] вчера спросил с меня за книги смехотворную сумму. Я сказал, что этого мало. Он ответил: «Теперь деньги не имеют для меня никакого значения». И рассказал, как в июле его пятнадцатилетняя дочь Джени залезла на крышу за магазином, чтобы достать оттуда свою кошку, поскользнулась, упала и разбилась насмерть. Хотя я давно ее не видел — разве что мельком, — его рассказ потряс меня. Не знаю, что тут сказать, — можно только лить слезы. Он рассказал также о своей жене, в течение многих лет страдавшей шизофренией с частыми обострениями болезни — последний раз он видел ее, очевидно, еще до смерти дочери. «Для Джени я был и отцом, и матерью. Гладил и чинил ее одежду, готовил еду». У бедняги в глазах стояли слезы. Я всегда чувствовал к нему большую симпатию. Казалось невероятным, чтобы один человек мог вынести столько горя (первую жену и семью он потерял еще во время войны) и смириться с этим. «Магазин поддерживает во мне жизнь, потому я его не закрываю». Я прибавил фунт к выписанному мной чеку, но он даже не взглянул на него: кажется, ему хочется раздать все книги. Он — как Лир или Эдип — ступил туда, где недосягаем ни для кого и ни для чего. В нем появилось нечто от древнего грека, отмеченного богами. Впрочем, до нашего разговора он шутил в своей прежней манере, показывал глупейшие отрывки из какой-то католической брошюрки, где говорится, как должна вести себя жена; и, тем не менее, он мужественный и достойный старик.

Джени была очень хорошенькой девочкой, примерной викторианкой, с темно-серыми глазами, казавшимися черными пуговками на небольшом розовом личике. Для таких детей Марциал написал свои лучшие эпитафии.

28 ноября

Мы наметили ехать сегодня в Лайм. Но у Элиз опоясывающий лишай, и доктор не разрешил ей выходить из дому. И тогда я присоединился к Чарли Гринбергу — он собрался на аукцион в Хонитон. Чарли стал законченным маньяком — целиком сосредоточен на живописи. Мы остановились в Солсбери, где пережили настоящее потрясение. В одном магазине торговец сказал, что у него дома есть Россетти — не для продажи, но он готов показать нам картину. Это был портрет девушки типа Сиддалл, написанный в 1868 году; у нее каштановые волосы, она смотрит вдаль — это новая женщина. Глядя на картину, я пережил странное ощущение: мне показалось, что на ней изображена Сара Вудраф — она была дома у Россетти, он ее нарисовал, и вот теперь она предо мною.

1 декабря

Наконец я в Белмонте.

Брожу по пустым комнатам, пытаясь решить, что нужно сделать в первую очередь. Основных проблем три: гниет пол над погребом в восточной комнате; нечто похожее происходит и в комнате, смотрящей на юго-запад, там отсырела вся стена почти до потолка; и еще центральное отопление. Кроме того, множество мелких: привести в порядок окна, заделать их, проложить электропроводку, спасти конюшню (сейчас она похожа на огромную губку), а еще сад, забор — мой список постоянно растет. И все-таки после Лондона я испытываю наслаждение от здешней тишины и покоя, от ощущения дома, который словно благодарил меня за то, что в нем после десяти пустых лет вновь оживет жизнь. Не знаю почему, но у Белмонта женская суть; в нем есть что-то от старой потаскушки — фасад еще смотрится, а за стенами — грязь и запустение.

Что до сада, это целый мир — густые заросли ежевики, в них иногда встречаешь остатки былого великолепия: некоторые старые посадки выжили. Почки на магнолии, японская акация набирает цвет, сохранился и нежный, белый, декоративный лук. Я прорубил себе дорогу в зарослях к хижине в отдаленной части сада, прелестной двухэтажной постройке. Здесь у нас будет летний домик. Обнаружил огромный смолосемянник, пальму, араукарию, яблони. Это многоуровневый сад с террасами и заповедными местечками; он кажется больше своих десяти акров. Меня не раздражает его теперешний вид. Сколько замечательных вещей здесь можно сделать и открыть! Он похож на большую игрушку.

Однако хочется, чтобы здесь была Элиз. Жаль, что нельзя разделить с ней радость от проведенных здесь первых дней.

8 декабря

Еду в Лондон за Элиз и еще, чтобы познакомиться с Оскаром Левенстайном, которого Том М. заинтересовал «Любовницей французского лейтенанта». Доброжелательный, умный еврей-коротышка — среди птиц был бы дроздом или, скорее, лесной завирушкой. Так и видишь, как он скользит в киношном подлеске и клюет, что бог пошлет. Если не знать, никогда не догадаешься, как много он сделал в кино[105]. Живет в великолепном готическом доме на Белсайз-Лейн.

Настроен он оптимистически; понимает и трудности, которые могут возникнуть на стадии написания сценария. Я хотел бы видеть свое детище в руках Кена Расселла, его же выбор — Дик Лестер; в основном по той причине, что последний «легче относится к деньгам», к тому же с Левенстайном у него уже устоявшиеся отношения. Окончательно остановились на троих: Лестере, Расселле и Линдсее Андерсоне. Том осложнил ситуацию, попытавшись подключить к нашему общему делу и Фредди Рафаэля[106], но тот прислал телеграмму с Ямайки, где писал, что станет этим заниматься только при одном условии: режиссером будет он. Этого мы Левенстайну сказать не могли.

Роджер Бурфорд[107] полон сомнений и вопросов. Я начинаю понимать, как абсурден мой подход Кандида, заключающийся в том, что все должно сводиться только к тому, чтобы сделать фильм как можно лучше.

9 декабря

Вернулись на поезде.

Нам постоянно открываются все новые изъяны — подгнившее дерево, текущие трубы, сломанные балки. Куики и его команда относятся к этому спокойно и даже с видимым удовольствием.

В схватке с садом я терплю поражение — работы пропасть, где ни копнешь, всюду попадаешь на луковицу какого-нибудь растения. Понемногу нащупываю старые тропинки, наталкиваюсь на ограду, на клумбу с ранними ирисами, лилейник, старую чугунную подставку. И повсюду эта чертова ежевика — самое ненавистное для меня растение, хотя я и отдаю ей должное, как и воробьям, за эту потрясающую живучесть. Я освободил от

ежевики старую смоковницу, но ее погубило какое-то животное, обглодав кору, как это делают косули. Но это не они. Подозревал, что тут не обошлось без крыс, но не видел до сих пор ни одной. Возможно, в зарослях живет кролик или парочка кроликов.

Слава Богу, здоровье Элиз улучшается; и жизнь наша становится более цивилизованной.

20 декабря

По словам Гийона[108], «Литл Браун» предлагает аванс 125 тысяч долларов, 60/40 в бумажной обложке и фиксированные 15 процентов отчислений от продаж.

Вполне доброжелательные рецензии на фильм «Волхв» в «Нью-Йорк таймс» и в журнале «Тайм»; и две плохие — не помню где. Хорошие — притянуты за уши[109], плохие соответствуют истине. Во мне крепнет чувство, что не стоит больше продавать право на экранизацию моих книг. «Парамаунт» по-прежнему не устраивает переработанный сценарий по «Саду доктора Кука»: «недостаточно захватывающий, по напряжению не приближается к ‘Ребенку Розмари’». Вчера вечером из Калифорнии звонил Джад, говорил, что сбит с толку, не знает, что делать; на самом деле у него столько же шансов найти понимание с руководством студии, сколько переплыть в одиночку Тихий океан и выйти в Японии. Выхода нет.

1969

15 января

На пару недель я погрузился в ужасную депрессию, давно такого не было. Меня переполняла желчь, неугасающий гнев против нашего времени. Думаю, в этом есть нечто от ощущения себя англичанином, рожденным в стране с отчетливо выраженным стремлением к смерти, жаждой гибели. Вчера объявили о самом большом дефиците торгового баланса за последние месяцы, а сегодня — о том, что по экспорту товаров мы в конце списка Европейской ассоциации свободной торговли; каждый раз программа «24 часа» сообщает о новых столкновениях между организованными в профсоюзы рабочими и неорганизованным руководством. Разрыв между общественной и частной жизнью в Англии (и у каждого англичанина в отдельности) все увеличивается; люди ищут спасение в бедах — экономическом кризисе, еще одной войне. Они надеются, что это встряхнет их, снесет всю гниль. Причудливая смесь сегодняшнего гедонизма и завтрашнего мазохизма — сознательное взвинчивание цен, тайное удовольствие от мысли, что в дверь может постучаться судебный пристав.

Частично моя депрессия связана с «Любовницей французского лейтенанта». Два огромных аванса загадочным образом обесценили роман в моих глазах. Есть правда вероятность, что издатели просчитались: ни один английский книжный клуб не проявил к нему интереса. Поэтому я чувствую себя мошенником, чуть ли не попадающим под новый закон о правах потребителей, жуликом, требующим непомерную плату за недостойный товар. Так что провал «Волхва» (Джудит Крист совершенно справедливо включила его в десятку самых плохих фильмов 1968 года) кажется более правильным, чем восторженный прием новой книги английскими и американскими издателями и литературными агентами.

Нелепый вопрос от редактора одного из справочников типа «Кто есть кто» (в нем есть и мое имя): каковы мои жизненные цели и достижения? Нелепый и вызывающий раздражение вопрос. Нужно ответить, но мне кажется естественнее, когда ты не можешь это сделать. Я написал: «Уйти от реальности и оказать в этом содействие другим людям».

18 января

Внизу, за нашим садом, разыгралась трагедия. В течение двух-трех дней бушевала буря, подчас достигавшая силы урагана. Сегодня — еще не было шести вечера — стоявший в гавани катамаран сорвало с якоря и понесло в открытое море. Небольшая спасательная шлюпка отправилась вслед, чтобы его вернуть, но перевернулась, и один из мужчин, Роберт Джеффард по прозвищу Ниммер, утонул. Это случилось не на наших глазах, но в полночь мы пошли к Коббу и увидели, что разбитую шлюпку доставили на берег. Увы, тут речь не шла о героизме. Джеффард и Рой Голлоп, рыбак, хотели получить премию за спасение катамарана и позвонили руководителю этой службы, спрашивая, можно ли воспользоваться шлюпкой. Тот, не подумав, разрешил, и мужчины пошли на глупый риск ради нескольких фунтов. Весь этот день мы следили за разыгравшимся морем из дома и еще говорили, что никто не сможет выжить в бушующей стихии. Теперь весь Лайм разгневан и ищет козла отпущения. До какой-то степени это региональная трагедия: обычная жадность прибрежных рыбаков, всегда готовых поживиться тем, что плохо лежит, и единодушное отвращение жителей юго-западных графств к тому, чтобы хорошие деньги уходили сквозь пальцы.

31 марта

Мне исполнилось сорок три года. Я один (Элиз забирает Анну из Лондона), так что могу об этом забыть. Два или три года назад такое показалось бы бравадой, позерством; по негласным законам Ли-он-Си[110] нельзя оставлять юбилеи, годовщины без внимания. Теперь я отношусь к ним как к семейной, неолитической, рунической ерунде. Сегодня вечером некоторое время смотрел по телевизору похороны Эйзенхауэра; это тоже неолитическое действо — оно гораздо ближе к тому времени, когда размалевывали себя в таких случаях красной краской, чем в век «Аполлона-9».

16 апреля

«Пантер» предложило за «Любовницу французского лейтенанта» 11 тысяч фунтов (плюс одну тысячу из-за отсутствия фильма). «Пан» обычно не дает больше 8 тысяч. Я с ним расстаюсь без угрызений совести; издательства по выпуску книг в

бумажном переплете лишены лица и безразличны к тому, что ценит большинство писателей, — к человеческому контакту.

17 апреля

Анну приняли в Эксетерский институт искусств — огромное облегчение. Она немного раздражает меня тем, что совсем не помогает Элиз, а каждый день убегает в школу верховой езды в Чайдок-Ситаун. Но кто из нас был паинькой в восемнадцать лет? Она, по крайней мере, уравновешенна, не раздражительна.

18 апреля

Американский «Литерэри Гилд» будет рекомендовать «Любовницу французского лейтенанта» как лучшую книгу осени. Еще один камень с души свалился.

24 апреля

Встреча в Лондоне с Линдсеем Андерсоном — его Оскар хочет привлечь к работе над фильмом. В Андерсоне удивительная смесь агрессивности и робости. Крупный нос Сирано, чующий неприятности; вычурные, неестественные позы — они должны показать, насколько режиссер раскован, хотя результат прямо противоположный. Я предпочел бы усилить в фильме авторскую позицию, но другим эта идея не понравилась. Сошлись на том, что будет лучше использовать голос актера, дающего исторические пояснения за кадром. Встреча не подвела окончательный итог; осталось впечатление, что идея фильма заинтересовала Андерсона, но только на уровне интереса тореадора к первоначальным, ритуальным действиям в бое быков, когда его время еще не пришло. Решили попросить Дэвида Стори[111] написать сценарий — Андерсон только что поставил его пьесу. Том и Оскар выглядят довольными — если все пойдет, как задумано, я тоже буду доволен. Все теперь зависит от Стори. Если он согласится, мы получим Андерсона, если нет…

4 мая

Стори говорит, что сценарий писать не будет; по словам

Оскара, романом он восхищается, но не видит в нем такого мужского характера, на который мог бы «опереться». «Он зациклен на сильных мужчинах — когда писал сценарий по ‘Грозовому перевалу’, в центре был Хитклиф», — сказал мне Оскар. Так что Андерсон опять прибегает к отговоркам.

14 мая

Мы живем в нашем доме уже десять дней, и нам это нравится. Сад совсем одичал; чтобы поддерживать его на должном уровне, нужно не меньше шести садовников. А так два дня работает старый Борд и время от времени я. Сад отвлекает меня постоянно. Принимаюсь за одну работу, тут же вспоминаю о другой, иду туда, а по дороге вижу новые цветы. Мне все это очень нравится; по крайней мере, наши джунгли дали приют славке-черноголовке и серой славке. Рыжевато-коричневая сова прилетает к нам каждый вечер и сидит на магнолии зловещим предзнаменованием. Я думаю, она из прилетающих к нам Тивериадских сов и ловит здесь садовых сонь.

12 июня

День выхода книги. Слава Богу, на этот раз я избавлен от ненавистной необходимости давать интервью; то ли Том здесь постарался, то ли просто так сложилось. Не знаю… да и знать не хочу. Но вообще это время переношу с трудом. Даже не потрудился купить те газеты, которые не получаю, чтобы прочитать возможные рецензии. В «Нью стейтсмен» достойный отклик, в «Таймс» — не очень: рецензент — голос литературных влиятельных кругов — многого не понял. Но теперь я знаю: хорошие или плохие — они все равно не относятся к делу; хвалят тебя или ругают — это ничего не меняет в нашей бедной, больной культуре. Даже самый грозный рецензент не является настоящим врагом.

15 июня

Честная рецензия в «Обзёрвер», маленькая глупая статейка в «Санди таймс», такая скудная, что лучше бы ее вовсе не писали. Чувствую облегчение, что меня не лягнула неравнодушная к знаменитостям «Организация Томсона»[112]; со стороны левых —

несколько больше доверия. Полагаю, на этот раз сработает вариант — «имя» против «рецензий»; одни рецензии не дадут мне попасть в список бестселлеров.

Поступают новые отклики. Великолепная рецензия в «Нью сэсайети» — не так хороша для меня, как сама по себе, — точная, умная. Мог бы написать ее сам — такое не могу сказать даже о самой хвалебной рецензии в «Файнэншел таймс». Читать ее лестно, но она не совсем о той книге, что я написал. Все остальные — комплименты с оговорками; неодобрительные высказывания чередуются в них со снисходительной похвалой. Том Машлер подавлен, считает, что большинство рецензентов люди недалекие. Я же думаю, что он и Нед Брэдфорд переоценивают меня — во всяком случае, мою коммерческую ценность.

19–21 июня

Едем в Лондон, чтобы забрать Анну. Слава Богу, теперь она на нашем попечении, то есть до начала семестра в Эксетере будет жить у нас.

Мы, наконец, уговорили Дениса вновь встретиться с нами. Пришли также Ронни и Бетса. Ронни и Денис понравились друг другу, и это меня порадовало. Наверное, следовало испытывать раздражение, видя, что ко мне они проявляют меньший интерес, но такая ситуация, напротив, тонко льстила моему тщеславию. Эти два прекрасных, хотя и непостоянных, человека должны были сойтись. И значит, говоря другими словами, я умею выбирать людей.

25 июня

Странное переживание в конюшне. Я стоял в сумерках у лестницы, ведущей на сеновал, — темные ступеньки и наверху прямоугольное отверстие, сквозь которое пробивался серый свет. Внезапно меня охватил приступ жуткого страха. Я настолько не суеверен, настолько не верю ни в какие «паранормальные» явления, что это не могло прийти извне. Потом до меня дошло: то был мой собственный призрак. Каким-то странным образом я явился самому себе. Был одновременно и живым, и мертвым.

Казалось, что-то смотрит на меня сверху.

У меня сейчас — собственно, это продолжается уже несколько месяцев — какое-то безразличие к жизни; возможно, в

этом истоки такого явления. Постоянная сосредоточенность на смерти и одновременно равнодушие к этой не оставляющей меня мысли; временами почти полное отсутствие воли, ужасающая абулия[113]. Не знаю, что произошло, — может, плохо работают почки или печень; у меня темная моча, а при работе в саду ломит поясницу. Я заметил это восемь или десять недель назад — надо бы показаться врачу. Чувствую себя больным, но не настолько, чтобы не продолжать ту неспешную жизнь, какую мы здесь ведем. Словно я хочу заболеть по-настоящему. Своего рода искупление? Не знаю.

Это напрямую связано с моей отвратительной привычкой: я выкуриваю в день немыслимое количество сигарет — пятьдесят или шестьдесят. Провести без сигареты лишние десять минут — уже победа. Иногда по утрам я пытаюсь бросить, но больше часа выдержать не могу и потом курю в два раза чаще, чем прежде. Не чувствую аромата цветов и приобрел так называемый кашель курильщика. Ночами не сплю и даю себе клятву покончить с этой дрянью. Она поработила меня, действительно поработила. Без никотина я не могу жить, не могу писать.

27 июня

Вчера стал составлять план романа, которому прежде хотел дать название «Два англичанина». Теперь собираюсь назвать «Тщета». Хочу раскрыть в нем две стороны самого себя; двое мужчин, два товарища постепенно отходят друг от друга: один сосредоточен на внешних достижениях, другой — на внутренних. Но у обоих — чувство неудовлетворенности, они побеждены временем, в котором живут. В духе моей собственной болезни.

Сегодня написал первую главу; место действия — Лос-Анджелес. Но угол зрения не тот — не пойдет. Первое приближение, начало всегда самое трудное; все равно что искать правильный тон в море звуков, нужный стиль. В этот раз буду писать без фокусов: классическое повествование от третьего лица и в прошедшем времени.

5 июля

В настоящее время читаю «Мемуары» де Реца; эту книгу, опубликованную в 1719 году в Амстердаме, я недавно купил у Нормана (первое издание в 1717-м)[114]. Наверное, нелепо при наличии многих современных, комментированных изданий иметь

такую lubie[115] к первым изданиям. Не могу сказать, в шрифте ли тут дело, или в библиофильском тщеславии, или в отсутствии комментариев и справочного аппарата; одно я знаю точно: такое чтение дарит мне более живую, более четкую картину. Более явный эффект присутствия что ли, хотя, читая современный комментированный текст, я понял бы больше. Но быть в том времени кажется мне более важным, чем знать о нем.

21 июля

Высадка на Луне. Мы не выключали телевизор с шести вечера до шести утра. Приземление было прекрасным, слишком замечательным, чтобы быть правдой, более волнующим (хотя до странного схожим), чем все самое лучшее, что сочинили на эту тему. Я против этого проекта по этическим и политическим соображениям, хотя, возможно, это допустимый порыв, простительная последняя дань человечества своей молодости. И в высшей степени сексуальная — не только в контексте насилия над «девственницей Луной», а даже по обычной аналогии с половым актом — толчок и эякуляция.

Но теперь праздник закончился, все возвращаются домой, надо прибрать за собой.

15–18 августа

Проводим уик-энд в Уэллсе, в коттедже Тома М. в Черных горах. У Тома новая подружка, ее зовут Фей Ковентри, она нежная, умная, сдержанная девушка. Мы ее почти не видели, она весь уик-энд провела на кухне, варила варенье, готовила для нас — кстати, очень вкусно; кажется, она хочет заарканить Тома. Он вьется вокруг нее, как паук, наполовину жаждущий смерти (то есть женитьбы на ней), а наполовину жаждущий только наслаждения (то есть простого обладания ею). Он самый désinvolte[116] человек из всех, кого я знаю, и в его непринужденности есть нечто жестокое, что-то вроде презрения к людям, которые не достигли того, чего достиг он. Впрочем, жестокость в нем легко оборачивается ранимостью. Мы отправились в горы на прогулку; меня раздражала его нетерпеливость — рождалось ощущение, что всем нам надо быть где-то еще. Поэтому я предложил ему вернуться домой и предоставить мне бесцельно брести, как я привык. Он устал и действительно хотел домой, но было видно, что мое предложение

его обидело. Значит, я мог обойтись без него, у меня могла быть какая-то тайна, скрытое наслаждение, которого я хотел его лишить. Как у всех евреев, у него нет глубокого интереса к природе — только поверхностный, однако он чувствует, что этого несообразно мало: он живет в таком диком месте и не знает о нем практически ничего. Но у него не хватает терпения, и все идет по-прежнему.

В коттедже непрерывные игры. Том исключительно охоч до них: дротики, нарды, пинг-понг, боулинг на ковре. Ему нужен дух соревнования, как другому — гашиш. Провести так уик-энд неплохо, но ужасно, если таков стиль жизни.

15 сентября

С последней записи меня уже месяц не покидает депрессия. Во многом это связано с погодой — я-то надеялся на хороший сентябрь. Однако вот уже две недели небо затянуто облаками; сначала стояла сушь, теперь льет дождь. На прошлой неделе Анна уехала изучать искусство в Эксетер, так что мы теперь одни в привычной атмосфере Дорсета — huisclos[117].

У Элиз, как обычно, тоже осенняя депрессия, такое происходит с ней из года в год: тогда она ненавидит сельскую жизнь в целом, нашу — в частности. Мы поселились там, где не собирались жить, мы в западне, все наши знакомые — бедняки, а мы живем в этом огромном, пустом доме… и так далее. Я особенно остро ощущаю излишнюю величину нашего дома. Мы постоянно живем в одних и тех же четырех комнатах, остальные посещаем от случая к случаю. Мне кажется, наша беда проистекает от жуткой, неуемной скуки; у нас обоих она стала чем-то определяющим, доминирующим. Я в лучшем положении, чем Элиз: ведь я могу воображать, сочинять, описывать происходящее; могу относиться к людям, которые в основе своей мне не нравятся, просто как к биологическим существам. И так далее. У нее все вызывает скуку. Мысль о том, чтобы пригласить гостей, вначале приводит нас в восторг, но по мере приближения их приезда нас все больше одолевают сомнения, когда же они, наконец, приезжают, мы впадаем в уныние. И такое происходит даже во время визита старых друзей, поэтому мы не рискуем заводить дружбу с жителями Лайма. Мы изредка видимся только со старым доктором и его женой, живущими по соседству, и эти встречи подтверждают наши опасения. Доктор рассказывает бесконечные истории, полностью лишенные смысла. Я в это время думаю о своем. Улыбаюсь неведомо чему, а потом сам

говорю какую-нибудь нелепость, чтобы перевести разговор на другую тему.

Меня гнетет мысль о «Любовнице французского лейтенанта». Сам не знаю почему. Критика приняла эту книгу лучше, чем две предыдущие. Но она как камень, брошенный в бурное море. Мгновение его видишь, но потом он уходит на дно. У меня остались только рецензии, три-четыре письма от читателей и чувство, что роман плохо расходится. В довершение всего полное равнодушие жителей Лайма к моему творению. Только один человек как-то упомянул, что прочел книгу; местная пресса не обронила о ней ни слова. К сочинительству здесь сумеречное отношение — вроде нынешней погоды. Никому до него нет дела. Это передается и мне.

18 сентября

Пять дней назад бросил курить. Думаю, это реакция на то, что последнее время надо мной взял верх случай. Моя мантра требовала: «Поступай иначе!» Я не тоскую по чисто физическому наслаждению от табака — запаху и так далее. Тяжело отказываться от сигареты как части нормального распорядка жизни. Не курить — все равно что читать книгу без пунктуации, без абзацев; словом, твой день превращается в сплошной, напряженный, не дающий расслабиться труд. Хуже всего за машинкой. Уже много лет, работая за ней, я курю почти непрерывно; сигареты помогают мне сконцентрироваться, выдержать определенный темп, найти нужное слово, написать диалог. Каждый раз я тянусь за сигаретой. Мое внимание рассеивается.

3–11 октября

Провожу время в Лондоне без всякого удовольствия. У Элиз обычная осенняя депрессия, у меня синдром отсутствия никотина. Мозг, похоже, отказывается работать. Забываю вещи, нет уверенности, что я правильно складываю простейшие суммы, даже консервную банку трудно открыть. Очень странно — почти ушло прямое физическое желание взять сигарету и закурить, зато часто клонит ко сну, существование мое бесцельно, я рассеян… словом, отупел. Трачу зря время и одновременно ненавижу себя за это.

У отца проблемы со зрением, левый глаз совсем не видит. Мы

поехали в Ли, где выяснили, что дело не так плохо, как подумалось во время телефонных переговоров с ним: второй глаз видит вполне прилично. Побаловали его, привезли хорошего сыру, шампанского. Погода великолепная, в такую погоду нам ужасно не хочется покидать Лайм.

Созрели отцовские груши сорта «Герцогиня Ангулемская» и яблоки «Джейс Грив» на старой яблоне, которую он приобрел сорок лет назад за один шиллинг. Это, наверное, лучшая яблоня во всей Англии, таких яблок — сочных, сладких, нежных — я больше нигде не ел. Груши тоже превосходны — спелые, ароматные. Как он достиг таких гениальных успехов с грушами и яблоками, не знаю — может, потому что у него много времени и он тратил его на этот клочок земли. Я говорю в прошедшем времени, потому что у меня предчувствие, что этой зимой отец умрет. Впрочем, он довольно крепкий — может, и обойдется. Не могу представить, что наступит такое время, когда я не буду есть эти удивительные яблоки — как бы эгоистично это ни звучало. Все лучшее, что есть в нем, перешло в эти яблони.

Набоков, «Ада». Безнравственный он старик, грязный старик; роман, по большей части, мастурбация; доставляющие физическое наслаждение мечтания старого человека о юных девушках; все окутано осенней дымкой в духе Ватто; очень красиво, он вызывает из области воспоминаний сцены, мгновения, настроения, давно минувшие часы почти так же искусно, как Пруст. Его слабая сторона — та, где он ближе к Джойсу, хотя, мне кажется, она нужна ему больше, чем большинству писателей. Я хочу сказать, что сентиментальные, слабые места как-то очень гладко, легко переходят у него в замечательные прустовские сцены. Думаю, неорганизованность огромной эрудиции, проистекающая от усиленного чтения и странных увлечений, никогда не даст ему подняться на вершину Парнаса; но и без того есть нечто неприятное в отбрасываемой им тени — нарциссизм, онанистическое обожание его, Набокова. Почти как у Жене, но без искренности *последнего.*

В Лондоне невозможно находиться — слишком жарко. День проводим в Кью-Гарденс[118], там прелестно. Я сорвал лист с огромного дерева гинкго и положил между страницами — как раз там, где Набоков упоминает это дерево[119]. И оранжерея с орхидеями, острое получасовое наслаждение. Мне особенно нравятся мельчайшие орхидеи — словно крошечные жемчужины на стебельках. У них какой-то необычный запах, он ни на что не похож. Просто абсолютно новый запах — как новый цвет. Вечером пошли смотреть «Беспечного ездока» — фильм, который этим летом произвел фурор в Штатах, а теперь и у нас. Смотреть

приятно, но за внешней красотой пугающая пустота, незначительность. В переполненном кинотеатре мы, наверное, были самыми старыми, средний возраст зрителей, в основном, не превышал двадцати лет. Я чувствовал себя чужим. Это апофеоз визуальной ереси — актеры ничего не говорят, их искусство — в неумении выразить себя. Все происходит случайно, героев несет по течению, что-то приключается — и снова дорога; глупые юнцы, сидевшие рядом, явно считали, что фильм очень печальный, очень глубокий и очень красивый. Согласен — красивый, но не больше.

Молодое поколение в наши дни попадает в западню: они отрицают культуру, книжную культуру особенно, выбирают непосредственный опыт, делают что хотят, находят свой круг общения, говорят на жаргоне — что само по себе неплохо, это дает им более острое ощущение настоящего момента, проникновение почти по дзену во внешнюю оболочку смысла и культуры. Меня беспокоит, что будет с ними, когда они вырастут и поймут, что больше не могут жить, исходя только из непосредственного опыта. А время читать книги, входить в контекст культуры безвозвратно ушло.

Был в Кенвуде[120]— смотрел любимого Рембрандта. Потом стоял у озера в тени огромных дубов и буков. На верхних ветках среди зелено-золотой листвы резвились белки.

16 октября

«Любимая» Гарди. Странно, что писатель потратил так много времени на разработку такой немыслимой идеи[121]. На мой взгляд, тут, скорее, тема для стихотворения; но все это так соотносилось с его собственными трудностями, с его трагедией, что он не мог этому противостоять. Некоторые места в «Любимой» так плохи, так поверхностны, так заурядны, что книга обретает странную власть — чувствуешь, что роман не что иное, как неуклюжее выражение чего-то более глубокого, что таилось в мозгу несчастного автора — смеси робости и отваги, верности и способности к измене. В определенном смысле это важная книга. Она говорит о Гарди больше, чем почти все его великие романы — за исключением «Джуда». И мастерства не утаишь — оно его нигде не подводит.

Два журналиста брали у меня интервью для американской прессы: один из «Нью-Йорк таймс», другой из журнала «Тайм». Мне все труднее и труднее рассказывать о том, что я собой представляю, что значит для меня сочинительство; ответы мои

носят неточный, случайный характер — что пришло на ум, то и говорю. Мир вымысла становится для меня все реальнее — мне трудно возвращаться в их реальность. Большинство вопросов были совсем неинтересны. Что я думаю о гибели прежней формы романа? Да ничего не думаю. Пишу, как пишется. Я пытался объяснить журналисту из «Тайм», что романы похожи на деревья, а не на машины, пытался рассказать о другом мире, его вратах, землях, о том, как брожу там, иду, куда ведет очередной роман. Но это тоже *вымысел* о себе; и, говоря с журналистом, я уже становлюсь другим. Наверное, я и правда с другой планеты. Раз так часто ощущаю себя здесь чужим.

1 ноября

Первые рецензии (снятие проб) идут из Соединенных Штатов. Все они похожи на восторженный бред. Это, пожалуй, mot juste[122]: в тоне этих хвалебных отзывов есть легкий привкус истерики, и потом, рецензенты не очень владеют языком. Вижу, что мой стиль их несколько ослепляет, и это снижает ценность этих восхвалений. Я могу верить лестным отзывам, только если они исходят от равных по мастерству писателей. А так получается проблема сродни валютной — наши денежные знаки не эквивалентны и не подлежат обмену.

Нет, разумеется, приятно, когда тебя называют «самой ослепительной звездой на литературном небосводе», «лучшим писателем, чем Беллоу, Рот и Апдайк», не говоря уж об остальных. Но я на своем месте здесь, в Лайме, у нас завязались свои связи, происходят встречи, беседы, своя тайная жизнь. Маленькая тень, яркий свет. В Лайме я человек по другую сторону телескопа; там же — гигант и буду им еще несколько недель. И никто, по сути, не прав.

Одна из причин, почему я не в восторге от пустословия по другую сторону Атлантики, заключается в том, что в настоящий момент я не могу писать. Это никакой не ступор — просто период задумчивости, омраченный неприятным чувством, что меня вынуждают идти по туго натянутому канату — теперь я должен расти, писать все лучше, все оригинальнее и еще Бог знает как. Я с удовольствием работал над «Nugae»[123] (роман о Коллиуре), пока американцы не стали давить. Роман обещал быть небольшим, но не выпадал из моего остального творчества. Теперь же думаю написать триллер (и опубликовать его следующей книгой), чтобы остановить возрастающие ко мне требования. Если катиться вниз, то уж той дорогой, какую

выбираешь сам.

7 ноября

Едем в Соединенные Штаты, чтоб содействовать продаже «Любовницы французского лейтенанта». Раньше я печатал последовательный отчет о поездках, теперь делаю отрывочные записи. Сейчас я снова в Лайме и рад этому — сегодня тихий зимний день, на берегу моря никого, за исключением двух женщин с детской коляской. Как здесь славно жить! Никогда больше не скажу о Лайме ничего плохого. Он как редкое растение, счастливая экологическая ниша; и не может находиться на той же планете, что и наш несчастный мир, откуда мы вышли.

Последние покупки в Лондоне. Элиз тратит деньги на ненужную ей одежду, а я заканчиваю «Аду». Получил от романа большое удовольствие; это роман для писателей — так у Баха, говорят, есть музыка для музыкантов. Значит, только другой писатель — точнее сказать, писатель той же породы, вроде меня, — может понять, о чем этот роман. Думаю, что *понимаю* Набокова лучше любого его читателя, хотя это не означает, что я больше знаю об источниках книги или связи ее с другими произведениями; просто я понимаю его, как Клэра или Гарди. Психологически я той же породы.

Особенно нравится мне набоковская идея времени, которую он рассматривает, скорее, как функцию памяти, чем пространства, — настоящее — то, что в данный момент присутствует в его мозгу, прошедшее — что отсутствует; поэтому то, что вспоминается, может быть ближе того, что непосредственно воспринимаешь органами чувств.

Летим в Бостон, чтобы провести уик-энд с Недом Брэдфордом в Маршфилде. Он встречает нас в аэропорту. Все хорошо в этом лучшем из всех рецензирующих миров. Блестящий отзыв в воскресной «Нью-Йорк таймс»[124]; первый тираж был пятьдесят тысяч, теперь допечатывают до восьмидесяти. Сижу в Маршфилде и читаю краткую справку Ричарда Бостона, которая предваряет статью. Похоже, пора пить шампанское, но мы ограничиваемся скромным ужином и ложимся спать в девять.

С самого начала чувствовалось, что между Недом и Пэм не все идет гладко. Целуя ее при встрече, я ощутил запах алкоголя, но первый вечер прошел вполне благополучно, в строгом соответствии с нормами Новой Англии. На следующее утро она к нам не вышла, сославшись на «болезнь»; мы ездили по окрестностям и питались тем, что предлагал нам Нед. Он до

нелепого ограничивает себя в еде: в доме нет масла (страх перед холестерином), молоко на 99 % обезжирено — что сразу же чувствуется. Ложимся в девять, предполагается, что встанем в семь. Элиз курит, но у нас сложилось ощущение, что это особая привилегия жене автора бестселлера.

Просыпаюсь рано, снаружи доносится зловещее карканье ворон; три ходят по траве — по виду такие же, как наши, английские, но крик более пронзительный. Цапля у пруда. Гуляю в сумрачном лесу, собираю сумах, молочай.

В этот день мы прошлись по антикварным магазинам. Новая Англия утратила для меня свое очарование. Нет, ни дома, ни архитектура не стали хуже, но раньше я не замечал скудости культуры — на всем пространстве совсем нет животных. Ни коров, ни лошадей, ни овец. Нет и полей. Никто не ходит пешком. Никто не обрабатывает свой сад. Только бесконечный поток автомобилей. Все куда-то едут, но никуда не приезжают. Они кажутся мне людьми из сновидений, не сознающими, насколько ограничен и узок их мирок. При одном антикварном магазине был разбит садик с лекарственными травами — неожиданное проявление человеческого начала. Тимьян, ромашка, ноготки, мята. Посадила их пожилая женщина.

Вечером Пэм не спустилась к нам. На следующий день мы отправились в Плимут, чтобы посетить там Мейфлауэрский[125]музей под открытым небом — крытые соломой хижины, cabanes[126], — все они очень похожи друг на друга и внешним видом, и внутренним убранством; впрочем, большинство сундуков для белья, ящичков для Библии и прочих вещей взяты уже из следующего столетия. Девушки и старательные матроны одеты в современную пуританскую одежду.

Плимутский камень[127]. Чем-то похож на подиум эстрадного оркестра. Рядом копия корабля, на котором приплыли первые поселенцы. Там выставлена восковая фигура Уильяма Брэдфорда, первого губернатора и предка Неда[128]. Я стоял позади двоих детей Неда, которые всматривались в восковое лицо. Здесь, на корабле, начинаешь сознавать, как тяжко пришлось поселенцам в ту первую жестокую зиму. Возможно, все беды шли от новой территории. Люди не хотели сюда ехать, они никогда не любили эту землю. С самого начала они планировали уехать отсюда — завоевать ее и уехать куда-нибудь подальше: эта земля, Америка, вызывала у них страх.

Нед идет позвонить Пэм. Она чувствует себя лучше. Неожиданно он рассказывает нам всю подноготную: жена алкоголичка, не может отказаться от спиртного. Он же похож на

своего предка, волевого первопроходца: «Я ругался и умолял. Пытался заставить ее лечиться… Но, черт подери, похоже, она *хочет,* чтобы все осталось как есть». «Классический» вариант — вечный бой между пуританином и язычником. Перед сном я говорил с Пэм. В день нашего приезда она выпила больше литра водки. «Нед хочет, чтобы я была паинькой, он не понимает нас, обычных людей. Сам может сделать все, что решит. Решит бросить курить — бросит, а то, что я устроена иначе, не хочет понять». Еще говорила, как ей все наскучило, жизнь не удалась, красота поблекла — обычный грустный перечень неудач.

Открытие потрясло меня. Эта супружеская пара представлялась мне средоточием всего самого лучшего, что есть в американском характере. Нед мне по-прежнему нравится. Он редкий экземпляр абсолютно честного — в определенных границах — человека; хотя, возможно, эти границы более деформированы, чем я себе представляю. В каком-то смысле он не живет подлинной жизнью. Любопытно, не так ли обстоят дела и у других американцев: то есть не делают ли запутанные внешние обстоятельства их более привередливыми и по-детски беспомощными в жизни. Плохое начало, неприятное начало.

10 ноября

«Турне» начинается. Пока все идет хорошо, рецензии положительные — даже в ежедневной «Нью-Йорк таймс», где обычно ставятся под сомнения воскресные оценки[129]. Включая третье издание, тираж достиг 100 000. Меня пригласили на утренний эфир. Работавшая с нами девушка не читала ни одной моей книги. «Только пять минут назад мне сказали, что я буду вести передачу». И так все время — уровень телевизионных ток-шоу ужасающе низкий. Даже с манекеном разговор был бы интереснее. В той же программе принимал участие Гарольд Роббинс[130] — зеленый вельветовый костюм, отделанная рюшем зеленоватая рубашка, глаза с поволокой, загар, тихий голос. «Я ваш большой поклонник». Он напоминает рептилию, но это совсем не обидное сравнение, как могут решить представители американских литературных кругов; говоря так, я представляю греющуюся на солнце, наслаждающуюся покоем ящерицу. Он любит солнце, большие тиражи, славу. Он предложил нам жить в его доме, пользоваться автомобилем и рабочим кабинетом в Голливуде. Маленькая дурочка, которая брала у меня интервью, спросила, как я отношусь к писателям, спекулирующим на сексе… Я посмотрел на Роббинса, разговаривавшего в стороне с

Элизабет, и увильнул от ответа.

Куда бы мы ни приезжали, меня всюду поздравляли с тем, что я «поставил на место» таких писателей, как Роббинс и Сьюзанн[131]; книгопродавцы постоянно твердили, как прекрасно, «когда нравится бестселлер». Это очень хорошо, но они по-прежнему торгуют нелюбимыми книгами. Роббинс тут ни при чем; болезнь в обществе, которое не сопротивляется его натиску.

Боб Фетридж. В его офисе я встречался утром с представителями «Литл Браун». Его нервозность пугает меня. Он постоянно щурится, руки дрожат. Когда он стал нашим спутником (по дороге в Калифорнию), мы поняли, что перед ним тоже маячит алкоголизм. После третьего мартини его руки перестали дрожать.

В Нью-Йорк мы прилетели ближе к вечеру — мимолетное впечатление от Манхеттена, сотни перламутровых башен… Долгие часы в отеле — нет сил заставить себя выйти на улицу и увидеть Нью-Йорк. Отчасти это связано с чертовым центральным отоплением, вызывающим ужасную усталость; в нашем номере огромная гостиная, две спальни с двумя кроватями, две ванные комнаты, кухня — все только для нас двоих. Лишнее пространство, как и в Белмонте, — только здесь не так приятно.

11 ноября

Нужно встать в шесть, чтобы выступить в крайне важной передаче «Сегодня». Линн Кейн, агент по рекламе, — худощавая, сорокачетырехлетняя еврейка; лицо, глаза — словно с рисунка Кете Кольвиц[132]. Называет себя ведьмой, гадает по руке. Но мне она нравится — умная, самостоятельная, ее не проведешь. Линн повсюду водит меня — маленькая, с вечной книжкой в руке; я неуклюже плетусь позади. Язык ее острее, чем у бостонцев, это мне тоже по душе. Позже я выведал, что ей не нравится Нед; причиной был, как я понял, его снобизм; однако у них есть нечто общее — то, что мне нравится в американцах, — серьезность и строгость.

На передаче я познакомился с милой рыжеволосой беременной девушкой, она подошла ко мне и попросила подписать экземпляр «Волхва». Затем глупейшая беседа: неискренние ведущие — мужчина и женщина; во время рекламы они бранились, не обращая внимания на меня, но стоило нам опять оказаться в кадре, на их лицах мигом вспыхивал энтузиазм, словно включилась электрическая лампочка.

14 ноября

Мы встретились с Бобом Фетриджем в аэропорту Кеннеди и вылетели в Лос-Анджелес. Совершенно очевидно, что это город обреченных, и потому на этот раз я получил от него больше удовольствия, чем от Нью-Йорка. Находясь на Манхеттене, можно предположить, что живущие там люди понимают, что делают; здесь же все просто безумные: три четверти из миллиона жителей одного из прекраснейших городов мира с лучшим на свете климатом травят себя до смерти. Основная отрава, конечно, бензин. Но полное пренебрежение к природе, бесконечное нагромождение одной съемочной площадки на другую, улицы на улицу — также смертоносно. Никогда еще не существовало такого отталкивающего города. Он вот-вот взорвется; рождается непреодолимое желание обрести то, чего в нем нет: покоя, одиночества, тишины, свежего воздуха.

Мы почти не задержались в отеле Беверли-Хиллз, тут же отправившись на обед с лос-анджелесскими книгопродавцами. Мой костюм слишком модный — чувствую себя в нем неловко. Обед готовился под наблюдением известного в городе гурмана, грека-гея. В честь «Мага» должны были подаваться греческие блюда. Я выказал недовольство тем, что нет узо. Нашлось немного рецины, позже появилось и узо, но еда так же мало напоминала греческую, как египетский танец живота в американских клубах напоминает греческие танцы.

Наконец мы вернулись в понравившийся нам отель: смешные банановые обои; действительно дружелюбный, как обещают путеводители, персонал; живущая в атмосфере память о многих торжествах и показных победах. Здесь продает сигареты девушка по имени Доминик; она читает мои книги, хочет принести несколько экземпляров, чтоб я подписал; на какое-то время эта поездка становится похожей на все остальные в обществе Боба, пьяного, измученного, безумного, веселого — всякого.

15 ноября

Каждый вечер Боб напивается до чертиков. Его глаза полуприкрыты; когда он моргает, веки не поднимаются секунды две или даже больше. Но держится он хорошо. За ужином я сказал, что видел в вестибюле Питера Устинова; Боб, видевший того от силы пару раз, позвонил ему и пригласил присоединиться к нам. К моему удивлению, Устинов согласился. Мы провели вместе весь вечер. Общительный, поверхностный человек,

обрюзгший и пресыщенный; в чем-то предпочитает обходные пути, не зная, насколько вы ему верите и стоит ли принимать во внимание ваше мнение по этому поводу. Под внешней изощренностью англичанина таится русский. Шаркающая походка. По словам Элиз, я выглядел испуганным, но на самом деле было просто приятно иметь перед глазами такой редкий экземпляр и стараться, чтоб он не заметил твоих эмоций. Устинов рассказал несколько смешных историй: о королеве Юлиане, Набокове, своем соседе в Швейцарии. Он великолепно изображает, как русский тщательно, слишком тщательно пытается говорить на идеальном английском языке, его снобизм.

Печальный человек, как все первоклассные комедианты.

19 ноября

Летим в Сан-Франциско. Приземлились около пяти — приятно видеть, как служащие идут пешком домой из своих контор; видеть невысокие дома и неспешно едущий транспорт. Бросается в глаза человечность здешних лиц. Город сумел сохранить гуманность, участливость, достоинство. Он знает, что его подстерегают разные опасности, но, в отличие от лос-анджелесской слепоты, трезво смотрит на вещи.

22 ноября

До вечера мы свободны — впервые с момента приезда остались одни и отправились в галерею. У ее владельца, Хэнка Баума, есть гравюры, созданные неким умельцем, которого вдохновил на это «Маг». Они показались мне совсем неинтересными, и я отказался купить весь комплект за 475 долларов. Мне больше понравилась мелкая скульптура. Потом мы выпили с Баумом в ирландском баре, хозяин которого — друг китайского художника. Эти двое охладили мое восхищение городом. «Он очень провинциальный», — сказал Баум, и я понял: он знает, о чем говорит.

Мы вышли на площадь Джирарделли, красивую и талантливо спроектированную торговую территорию: она не только хороша сама по себе — с нее открывается прекрасный вид на остров Алькатрас и Золотые Ворота. В магазинах товары со всего света, есть даже отличные греко-турецкие бакалейные лавки. Богатые дары Востока (и Запада). Венеция. Больше всего мне понравились магазины, где торговали старинными ювелирными изделиями из

Афганистана и Южной Америки, африканскими украшениями, поделками из современной Скандинавии, польскими тканями — волшебное изобилие.

Этим вечером Уилли Абрахамс из «Атлантик» и Питер Стански, профессор Стэнфордского университета[133] устроили в нашу честь прощальную вечеринку.

На окраине, в Хиллсборо; уютный одноэтажный дом, два милейших, интеллигентных человека, которые мне сразу понравились: они умны, воспитанны и оба англофилы. Казалось, я снова в Оксфорде, в том месте, где оттенки языка так много значат.

Понемногу приходили гости. Уоллес Стегнер, о котором я, как подразумевалось, все знаю, на самом же деле никогда не слышал: седовласый мужчина, сегодня утром он убил молодую гремучую змею[134]. Джессика Митфорд[135], аристократка, изображавшая школьную учительницу. Да, она помнит Майкла Фаррера[136]. «Он мой кузен, я его помню маленьким мальчиком». Она рассказала мне, что он развелся с Констанс, известие было для меня шоком, — не потому, что казалось невозможным, а потому, что тем далеким летом на ферме они навсегда запечатлелись вдвоем в моей памяти[137]. Старая миссис Митфорд («эта жуткая, ужасная женщина», по словам Джессики), кажется, умерла; полковник (и он «ужасный») тоже скончался («слава Богу!»). Теперешний муж Джессики — адвокат левого направления по фамилии Трюхафт[138]. Внешне он слегка напоминает Иноха Пауэлла[139], что совсем не кстати; он слушает жену и улыбается. Похоже, он настоящий радикал, не просто эксцентричный тип вроде Митфордов[140]. Еще был Дональд Дейви, английский поэт, удивительно ожесточенный человек, седой и всем недовольный; впрочем, он признавал, что преподавать в американском университете[141] лучше, чем заниматься чем-то другим; его явно мучило сознание того, что он не нашел для себя ниши в английской академической жизни. Не понимаю, почему англичане такие неблагодарные и капризные; Дейви напомнил мне персонажа из пьесы Уэбстера, находящегося до такой степени во власти смутных теней, кровной мести, темных потоков подсознания, что непонятно, что он чувствует на самом деле.

26 ноября

Наш последний день здесь; Уилли Абрахамс устраивает нам небольшую автомобильную прогулку вдоль южного побережья.

Что ж, скажу я, счастье, что есть на свете гомосексуалисты; не возражаю против их энтузиазма, злобы, субъективности мышления, разговоров о себе любимом и упоминания громких имен вскользь. Возможно, в Англии я не смог бы терпеть Уилли и Питера Станси, но здесь они как оазис в пустыне. Поездка была ужасной, побережье изгажено плодами свободного предпринимательства, беспорядочным строительством. Заехали в горы, потом вернулись в Хиллсборо. Уилл и Питер пишут книгу об Оруэлле, вопреки желанию Сони Оруэлл[142]. Будущей весной они едут в Англию, где намереваются завершить эту работу. Не представляю, как другие писатели умудряются вести такую активную литературную жизнь, столь не похожую на мою, в которой приоритет отдан сочинительству. Завидую этому.

В Хиллсборо. Приходит Стански — он преподает историю викторианской и современной Англии. Чем-то похож на Исайю Берлина — тоже интеллектуал со своеобразной фонетикой: некоторые гласные произносит как невероятные трифтонги, и это звучит ужасно. Домашний уклад ученой пары нас забавляет, они действительно счастливы вместе; принимаем их приглашение и едем в замечательный итальянский «семейный» ресторан где-то в стороне от Коламбус-авеню. Бесконечная смена блюд — возражения не допускаются. Но это, скорее, в английском духе — не в американском. Этот вечер мне понравился больше, чем любой другой, проведенный в Америке.

В полночь вылетаем в Англию.

Америка, я оплакиваю тебя.

28 ноября

Просыпаюсь в Хемпстеде. За окном сыплет снег — холодная, маленькая, промозглая Англия. Днем поехал в Ли-он-Си, поехал один. Элиз трудно там находиться, мне тоже стало неуютно уже на следующий день. Для них ничего теперь не существует помимо крошечного семейного мирка. По-моему, неправильно думать, что все люди существуют в одном и том же времени. В Ли, как и многие в Лайме, живут словно время остановилось где-то между 1929 и 1939-м. Умерла тетя Мэгги — как раз перед моим приездом. В какой-то степени это придало духу отцу — ведь он пережил всех своих родственников. Слава Богу, он сохраняет здравый ум.

29 ноября

Ждал на Чокуэлл-стейшн поезд на Лондон. Смеркалось. В зале ожидания я был один — холодно, повсюду снег, высокие волны разбиваются о дамбу прямо под окном. Сан-Франциско на другом конце света. Монтескье был прав, когда говорил: все определяет климат.

В Калифорнии я все время старался удержать ускользающее сравнение — Египет, конечно, он. Вот откуда ощущение повсеместного распада. США — это Рим; Калифорния — место, где подлинный Рим заканчивается, растворяясь в александрийских культах, грандиозных иллюзиях и роскоши декадентского имперского Рима. В Калифорнии царит страх смерти. Настоящий губернатор штата — Танатос, а не пользующийся дурной славой Рейган. Вот почему там много экстравагантных религий и философий; все это безудержная погоня за разного рода чувственными наслаждениями. Они все там медленно умирают, и умирают некрасиво.

Любопытная черта: во многих американских рецензиях сквозит удивление, что «Любовница французского лейтенанта» — роман одновременно развлекательный и серьезный. Думаю, это побочный продукт гибели религии. Роману, наряду с другими формами искусства, приходится играть роль проповеди. Таким образом, серьезное произведение литературы или искусства определяется большим количеством страниц (или объемом), тусклостью, сосредоточенностью на себе и т. д.

В счастливом мире искусства не будет. Я слишком часто сбегаю в воображаемую действительность. В счастливом же мире хватит и живого опыта.

30 ноября

В Лайме. Здесь теплее, чем в Лондоне. Нет снега. Cobaea все еще в цвету, распустились зимние ирисы (двадцать растений на одном месте), продолжает оставаться зеленым артишок. Я мог бы здесь жить в одиночестве целый год, не меняя климата. Покой, море; кулики, мирно пощипывающие на закате семена морского лука.

4 декабря

Во время нашего отъезда на экраны Англии вышел «Маг». Что заслужил этот фильм, то и получил: всеобщее порицание.

17 декабря

Во время нашего пребывания в Америке меня, оказывается, наградили свежеиспеченной премией Английского отделения Международного ПЕН-клуба. Я с удовольствием отказался бы от премии, но бывший на торжественном обеде Том Машлер ввиду моего отсутствия получил ее за меня. По моему мнению, сам принцип распределения литературных премий неверен. Абсурдно и то, что мне даже не сообщили, что я номинирован (и, таким образом, не дали шанса сказать, хочу я участвовать в конкурсе или нет). Со мною до сих пор никто из ПЕН-клуба не связался (премию вручали 20 ноября); о самом событии были краткие сообщения только в «Гардиан» и «Телеграф», так что единственно разумное оправдание этих забав (реклама художественной прозы в целом) достигнуто не было. Моими соперниками в конкурсе были Монсаррат, Маргарет Лоуренс и Роберт Лидделл, из-за чего я лишен даже слабого утешения — уважения к проигравшим.

Элиз должна была сегодня лечь в больницу по поводу варикоза, но нам позвонили как раз в ту минуту, когда мы собирались выехать в Лондон, и сказали, что в больнице карантин из-за начавшейся эпидемии гриппа и потому Элиз положить не могут. Но мы все равно поехали в Лондон: мне нужно встретиться с Оскаром и поговорить о фильме.

19 декабря

Оскар, Том и я сели вместе и составили список режиссеров — в порядке предпочтения: Линдсей Андерсон, Тони Ричардсон, Дзеффирелли, Полански, Питер Брук, Циннеман, Люмет, Джек Клейтон, Джо Лоузи. Похоже, Андерсон еще окончательно не отказался. Ричардсон, который, мы думали, после крымского фильма[143] нашим проектом не заинтересуется, напротив, проявил интерес. Я разозлил Тома и Оскара своим заявлением, что предпочел бы Ричардсона, потому что он выпускник Оксфорда. Теперь они то и дело мне это припоминают. Конечно, Ричардсон не типичное порождение Оксфорда. Я не осмеливаюсь раскрыть карты и сказать, что мои мотивы были по большому счету марксистского толка: выпускник Оксфорда знает больше об английском рабочем классе, произношении и чувстве отчужденности, чем кто-либо другой при прочих равных условиях — таланте и прочем. Ричардсон, очевидно, дал прочесть книгу своей бывшей жене Ванессе Редгрейв. Я всегда высоко его ценил, да и она, пусть и не образец красоты, намного превосходит

других популярных актрис (Сару Майлс, Гленду Джексон), так что остается только молиться, чтобы мы их заполучили.

Продолжаю вести переговоры с Дэном Рисснером из «Уорнер Бразерс» — они хотят, чтобы я написал для них оригинальный сценарий. Несколько месяцев назад мне показалось, что может кое-что получиться из приключений Джона Уэсли в Джорджии между 1735–1738-м. Потом есть еще сценарий, начатый мною год или два назад, — о борьбе поколений («Прислуга»). Они согласны оплатить один или два сценария — на мое усмотрение. Но деньги стали для меня помехой. Зарабатываю их, когда хочу. Я не обсуждал с ними темы любви и смерти. Только у меня девушкой будет сама смерть. Молодой человек знакомится с девушкой, а это смерть.

Вернулся в Лайм, оставив Элиз в городе. Сейчас не могу спокойно жить здесь, получая от этого удовольствие. Нужно написать о Соединенных Штатах, где жизнь лишена поэзии, где допущено много ошибок в культурном, социальном плане и так далее. И еще три сценария — не знаю, за какой взяться. Эти дни я только и занимаюсь тем, что все планирую и планирую — признак, скорее, депрессии, чем творческой активности. Затем роман, где действие происходит в Голливуде и Англии, роман о Робине Гуде. Хочу все писать одновременно.

20 декабря

Хотелось бы самому снимать фильмы — частично, эта мысль пришла мне в голову из-за краха Голливуда; банкротства его студий, буквального и метафорического. Я хочу сказать, что там сейчас освободилось пространство для фильма как порождения литературы, писателя как человека, способного придать ему видимую форму.

Бросить курить — по-прежнему остается проблемой. Странно, но в Штатах я не курил. Мне не нужны сигареты, чтобы справиться со стрессом или со скукой. Трудности начинаются при работе. В настоящее время я увяз в болоте из множества замыслов. Не успею написать абзац, как уже вижу, как его улучшить. Как будто я не уверен в том, что хочу сказать, хотя в целом я знаю это *точно.* Бесконечное переписывание, вариант за вариантом, ужасно раздражает, отнимает время, но самое главное — это порочный круг: в пятом варианте столько же недочетов, сколько и в первом. Сколько ни старайся, все равно будешь ошибаться.

Так как роман занимает в нашей культуре все меньше места,

то, думаю, писатели неизбежно станут все реже обращаться к этой литературной форме. Возможно, между фильмом и романом создается искусственный барьер — так первые биологи считали кита рыбой, потому что он живет в море. Подлинное различие — между создателями, а не искусствами. То, что я говорил о многостильности в «Аристосе», является логическим продолжением этого соображения. Если я работаю в разных стилях, почему ограничиваться печатной страницей?[144]

Последние несколько месяцев я читаю жалкий «Таймс-Литерари-Саплмент». Он что-то вроде кружка необычной групповой терапии, куда представители литературных и академических кругов ходят разыгрывать сценки, будто они насилуют друг друга в темноте[145].

Карикатура на то, каким должен быть главный литературный журнал страны.

23 декабря

Ричардсон отказался, но хотел бы видеть в фильме Редгрейв.

Мне кажется, проблема сочинительства вот в чем: до определенного времени тебе нечего сказать, потому что ты мало чего знаешь, потом — ты знаешь, но не можешь это выразить.

24 декабря

Едем на Рождество в Ли.

Там Дэн, Хейзел и дети; близнецы важные и серьезные — в два года это умиляет. Верховодит Саймон, у которого неправильная кисть, он наиболее решительный из двоих; еще один пример в пользу закона о компенсации. Подозреваю, что евгеника именно тут терпит неудачу; хочешь вывести безупречный экземпляр, но никогда не добьешься этого — по человеческим меркам.

Читаю дневник Уэсли (1735—1738) за то время, что он провел в Джорджии. Типичный англичанин, святой — из тех, кто сделал себя таким сам. Никаких видений — только тяжкий труд, монотонная работа. В наши дни только спортсмены перед Олимпийскими играми способны на такое подвижничество. Он великий атлет протестантизма, и в моих устах это совсем не комплимент.

Здесь есть материал для фильма — думаю, даже для нескольких фильмов. Пора завести моду на Дикий Восток — на

тех же принципах, что сто лет назад или еще раньше была мода на Дикий Запад.

26 декабря

Снова в Лайме. «NAL»[146] предлагает 15 000 долларов за права на издание в бумажном переплете «Аристоса». Меня это очень радует.

1970

20 января

Последние три недели писал о Соединенных Штатах. Эту работу назвал «Америка, я оплакиваю тебя», и она стоила мне битвы с Сатаной. Уже с первой строки начал курить. Теперь снова высаживаю по шестьдесят — а иногда и больше — сигарет в день. Тогда мой мозг работает свободно и изобретательно. Никотин, несомненно, — вещество, способствующее концентрации внимания.

30 января

Не позже, чем на следующей неделе, мы возглавим список «Нью-Йорк таймс». Это большой успех.

9 февраля

Необычный уик-энд. В Эксетере, в доме, где Анна снимает квартиру, живет женщина (Пэт Конн) с двумя маленькими детьми за счет государственной помощи. Брак распался; муж — нищий художник; и вот Анна привезла их сюда отдохнуть. Мать внешне не очень привлекательна, и все же ей нельзя не восхищаться. Можно предположить, что она вышла из лондонского ограниченного буржуазного мирка, восстала против него, появился художник, богемные связи и полная неспособность создать нечто свое. Она жертва, ее нельзя не любить только за это — тем более, что она мужественно держится, и все же что-то мне в ней не нравится; возможно, та культура, которая сформировала ее, и все вытекающие отсюда последствия. Тщеславие неудачника, богемная самовлюбленность — эти черты характера мужа могли сокрушить женщину. Ее нельзя за это винить, и, тем не менее, она принадлежит к тем людям, от которых словно исходит эманация неудачника; понимаешь, что она навсегда останется такой. Я чувствовал в ней боязливое отношение к другим формам жизни, какое обычно презираю в людях: страх перед змеями, летучими мышами, пауками и так далее. Но эта антипатия мне не нравилась.

Главная же необычность уик-энда была связана с двумя

дочерьми этой женщины: восьмилетней Эммой и шестилетней Софией. Между нами с первого взгляда возникло любовное чувство: Эмма потянулась ко мне, а ее маленькая сестричка — к Элиз. Их сиротство, отсутствие у нас общих детей — вот что объединяло. До какой-то степени это была благотворительная акция: каждая забава, каждый подарочек принимались ими непосредственно и открыто, с такой неподдельной искренностью, что временами перехватывало дыхание и щемило сердце. Я повел их на южный, солнечный склон собирать подснежники, и, хотя обычно не терплю, когда рвут мои цветы, им разрешил бы оборвать весь сад. Удовольствие смотреть на детей могла перекрыть только их радость от цветов; и я вдруг понял, что Эмма — единственный человек, который видит этот сад так же, как я, — глазами обкраденного (по части простора, дикой природы и всего такого) ребенка. Другие люди видят только общий вид, перспективу, сорняки, запущенность и все такое. Они не могут радоваться укромным уголкам сада, радоваться тому, какой он есть, тому, какой он есть сейчас. Эмма бросалась к самому жуткому сорняку, лопуху — проклятью для старины Джека; сорняк как раз цвел и был очень хорош. Красивый цветок, приятный запах. Все хорошие дети по своей природе дзен-буддисты; для них деление растений на сорняки и садовые цветы лишено смысла.

У нее маленькое бело-розовое личико, голубые жилки на висках, бесхитростный взгляд; ей нравится сидеть у меня на коленях, держать меня за руки, ездить на плечах; подходит робко, бочком, все время старается быть ближе. Само искушение. С растениями обращается нежно, мгновенно замечает сходство между ними, запоминает названия. Весь уик-энд меня не покидало ощущение чего-то очень знакомого, напрашивалась какая-то аналогия; теперь я понимаю: Эмма напомнила мне Алису Лидделл[147]. Должно быть, в Алисе-ребенке тоже было сочетание веселости и серьезности, чувствительности и дерзости, властности и покорности; еще легкий привкус сексуальности, а также смутный призрак незаурядного ума. Меня заинтересовали стеклышки, которые она откопала в старой свалке на краю Блэк-Вен, их отполировало море; ей не нравились те, которые привлекали меня (ведь мой вкус обусловлен классическим искусством — от римского стекла до искусственного стекла нашего времени), а она создала свою контрэстетику; с первого взгляда они показались мне довольно безобразными цветными стеклами, но потом я пригляделся и изменил свое мнение.

Я не мог представить, как буду провожать их до поезда в воскресенье вечером. Не сомневался, что Эмма будет всю дорогу

реветь, а меня только возраст удержит от слез. Думаю, все дело в моей бездетности, но ведь я никогда не хотел детей, да и сейчас не хочу, — мне хочется только этого ребенка. Она, конечно, это чувствовала — такие дети знают наши мысли лучше, чем мы можем себе представить. Мне хотелось дать ее скучной матери немного денег, но Элиз решила, что мы оплатим ее последние счета за электричество и этим ограничимся. А как приятно учить такого ребенка; я точно знаю, как подступиться к такому сознанию. Возвращаясь домой с моря, мы натолкнулись на кайру с пропитанными нефтью перьями. Я объяснил девочке, что птица, скорее всего, погибнет, но я не стану ее убивать, потому что есть небольшой шанс, что она выживет. Ярдов через пятьдесят она сочинила маленький стишок:

«Кому-то смерть,
Кому-то грусть;
Лучше поесть чего-нибудь».

Я предложил лучшую рифму, но она подумала и отказалась.

Невинность детей: показать им нечто, что кажется раем, а потом жестоко изгнать оттуда. Они не могут этого понять, но мы-то хорошо знаем, почему они не могут понять. Маленькая София, похожая на обезьянку, не будет так уж сильно страдать в жизни. Она философ, как и ее мать, а Эмма — поэт.

Без всяких подсказок с моей стороны на второе утро она сплела из подснежников венок, как будто помнила эпизод из «Рыжика» — старик ведет двоих детей по лужайке; эта сцена всегда преследовала меня[148]. Я сфотографировал ее с сестрой в венках. Ни один мужчина никогда уже не увидит их такими. И где-то в глубине души мне не хочется, чтобы фотографии получились.

Нельзя забывать, что этим странным переживанием, глубоко тронувшим меня (и это не единственная его странность), я обязан Анне: она тоже философ и, как мне кажется, больший, чем Элиз или я. Подлинная философия — действенная, мы же слишком много думаем и мечтаем.

24 февраля

В Лондоне. Элиз завтра ложится в больницу оперировать варикозные вены. Пообедали с Недом Брэдфордом в «Китсе». Он ведет здесь секретные переговоры относительно провезенной контрабандой рукописи одного русского. Почти сразу же он

заговорил о Пэм — за день до отлета они ждали к обеду гостей, но за час до их прихода она вдрызг напилась; ему пришлось прямо при ней отменять приглашения и, наконец, публично признать, в чем дело. Нед ведет себя как человек, который считает, что сама сущность его жизни разрушена ударом молнии и абсурдом — то есть в прямом смысле разбита вдребезги. Говорили и о моем американском «памфлете»; ему хотелось знать, что меня так не устроило в Штатах. Я мог бы сформулировать это в трех словах: ты и Пэм. Конечно, так отвечать было нельзя, но, увы, теперь я не уверен, поймет ли он книгу. Если он не может понять, почему она стала алкоголичкой, тогда трудно ожидать, что он поймет, что меня не устраивает в Штатах.

25 февраля

Вечер с Томом и Фей в их новом доме на Вейл-оф-Хелф. Очень красивый, типичный *дам с садом,* великолепно смотрится; еще одна преодоленная ступенька к элитарному сословию. В Томе ощущается легкая тоска по прежнему, независимому, состоянию. «Женитьба не изменит моих привычек». Фей выглядела бледной и усталой; мы решили, что она беременна. Да и Том необычно много говорил о детях. Я помог передвинуть мебель в гостиной; там надо всем упрямо возвышался массивный сервант семнадцатого века, их гордость (действительно прекрасная вещь). В конце концов место для него нашлось, но он заслонил собой две электрические розетки. Неважно, пусть стоит там. Двигаем, двигаем… Как раз на днях мы с Элиз тем же занимались в Белмонте — возможно, поэтому я немного завидовал их единодушию. Но я все больше и больше ненавижу засилье предметов искусства в домах и отсутствие подлинной поэзии в быту: беспорядка, обычных вещей, не вызывающих благоговения. Думаю, Фей — большая удача для Тома. Когда он говорит ужасные вещи, она бросает на него ледяные взгляды — таково английское движение сопротивления.

27 февраля

Операция прошла удачно.

9 марта

Возвращение с Элиз в Лайм. В это время года у меня в Лондоне земля горит под ногами. Я успокаиваюсь, только когда беру курс на юго-запад.

25 марта

Совсем увяз в книге об Америке. Нужно прочитать гору разной литературы: Токвиля и его последователей. Я готов писать — руки чешутся, но так называемое «сопутствующее» чтение безумно утомляет, и я не делаю ни того ни другого. Думаю, это что-то вроде условного рефлекса, реакция на годы преподавания — отвращение к обязательному чтению, даже если в принципе оно мне интересно.

И огромный объем работ в саду. Привели в порядок местечко для овощей. Пошли в рост нарциссы.

Последние десять дней Оскар провел в Нью-Йорке, безуспешно пытаясь договориться о запуске фильма. Дело не в отсутствии интереса — просто спонсоры не знают, на что делать ставку. Они раскошелятся, только оценив ситуацию в целом. Вся киноиндустрия замерла, ожидая, куда повернет капризная публика. Что принесет прибыль на новом витке? Роман по-прежнему возглавляет список бестселлеров. Еще год назад при таком раскладе можно было просить что угодно. Лично мне все равно, как пойдут дела. В каком-то смысле я даже не против, чтобы идея с фильмом провалилась: ведь роман и так принес небывалый успех.

22 апреля

Анна уехала в Бристоль на курсы по графике.

24 апреля

Едем в Уэльс, на свадьбу Тома Машлера и Фей. В автомобиле, кроме нас, Казмин, владелец картинной галереи, и Эдна О’Брайен. Казмин — небольшого роста, близорукий, улыбчивый, с характерной англо-еврейской напористостью — преобладающий склад характера среди гостей, так как в числе приглашенных Фредди Рафаэль, Уэскер[149] и многие другие — не считая самого Тома. Их основные черты (сильнее всего они проявляются у Фредди Рафаэля) — нетерпение, стремление быстро преуспеть,

отвращение ко всему скучному, неинтересному. Ненависть к зря потраченному времени может стать у них причиной нервного тика. Отсюда логически вытекает неприятие других взглядов на жизнь. «Не могу больше жить в этой стране, — говорит Фредди. — Люди не оставляют тебя в покое». В машине, где ехала и Эдна, которая хорошо вписывается в эту группу, в разговоре все время звучали имена знаменитостей, этого отдельного сообщества, тех, кто сейчас на гребне волны. Думаю, мне потому нравится Том Уайзмен — хотя он тоже любит хвастаться именами, — что он принадлежит к более старому и мудрому еврейству. Пока мы ехали, Эдна была очень любезна с нами, но, как только путешествие закончилось, сразу же переменилась. Не нравится мне этот переменчивый ирландский шарм.

Мы остановились в Лэнтони-Эбби — должно быть, самой экстравагантной гостинице страны; она построена еще в девятнадцатом веке, ее владельцы — странная пара: по-видимому, полностью равнодушны к комфорту — не только к своему, но и своих гостей. Хозяйка, миссис Найт, своей отчужденностью вызывает в памяти героинь Ибсена. Похоже, она всегда стоит за дверью — слушает и ждет. Я видел ее сидящей в столовой перед единственным в доме электрическим камином, лицо женщины с закрытыми глазами было обращено вверх, словно ее постигло страшное горе, и теперь она ждет смерти. Во всех спальнях викторианская мебель — и это не сознательно избранный стиль, просто она всегда здесь стояла. Каждая комната застыла в прошлом. И сама гостиница тоже. Тиканье часов наших дедов. Тишина. Ожидание. В первый вечер, когда собрались все те, кто остановился здесь (Эдна и Казмин с остальной развеселой братией поехали в Хей), атмосфера гостиницы показалась смешной и нелепой, раздался дружный смех. Курт, отец Тома, проявил недюжинный талант клоуна, он остановил все часы и спросил у похожей на призрак миссис Найт, не найдется ли у нее приличной, теплой комнаты. Здесь же была и мать Тома, Рита Массерон (она в разводе с Куртом), женщина, похожая на дрозда и такая же резкая и агрессивная. Бывшие супруги враждебно-холодны друг с другом. Еще здесь Эд Виктор из «Кейпа», светский молодой экспатриант. Художник Том Тейлор с женой — он работает на телевидении — приехал снимать свадебную церемонию. Грэм Грин с женой[150].

На следующее утро всем надо было ехать в Хей, в бюро записей актов гражданского состояния, но нас задержал Курт, который пытался развернуть свой автомобиль на роскошном газоне перед руинами и застрял, впав в типичную для оказавшегося в Англии иностранца панику; он давал задний ход,

прибавлял обороты, но машина продолжала медленно оседать. В конце концов, мы его вытащили, но газон выглядел так, будто по нему проехал танк. Рита: «Только бы Том не узнал, только бы Том не узнал». Чтобы успокоить старика, я сел в его машину. Всю дорогу он говорил об Эдне. «Почему она ушла от Тома?» (В прошлом году Эдна перешла в издательство «Уейденфельд».) Я пересказал то, что услышал от нее вчера, — с Тони Годвином как с редактором работать легче. Но он все равно не понимал. Думаю, тут не обошлось без Фей, она могла приложить руку к уходу Эдны — ей хотелось счастливого замужества. Но этого я сказать не мог.

Бюро записей; Фей, похожая на валашскую цыганку, бледная и сдержанная; с глуповатым видом стоящий Том. Весь уик-энд он был очень мил, только немного растерян. Конфетти и рис. Потом отправились к Уэскерам. Арнольд и его жена Дасти приготовили угощение. У них рядом ферма. Шампанское и вкусная еда из восточного Лондона — еда Блума: солонина, пирожки с картофелем и луком. Уэскер в черной бархатной блузе, открывающей заросшую грудь; длинные, до плеч, волосы. Он кажется мне самым человечным и самым талантливым из всех этих англо-еврейских писателей: в основе его раздражительности, нетерпения — социальные корни, а не озабоченность собственной карьерой. Дебора Роджерс, литературный агент Роя и одна из прежних возлюбленных Тома, — и он, и Фей пригласили кое-кого из «бывших». Неприятная дама из «Инкаунтера». Дорис Лессинг, спокойная, с гладко зачесанными волосами, — кажется, что она пришла из тридцатых.

Перекусив, мы отправились в Карни. Я шел в обществе Фредди и его жены; похоже, недовольство жизнью — его обычное состояние. «Никто не читает моих книг». Недавно он посмотрел «Забриски-пойнт» Антониони. «Великолепно. Столько движения! Беготня по холмам. Взрывы». Короче говоря, сплошная нетерпимость.

Потом опять вернулись к Уэскерам на свадебный обед. Меня посадили рядом с Деборой Роджерс — большую часть того, что она говорила, я не слышал. Во время произносимых речей она, потупив взор, крутила кончики волос, вид у нее при этом был несчастный. Типично оксфордский тост, высокий и благоговейный, провозгласил за Фей молодой человек из Тринити-колледжа; смущение, евреи ощетинились. Затем в смущение нас вверг Уэскер, превознося достоинства Тома; он хотел, чтобы все мы, поочередно, встали и сказали, что́ каждый из нас думает о Томе, — как будто Фей здесь нет. Тут я почувствовал, что во мне ощетинивается англичанин. Спасла положение Дорис Лессинг — она спокойно произнесла: «Все мы

знаем, что и Том может быть сукиным сыном». Отец Тома правильно угадал то, о чем в своем тосте поведал Том, — Фей на пятом месяце беременности. Я не видел, но, как выяснилось, Эдна и Казмин стали курить «травку». Некоторые к ним присоединились. Общество разделилось на тех, кто курит марихуану, и обывателей. Мне было скучно, но ведь мне всегда бывает скучно на таких вечеринках.

4 мая

Четвертого апреля съехал с первого места. Теперь занимаю в «Тайм» вторую позицию. Продано 130 000 экземпляров.

9 мая

Приехал в Лондон встретиться с Диком Лестером, очередным кандидатом в режиссеры. У него вид и манеры известного венского композитора прошлого века, выходца из евреев, вроде Мендельсона. Говорит, конечно, на молодежном сленге, и одежда соответствующая. А так законченный денди; лысеющий шатен, замедленная, вальяжная жестикуляция, агрессивно-оборонительный взгляд — тебя оценивают, прощупывают, в тебе сомневаются. Я видел, что он покорил Оскара и моментально покорил Тома (который вначале был настроен против его кандидатуры) — на самом деле у него до какой-то степени были именно те качества, которые Том хотел бы видеть у режиссера. Впервые я слышал в голосе Тома извиняющиеся нотки: ему было стыдно за его редакторство, он чуть ли не извинялся за такую старомодную профессию. Лестера можно пригласить разве только из-за сложной финансовой ситуации, которая сложилась на текущий момент. Когда заговорили о киностудиях, вид у него стал такой кислый (что оправданно), словно он жевал лимон. «Почему бы нам не взять кредит в банке?» Слава Богу, у Оскара хватило ума этого не делать. Его кандидатура мне не нравится: он темная лошадка. В нем много от старого еврея, устраивающего свои делишки. Такие люди пойдут против общества, культуры и всего остального — только чтобы им было хорошо. Корни их ненависти к фашизму (речь не идет о последней войне) таятся в том, что любое закрытое общество ограничивает личную инициативу. В этом, как и в юморе, у них есть нечто общее с англосаксами — что мы с нашей ментальностью называем «свободой», у них же никакого названия этому нет. Но я

подозреваю, что при определенной исторической ситуации фашизм может зародиться в любой нации — некоторые предпосылки к этому можно видеть сейчас в Америке и Израиле. То есть «любовь к свободе» может быть уловкой для личной выгоды; и, если все складывается так, что личная выгода становится возможной и одобряется определенной политической силой, игра может идти уже в другие ворота.

10 мая

Вечеринка в новом доме Тома на Вейл-оф-Хелф. Здесь я ощущал себя лучше, хотя гости были все те же, только прибавились Эмисы. Я поговорил немного с женой, Элизабет Джейн Хоуард[151], крупной, хорошо воспитанной женщиной нордического типа, с внимательным и требовательным взглядом. Она в стилизованном костюме австрийской крестьянки — в белой блузке и коричневой бархатной юбке. Вертит в руке миниатюру семнадцатого века — с одной стороны монограмма, с другой — лицо ребенка. Я не спрашивал, что это такое. Хотя она осыпала похвалами «Любовницу французского лейтенанта», но, похоже, мы совсем не понравились друг другу.

Между Томом и Оскаром трения: первый умерил свой восторг, а второй считает, что ассистент продюсера доставляет все больше хлопот. Я сказал Тому, что не готов сесть за английский Muggins[152] и заигрывать с кинобоссами. Он отнесся к этому с пониманием. Кажется, я не писал о Томе в дневнике ничего хорошего, но зато думаю о нем все лучше и лучше. Мне кажется, за последний год он изменился.

В Лондоне нас ошеломили свободные нравы. Как выяснилось на прошлой неделе, у Джада роман с Барбарой Кон. Он попросил разрешения, когда нас нет в городе, жить в нашей квартире. Последние двенадцать месяцев Джон Кон состоит в любовных отношениях с Джудит Гудман и живет отдельно от Б. и детей; теперь просится назад. Джад неподражаем — этот запутанный клубок почти кровосмесительных отношений он склонен воспринимать как комедию. Сэм Яффе, отец Б., сказал дочери, что она сменила «никудышного мужика» (бабника) на «прирожденного неудачника». Впрочем, он убеждает ее принять Джона назад — типичное еврейское неприятие развода. Четырнадцатилетний Питер Кон — жертва эдипова комплекса. За ленчем Барбара выглядела уставшей. «Если б ты не трахалась полночи с Джадом, — сказал юнец, — то чувствовала бы себя лучше». Джад начал бракоразводный процесс с Сюзанной. Стивен

поедет в частную школу в Риме. По словам Джада, сын равнодушно отнесся к предстоящему разводу. «Года через три я буду независим от вас обоих. Так что валяйте, делайте что хотите».

Сюзанна хочет открыто объявить Яэль Дайан, дочь Моше, виновной стороной. Джад угрожает в этом случае обнародовать психиатрическую экспертизу, из которой ясно, что у нее паранойя. Он боится (и не без оснований), что она может узнать о Барбаре Кон.

Как говорит Джад, выиграть нельзя — всегда найдется помеха.

В довершение всего в Лондоне вновь объявился Эрик, бойфренд Анны. А мы-то надеялись, что он уехал на гидрографическом судне на Красное море, и его не будет три года. Они спят в гостиной, а мы в спальне. Рой явно ненавидит Эрика. Мне парень скорее нравится, но, похоже, на Анну он оказывает своего рода влияние Свенгали[153]. Когда он снова удрал в Гуль, она проплакала все утро понедельника. Ничего не имею против того, что они спят вместе, не таясь от нас, но меня раздражает, как мало они используют предоставленные им возможности. Анна совсем ничего не делает, колледж посещает не чаще раза в неделю. А Эрик, получив грант на обучение, просто уехал из Эксетера. И возвращаться не собирается. Ни один из них на самом деле не заслуживает высшего образования. Анна хочет на следующей неделе вернуться в Лондон и жить в нашей квартире. Мы сказали, что обещали ее Джаду. Элиз из-за этого чувствует себя виноватой. А я нет.

12 мая

Студия Эй-би-си, наиболее заинтересованная в фильме, объявила, что Дик Лестер «совершенно неподходящая кандидатура».

15 мая

Ветром из Танжера к нам занесло Дэниела Хэлперна, замечательного молодого американца. Он уже полтора года живет с Полом Боулзом, они вместе создали новый журнал «Антей», в который я отдал несколько стихотворений[154]. Он приехал взять у меня интервью, но задержался; мне он нравится, и я не пытался его выставить. В интервью я показал себя

человеконенавистником, заявив, что «терпеть не могу» людей, предпочитая им птиц, природу, одиночество и покой. Думаю, мне хотелось предостеречь его, сказать, чтобы он держался подальше от «знаменитых» пожилых писателей. Подозреваю, что Боулз сказал ему то же самое.

6 июня

Коктейль у Мейзи Форрестер в Уэер-Лейн; все гости из зажиточных городских слоев (по меркам Лайма). Самое скучное и до отвращения невежественное общество, какое только можно вообразить; находиться среди них просто ненормально. Постоянное обращение к прошлому — кто где жил и какая семья раньше обосновалась в Лайме. Вот так создается социальная иерархия. Естественно, что к нам отношение подозрительное. Мы люди со стороны — хотя большинство присутствующих живут здесь всего на год или два дольше нас.

Единственный сносный человек здесь — сама Мейзи, эта пожилая актриса так густо нарумянена и раскрашена, что кажется, будто перед тобою расположившая старая гейша или хозяйка шикарного борделя. Она остроумна, у нее есть стиль. И вера в воспитательную силу театра.

Этот вечер заставил Элиз воспылать ненавистью к Лайму; я же скрылся за своей орнитологической маской. Я считаю, что эти люди ясны и понятны — в том числе и по их поведению, и это приятно.

10–15 июня

Позвонили из Ли: отец перенес инсульт и находится при смерти. Мы быстро собрались и уже через час катили в Ли. Были на месте около семи вечера. М. чуть ли не получает удовольствие от всего этого; какое несчастье, как все произошло и что еще будет! Говорят, что для отца было бы лучше не мучиться, а быстро умереть. По словам доктора, у него был не инсульт, а угрожающий жизни спазм артерий, за которым последовало недостаточное поступление в мозг кислорода. О. долго не узнавал нас, но пульс у него стабильный — ясно, что он пока не умирает. Мы пригласили ночную сиделку, приятную, энергичную ирландку; и он почти сразу пришел в себя. Я думаю, они с матерью так долго психологически терзали друг друга, что теперь наступила кульминационная контратака. У меня и Элиз

бесчувственность матери вызывает ярость — она постоянно говорит об отце, словно его нет; а ее суетливость у постели мужа приносит тому один процент пользы и девяносто девять раздражения.

В родительском доме мы провели шесть дней, пытаясь примирить противоборствующие стороны. В конечном счете никто не виноват — кроме унылого, маленького домика на унылой улочке, робости родителей и страха перед переменами.

О. постепенно становится лучше. У меня был долгий разговор с врачом — похоже, он понимает природу их отношений. «Да, я вижу, что большую часть времени они работают на разных волнах». Прогнозы его неопределенны. О. может вернуться в прежнее состояние, но возможно ухудшение и даже летальный исход. Он считает, будет лучше отвезти их в Лайм. Последовав его совету, мы два дня назад так и поступили. Старик перенес путешествие вполне прилично и на новом месте несколько воспрял духом. И мать стала мягче и тише. Не хочется думать, что потом они опять окажутся в прежнем окружении. С другой стороны, теперь им необходима эта атмосфера, отцу нужно, чтобы его изводили и оглушали, и мать с удовольствием это делает. Физически он как маленький ребенок, переходит крошечными шажками, шаркая ногами, от одного кресла к другому. Я его одеваю и раздеваю. Пытаясь снять или надеть рубашку, он всегда отчаянно размахивает руками.

22 июня

Статья для «Космополитен» о первых леди. Я опять впал в прострацию, блуждаю этим летом по округе — частично это связано с затянувшимся послеоперационным синдромом у Элиз; она утратила интерес к Лайму, нашему дому, образу жизни — рецидив старой болезни. И если в Андерхилл-Фарм я мог решительно закрыться в рабочей комнате, то здесь вынужден страдать вместе с ней, терпеть ее скуку, пустоту, ожидание чего-то. Но дело также и в прежнем беспокойстве, помехе в виде полной экономической независимости. Я работаю над триллером нерегулярно — не то чтоб мне не нравился результат, просто есть ощущение, что этот процесс можно растянуть на неопределенное время. То же касается и книги о Штатах. Куда спешить, зачем торопиться? На призыв отнестись к работе серьезно, я могу привести аргумент о необходимости ждать, пока содержание и форма обретут зрелый вид. Меня все больше преследует проблема глубины проникновения в предмет (что сводится к

победе над временем или к забвению). Чтобы тебя слышали не только сегодня, но и завтра. Эта никудышная социалистическая мысль меня беспокоит; а огромное количество незавершенных работ просто пугает. Недавно я написал рассказ о разорвавшейся в Нью-Йорке бомбе, он мне понравился, я привлек Джада Кинберга и с его помощью послал экземпляр Джону Колли в «Уорнер»: хотелось, чтобы он взглянул на него как на основу для возможного фильма[155]. А вчера, когда из Голливуда позвонил Колли, я вдруг понял, что рассказ стал мне неинтересен (думаю, что и Колли от него не в восторге), нет никакого желания связываться с Голливудом и снимать фильм. Я думаю, хорошо, если меня будут связывать жесткие обязательства, потому я и взялся в первую очередь писать для «Космополитен». Теперь на первое место просится роман об американизированном англичанине («Англичанин»), а прочая работа отходит на задний план. Следующий он, и действие будет развертываться в Гималаях — никаких английских холмов.

На самом деле Колли больше всего хочет заполучить триллер. Хичкок тоже прислал телеграмму с просьбой взглянуть на него. Эти предложения оставляют меня равнодушным.

3 июля

Оскар собирается устраниться, если я предпочту Поллака[156] и ABC. Я думаю так и поступить, а его желание устраниться только укрепляет мою решимость (хотя я ему об этом не говорю). Во-первых, мне кажется, роман тяжел для экранизации, его нельзя без потерь перевести на язык кино — в результате все равно получится карикатура. Во-вторых, кинофильм в любом случае заставит читать и перечитывать книгу, поэтому не так важно, какой — «плохой» или «хороший» — получится фильм; более того, «хороший» фильм так много дает, что книга теряет примерно столько читателей, сколько приобретает после «плохого». В-третьих, я устал от высоких критериев отбора Тома и Оскара — тем более что они настроены так антиамерикански; и я вовсе не уверен в их непогрешимости, когда они уверенно делят режиссеров на овец и козлищ. Ставить на Поллака — риск, можно проиграть, однако есть шанс, что он снимет хороший фильм. Не скрою, у меня есть и другой мотив — некое недоброжелательство по отношению к этим двоим и к английской привередливости в целом. Однако я сделал «экзистенциальный» выбор несколько недель назад и не пойду на попятную.

Я прошу только одного — чтобы Оскар, по крайней мере,

заключил договор до своего ухода, и он обещал дать Поллаку возможность показать себя. В то же время непонятно, нужно ли продолжать вести переговоры. От ABC уже месяц ничего не слышно, хотя они утверждают, что по-прежнему «заинтересованы».

15 июля

Не могу писать стихи — слишком много поэзии вокруг. Сад — сплошная поэзия; произносить слова — все равно что швырять камнями в ласточек. И низко, и бессмысленно.

Анна вернулась из Эксетера. К недовольству Элиз она устроилась на работу (частично посудомойкой, частично официанткой) в гостиницу по соседству. Нам плевать на социальные условности, просто тревожит отсутствие у девочки нужной предприимчивости. Думаю, дело не только в психологической «лени», о которой твердит Элиз, но и в любви к нам, и у нас нет никакого права стыдить Анну за то, что она робеет в новом окружении. Мы насквозь литературные люди, она же совсем другая; у нее начинает преобладать зрительный подход — не хватает времени ни на что другое, кроме рисунка, текстуры и материального окружения; словесно же она выражает себя потоком банальностей, как заурядная выпускница средней школы.

20 июля

Едем в Лондон; Бетса Пейн совсем расклеилась — Ронни ее бросил. Когда Том и Фей проводили уик-энд у нас в Лайме, Элизабет находилась в одном из своих безнадежно мрачных состояний — была почти как Бетса. В субботу я повел Тома и Фей на охоту за антикварными штучками, а Э. позвонила Бетсе, чтобы излить душу, но ей тут же дали понять, у кого горе сильнее. Оказывается, у Ронни уже несколько месяцев роман с Селией Хэддон, двадцатишестилетней журналисткой из «Дейли мейл». На днях Ронни и Бетса вместе обедали. Она стала говорить, как ей хорошо и как она счастлива; тут-то он и объявил ей, как все обстоит на самом деле. Новая женщина «принесла ему веру в себя» и так далее.

В Лондоне Э. тут же поехала к Бетсе, а я остался с Джадом, мы немного выпили; к ужину вернулась Э., поели вместе. Ближе к полночи вдвоем отправились в Хайгейт (все это время с Бетсой

сидела ее подруга из психиатрической клиники) и провели там четыре часа; говорили об одном и том же — о Ронни и его жизни. Мне ясно: все случившееся — результат того, что он ощущает себя неудачником вдвойне: рухнули его надежды на карьеру, связанную с Флит-стрит, к тому же он разочаровался в самой журналистской карьере. Сочтя эти амбиции главными для себя, он был обречен с самого начала. Ронни проиграл там, где — и он это понимал — не стоило выигрывать. И эта выходка — как бы подведение плачевных итогов. Б. говорит, что он винит ее в своих «журналистских» неудачах, и это только подтверждает мою теорию. Сильная сторона Ронни — в умении забавлять, острить, в его яркой индивидуальности (все эти качества представляет в современной английской прессе его дружок Ален Брайен), а не в анализе дипломатических отношений, где надо быть прожженным журналистом-международником.

Мы сочувствовали и сочувствуем Бетсе с той же силой, с какой раньше она нас раздражала. Бетса утешает себя надеждой, что Р. в конце концов предпочтет ее. Я бы в это не очень верил; в то же время не представляю, как она будет жить одна. Хотя в течение этой ночи без сна я почувствовал, что в ней есть и твердость, и жесткость, так что, возможно, ей удастся справиться с одиночеством, своего рода вдовством, более успешно, чем мы можем сейчас представить.

В настоящий момент я чувствую, как меня окружают, почти осаждают женщины с неврозами; в основе этих неврозов — чувство обделенности: они не получили от жизни того, что должны были получить. Мне кажется, уязвимое место в этом повальном чувстве неудовлетворенности заключается в том, что оно ставит под сомнение безусловный принцип существования: нужно приложить какие-то усилия, чтобы получить в жизни желаемое. Лучше всех сказал об этом Блейк в афоризме о несбывшихся желаниях[157]. Постоянное уничтожение тайных желаний — болезнь с летальным исходом. Элизабет, конечно, перевела это на схоластический уровень, заявив, что у нее нет тайных желаний, да и вообще никаких нет. В каком-то смысле это дает ей защиту (если защиту от лечения можно называть защитой). Бетса менее защищена.

Мы сделали, что смогли, договорившись, что она будет звонить нам и приезжать гостить в любое время.

22 июля

У Поджа и Эйлин в Гарсингтоне. Небольшой, прелестный

старый коттедж, хорошая библиотека, симпатичные безделушки, картины, кое-что из старинной мебели. У Эйлин талант подбирать вещи: очаровательные — и в то же время без претензии, тщательно выбранные, они несут на себе отпечаток небрежной элегантности. Она видит номинальную стоимость вещи — что бывает так редко. Можно заметить, что между супругами не все гладко (опять!), но при нас они общались между собой нормально. Как всегда, причина семейных баталий — мать Поджа П., которую он поселил рядом с домом в гараже, больше похожем на собачью будку, — гараж маленький, но вмещает в себя не меньше Черной Дыры Калькутты: кровать, стулья, столики, рояль, комод и восемнадцать тысяч картонных коробок с вещами из прошлой жизни старушки. Находясь там, я помог Поджу переставить рояль, тем самым сдвинув с места кучу разного хлама — старые блюдца, зазубренные ножи для резки рыбы, горы старой одежды, книг, разных предметов из пластика. Эйлин хочет отправить старушку в богадельню. Подж категорически против — только, мол, через мой труп. Сама П. невнятно что-то бормочет — одно предложение поймешь, другое — пропустишь. Эйлин смотрит в окно. «Не слушай ее», — говорит мне Подж. Думаю, они лучше обращаются со своей собакой Робби, чем с П. Предмет семейных разногласий не сводится только к проблеме престарелой матери; их противоречия, скорее, из вотчины Ионеско, драмы абсурда. Эйлин настаивает на своем праве оставаться ирландкой, Подж — на том, чтобы быть несчастным. Мне по душе этот контраст между тихим очарованием старого коттеджа с садом и бурей страстей в нем. Отношения Филимона и Бавкиды несколько подкисли, но в этом есть нечто живительное. Как сок лимона в жаркий день.

Мы договорились ничего не говорить им о разрыве Бетсы и Ронни. Но, оказывается, Ронни уже проболтался Поджу. Теперь Подж просит не рассказывать Эйлин: «Она расстроится». Но в их ситуации любой секрет — слишком бесценное преимущество, чтобы им делиться.

25 июля

Хейзел, Дэн и трое малышей приехали на десять дней. Не могу сказать, чтоб меня это очень радовало: Элиз стонет от увеличившейся нагрузки, Джонатан демонстрирует начальную стадию паранойи (по отношению к близнецам). Хейзел глупостью, а Дэн подковырками доводят нас до бешенства. Детей он воспринимает как крест…

Под конец их пребывания приехала Бетса. Она словно в коме, безучастно помогает по хозяйству, сидит, молчит, думает. Ее привез Ронни, уехавший тем же вечером. Мы с ним немного поговорили в саду. Он категоричен в своем желании расстаться с Бетсой, даже не рассматривает возможность возвращения, говорит, что она погубила его жизнь, долгое время вообще отказывалась от секса, сделала из него няньку. Распространялся о радостях холостой жизни — как прекрасно, когда живешь один в комнате, — и о новой женщине, Селии. Она тоже развелась, она великолепная, потрясающая, не связывает его никакими обязательствами: «Замечательное поколение. Цивилизованное и нетребовательное». Мне показалось, что он освободился от всех обязательств. Даже выглядеть стал моложе. Собирается ехать в Вашингтон, но боится сказать об этом Бетсе. Я спросил, почему он не скажет ей всей правды — не было ли попытки самоубийства? Да, она угрожала покончить с собой. Но дело не в этом. Он не может просто так ее бросить — продолжает чувствовать ответственность.

Ее занятия психоанализом. Он относится к этому скептически.

После отъезда Ронни я тоже не сказал правды Бетсе. Намекал, что его отсутствие может продлиться долго. Она все еще находится в состоянии шока. В последний день ее пребывания здесь мы шли, собирая ракушки, по направлению к Пинхею. Казалось, она получает от этого удовольствие, одно время я даже слышал, как она тихонько что-то напевает. Возможно, это будет лучшим лекарством.

20 августа

Очередной виток абсурдной интриги вокруг фильма «Любовница французского лейтенанта». Срок договора с Оскаром истек седьмого. Так как Эй-би-си по-прежнему не давала ответа, я предоставил ему один лишний месяц. Теперь Джон Колли из «Уорнер» предлагает 20 тысяч долларов, если я предоставлю сценарий. Неделю назад «Юнайтид артистс» выступила с таким же предложением. Том Машлер работал на их лондонского посредника — мне он совсем не понравился. Все это делается, естественно, за спиной Оскара. Под влиянием минутного помешательства Поллак сказал Оскару, что «Уорнер» проявляет интерес к фильму, хотя студия готова сотрудничать с нами только при условии, что Оскара не будет в проекте, и, следовательно, не хочет, чтобы он знал об этом интересе.

Ситуация вполне определенная: все должны лгать всем. Достойно пера Мариво.

21 августа

Позвонил Том М. Из неофициальных источников он слышал, что я выиграл премию У. Г. Смита — тысячу фунтов.

23 августа

Видел в саду ястреба-перепелятника. Единственного в этом году.

24 августа

Отцу снова хуже. Он отказывается есть, говорит, что «хочет умереть». Бедняга.

28 августа

Обед с Кеннетом Олсопом и его женой. Они купили мельницу в Уэст-Милтоне, за Бридпортом; белые голуби, вода, имитации итальянских скульптур и урн, они выполняют свое назначение — привлекают взгляд. Он довольно приятный человек, хотя не совсем избежал того налета тщеславия, который среда накладывает на своих представителей[158]. Не могу поверить в его скромное желание — считаться прежде всего писателем. Писатели не живут в таком интерьере. И не могут работать в той маске, какую люди, вроде Олсопа, обязаны носить, — неизменно доброжелательного, проницательного, мудрого, спокойного гуру. Это, конечно, не совсем их вина; впрочем, мы с Элиз отнеслись к его желанию встретиться с нами (из-за возможной телевизионной передачи) как к забавной причуде: представитель элиты хочет познакомиться со знаменитостью меньшей величины — избранником масс, с тем, к кому благосклонно отнесся экран. Кажется, я все меньше и меньше боюсь вызова, который бросают печатному слову «зрелищно-речевые» способы общения; в каком-то смысле люди, подобные Олсопу, — козлы отпущения, публичные люди, вроде громоотводов. Именно им публика дарит на короткое время свою любовь и восхищение.

К нам приехали на недельку погостить Том и Малу Уайзмен, а также Борис. А так как Том знал Олсопа еще с тех времен, когда был связан с журналистикой, мы поехали к нему все вместе на воскресный прием — там были телевизионщики, драматург Энн Джеллико. Мне она понравилась — неординарная женщина за тридцать, румяная, с лицом крестьянки и глазами дрозда. Том и Малу, как японские водяные цветы, распускаются в такой атмосфере, оживают полностью только в ней. Непонятно, зачем каждому из них так необходим психоанализ — возможно, это как-то связано с их неспособностью общаться с кем-либо, кроме более или менее известных людей. Я чувствую, как Том в прямом смысле увядает рядом с обычными, никому не известными людьми; когда же его знакомишь со знаменитостью, он сразу становится важным и серьезным — словно, наконец, оказался на том уровне, где может функционировать и расходовать свою — бессмысленно до того гибнущую — психическую энергию.

6 сентября

Едем в Ли, где Дэн и Хейзел ухаживают за отцом, — мать отказалась присматривать за ним и вернулась на работу. Он лежит в задней комнате, окна которой выходят в сад, совершенно седой, с ввалившимися щеками и затуманенным взором, почти все время погруженный в сон. Временами он начинает барахтаться в постели, порывается встать, ищет судно. Мы договорились об отдельной палате для него в частной лечебнице на Империал-авеню. Там обычная для таких мест грустная атмосфера преддверия смерти, но сиделка вроде бы квалифицированная. Отец совсем беспомощный, словно маленький, больной ребенок. Уже десять дней не ест; не знаю, что уж поддерживает в нем жизнь — мужество или привычка. Не хочет умирать или не знает, как это делается? В наркотической полудреме он дает удивительные ответы на неведомые вопросы. Да, он выпьет хересу, спасибо. Да, он потушит огонь. Ночная сиделка говорит, что это слуховые галлюцинации, но, скорее, его слова вызваны мощной силой воображения, которое пока не оставило его. Мне кажется, он живет, черпая энергию из прошлого.

7 сентября

Перевезли отца в лечебницу на «скорой помощи».

Одурманенный лекарствами, он не понимал, что происходит на самом деле, но на следующий день, когда мы пришли его навестить, то увидели охваченного страхом и яростью ребенка: «О, Джон, слава Богу, ты пришел, забери меня домой — я хочу умереть дома, это место похоже на тюрьму…» — и все в таком роде; он срывался на рыданья, стонал, говорил, что болит нога, что находиться тут дорого и так далее. Нам удалось его успокоить. Здесь считают, что все в порядке. Я забрал бы его отсюда, если б не мать, — даже несмотря на мать, забрал бы: так она убеждена, что он должен быстро умереть. Не знаю, может такая ситуация типична: долгие годы, полные яда, обиды и унижения, привели к взрыву или, точнее, к нарыву. М. знает: только смерть успокоит его. Временами она превращает меня в свирепого самца — зловещего Эдипа, только с противоположным комплексом. Однако многое проясняется: последние лет десять отец держал мать в жуткой финансовой узде (хотя для этого не было никаких оснований — я ознакомился с его бумагами и выяснил, что только на текущем счету у него было шесть тысяч шестьсот фунтов и Бог знает сколько в инвестициях); были и прочие претензии старовикторианского толка.

Собирал выращенные отцом груши и яблоки. Некоторые старые деревья обрезаны так сильно, что сучья торчат во все стороны — как будто рисунок, сделанный углем.

Я сидел один у его постели, когда он стал бормотать во сне что-то ритмическое, вырванный кусок из потока сознания.

«Бобби Чарльз я сидел рядом с ним его ранило в живот я сказал все будет хорошо Бобби он сказал я много видел такого слишком много на ничьей земле».

Ненаписанный фрагмент из «Бесплодной земли». Прошло несколько мгновений, он открыл глаза и поискал ими меня. «Вы должны прислать мне счет. Я хочу его оплатить».

«Хорошо, — ответил я. — Я пришлю счет».

Несомненно, настоящий счет был из того времени — между 1915 и 1918-м. В бумагах я нашел его офицерскую расчетную книжку тех лет. Он прибыл во Францию в январе 1915-го. Думаю, именно там таится источник его беспокойства, желание укрыться под одеялом, страх покинуть дом, скупость (или осторожность по части трат). Травма до сих пор не зажила. Выжить можно — только если лежишь тихо, а умереть — только в кошмаре.

8 сентября

Неожиданно разум вернулся к отцу, он стал терпеливее —

почти прежний. Теперь М. в ужасе.

Этот жуткий дом доводит нас с Элиз до безумия — раздраженной ворчливостью, отсутствием доброжелательности. Так случилось, что соседка пригласила нас взглянуть на старинную мебель, которую когда-то приобрел ее покойный муж. Соседка не отличается вкусом, но контраст между светлым, чистым, не загроможденным вещами домом (с большим количеством старинных вещиц) и родительским, заваленным чудовищным хламом, — весьма болезненный. Конечно, у матери нет развитого эстетического вкуса, но мне непонятно, почему отец не обращал внимания на эту сторону жизни. Среди деловых бумаг я наткнулся на обрывки стихов — все они явно написаны не больше года назад или около того.

Потеря
Рифма ушла —
И пуста
Стихотворная чаша поэта.
Но жди. Замри — и жди.
Красоты созерцание
Вернет ему разум
(Ногам и взгляду — силу).
И тогда — в очередной раз
Поэт зарифмует добродетели ваши.

Что нашел Гёте
Я брел по лесу
Просто так,
Ничего не искал,
Вот чудак!

Увидел в тени я
Нежный цветок,
Он сиял, как звезда,
Как яркий зрачок!

Я сорвать хотел,
Но услышал слова:
«Если сорвешь —
Не будет меня».

Я вырыл цветок,
Не поранив корней,
И в сад принес

Домика на холме.

В сладкой тиши
Я его посадил,
И цветок мой расцвел,
И корни пустил.

Думаю, последнее стихотворение — перевод из Гёте. Печален порыв — «рифмовать», жалкое представление, что стихотворение — это то, где есть рифма, незнание того, что, по крайней мере, последние шестьдесят лет рифма — ругательное слово. Думаю, он не знал современную поэзию, как не знал и не любил современную музыку, современное искусство и прочее. Но за внешней неказистостью его поэтических опытов ощущается некий таинственный порыв: всю свою жизнь он что-то царапал на клочках бумаги. Так однажды он дал мне прочитать совершенно безнадежный роман — произведение человека, который будто бы никогда не читал ни одного романа, даже классического, не говоря уж о тех, что были написаны при его жизни. Я испытал чувство, что мне фантастически повезло с наследственностью: ведь я был тем, кем так боялся стать отец, не предпринимавший никаких попыток, кроме вот этого секретного творчества, чтобы чего-то добиться. И даже себе не признавался в том, что он по-настоящему любит и чего хочет.

Одно стихотворение погрузило меня в неподдельную грусть — не только потому, что было плохим, а еще потому, что отец почти наверняка не знал, как мучительно страдал от того же самого Мильтон.

Компенсация
Как ярко светило солнце,
Как часто — в моем саду,
Цветы и плоды ласкали взгляд,
Но я не замечал их.

Теперь, в моем сумрачном мире
Я, кажется, вижу яснее
Земную красу вещей,
Чем прежде, когда был зряч.

Наверное, Бог в милосердии своем
Простил мою былую небрежность,
Когда я, зрячий, не видел даров природы,
Он наградил меня внутренним зрением,

И теперь я вижу то, чего нет.

12 сентября

Еду в Лондон, чтобы обсудить с Томом Машлером и Роджером Берфордом предложение «Уорнер» и потенциальных сценаристов[159].

Отец, похоже, смирился с жизнью инвалида и пребыванием в лечебнице. Ему не хуже — может, даже немного лучше.

14 сентября

Назад, в Лайм.

15 сентября

Отца осматривал специалист. Началась гангрена — ногу придется отнять. Странно, такие вещи почти заставляют меня вновь поверить в Бога. Нужно куда-то излить черную ярость.

16 сентября

Звонок от М. Операция прошла успешно, отец болтает с медсестрами; выглядит повеселевшим. Он думал, его оставили в лечебнице умирать (сейчас он в Саутенд-Дженерал-Хоспител), а теперь видит: что-то делается. По словам сестер, нога долгое время будет сильно его беспокоить.

19 сентября

Уведомление от фирмы «У. Г. Смит», что я выиграл премию в тысячу фунтов.

25 сентября

Еду один в Ли. Отец выглядит ослабевшим, а в остальном перемен нет. Надеялся, что смогу быстро вернуться в Лайм, но из клиники отца выпишут в течение десяти дней, и М. в панике.

Лайм и покой кажутся такими же далекими, как Гесперид. Никто не хочет, чтобы я был писателем.

28 сентября

Назад в Лайм. Теперь Элиз ссорится и плачет всю дорогу. Якобы я ее презираю, не замечаю и т. д. У меня ощущение, что голова сейчас лопнет. Дома мы продолжали спорить до утра. Она хочет продать Белмонт. Говорит, надо приобрести несколько маленьких домиков в этом районе и жить в каждом по нескольку месяцев. Нужно приучиться писать везде. Я слушал ее и думал о саде. Цветет бересклет. Пытаюсь объяснить, что мне хорошо здесь пишется, здесь покой и тишина; мне необходимо знакомое окружение, чтобы не возникал порыв заново все изучать, чтобы можно было сосредоточиться на работе. Не могу постоянно переезжать из одного неизвестного места в другое.

17 октября

Джад продал «Ничтожество» Сидни Глазьеру. Пять тысяч долларов — на сценарий[160]. Роджер Б. пришел бы в ужас, узнав, что я так дешево себя ценю. Дэвид Тринэм тоже хочет попробовать что-нибудь сделать из рассказа «Последняя глава»[161].

Неожиданно из Бристоля приехала Анна с новым бойфрендом — после бурной сцены Эрика прогнали. На этот раз ее друг — сын врача из Уэльса, наружность неприметная, манеры и все остальное как у сына уэльского рабочего. Нам кажется, эти юнцы надевают в нашем присутствии своего рода маску — чтобы узнать, насколько они с их неотесанностью будут нам неприятны. Как выяснилось, даже Анне он не очень-то нравится: «но что делать, если другого нет». Я вижу в ней голубку с подрезанными крыльями, угодившую в вольер с ястребами. Пухленькая, мягкая — подходящая жертва для эмоционального насилия. Мне приходит на ум, что короли из старых сказок с их жестким отбором претендента на руку принцессы были не так уж неправы. Нашего юнца из Уэльса такой король сразу же скормил бы символу страны[162].

18 октября

Прелестный октябрьский день. Едем в Лондон. Вечером встречаемся с Томом и Фей. У нас ощущение, что не все тут гладко. Малышка прелестная, совершенная китаяночка. Том показывает фотографии: «Разве она не похожа тут на еврейку?» Фей корчит гримасу. Носик у девчушки совсем не еврейский и материнские глаза — миндалевидные, очень красивые. Сейчас эти глаза усталые — видно, что уход за ребенком, помимо заботы о Томе, совершенно измучили Фей.

19 октября

Еду на Лайм-Гроув, где располагается Би-би-си. Интервью с Кеннетом Олсопом сразу не заладилось: что-то булькает в батарее центрального отопления, затем ломается микрофон. Появляются техники, продюсер. Олсоп в гневе. Беседа не удалась. Я не умею готовиться заранее, не умею говорить просто — особенно, когда задают вопросы общего порядка: ответ на каждый из них займет всю передачу.

20–23 октября

В Ли. Отец слабеет; это понятно, потому что он не признает ухудшения, все чаще говорит о времени, когда отсюда выйдет. Возможно, это сознательная самозащита: в больничной палате витает дух безнадежности. Я все больше склонен считать, что проблема тут эстетическая. Плох не уход, а внутренняя обстановка — точнее, ее полное отсутствие. Почему людям *приходится* умирать в узких, безликих комнатах — комнатах, которые сами страдают: ведь никто никогда не окинул их любовным взглядом.

Вечер в Лондоне. Ронни П. познакомил нас с Селией. Нам она сразу не понравилась: высокая, гибкая, тонкая — вот-вот переломится (не люблю таких женщин), длинные белокурые волосы, слегка тевтонский вид, немного не от мира сего. Мы не сочли ее интересной, а она нас. За обедом в китайском ресторане в Сохо мы с ней неожиданно заспорили — совершенно нелепый спор об авторском праве. У Селии обычное презрение человека с Флит-стрит к авторам, к тем, кто «не может обеспечить себе приличное существование» сочинительством. Бедняга Ронни пытался быть третейским судьей, но тут в спор вступила Элиз и повела себя еще непреклоннее, чем я. В конце концов Селия забормотала: «Может, я не права. Мне ясна ваша точка зрения…»

Странная сдача позиций. Необходимость в этом отсутствовала. Было очевидно, что мы не совместимы. Взятие слов назад только ухудшило положение.

Не понимаю Ронни. В наихудшем своем состоянии Бетса лучше, чем эта марионетка на пределе своих возможностей.

24 октября

Возвращение в Лайм. Я сильно простудился и в конце концов позволил простуде загнать меня в постель.

26 октября

Когда около десяти я спустился вниз, Элиз сказала, что в восемь утра звонила мать: отец умер в пять, перед самым рассветом. У нас гостит мать Элиз; обе женщины смотрели на меня, боясь, что я утрачу самообладание. Но я не ощущал горя — только облегчение. Думаю, мои мысли о смерти лучше всего переданы в «Миссис Дэллоуэй»[163]; подлинная смерть наступает, когда тебя больше не помнит ни одна живая душа — словно тебя и на свете не было. Я же ощущаю, что он продолжает жить во мне. То, что я никогда его больше не увижу, похоже на то, как если б я никогда не прочел еще раз вот эту книгу, не увидел вот этого места или не выпил больше этого вина. Такое можно вынести. Я вернулся в постель, весь день читал и не думал об отце.

30 октября

Едем в Ли на похороны отца. Моя простуда обострилась бронхитом, Элиз тоже больна. Мы подъехали к дому № 63 до появления катафалка[164] — белый гроб, медные ручки. Интересно, гроб откроют, прежде чем остальное отправить в топку. Мать со мной и Элиз едет за катафалком в черном «роллс-ройсе». В крематории нас ждут Фаулзы из Саутенда; Стенли и Эйлин; Джеффри Вулф, порочный сын Герти Фаулз, — мягкий, пришепетывающий джентльмен, похожий на отошедшего от дел управляющего банком. Абсурдная заупокойная служба в «современной» церкви; за окном — кирпичный водоем с золотыми рыбками. Жуткий старик-священник портит всю церемонию — чувств в нем не больше, чем в пластиковом ведре. Думаю, он за час пропускает не меньше четырех покойников.

Отца бы от этого передернуло. Я чувствовал себя отвратительно: нельзя так провожать; уж лучше проводить полностью англиканскую церемонию. Странно, но я больше переживал на кремации бедняги Кемерона из училища «Сент-Годрик»[165]. А сейчас мне просто хотелось поскорее отсюда уйти; жалкий субъект в белом пасторском воротнике бормотал слова утешения, глядя на меня рыбьими глазами и опираясь на кафедру.

Выходим семьей на улицу. Едем домой, там уже приготовлены напитки; скоро родственники понемногу пьянеют. Когда все разошлись, я сел просмотреть счета — отец хранил их по шесть-семь лет. Немного поговорили о странном отношении отца к деньгам. Мы уехали в десять, чтобы переночевать в Лондоне: в Ли остались Хейзел, Дэн и дети. Я тайно присвоил его офицерскую расчетную книжку за 1914–1918 годы, несколько стихотворений (я приводил их раньше). Два письма от старины Такера[166]. Думаю, никто из присутствующих на похоронах его не понимал. Нужно было мне произнести проповедь.

31 октября

Вновь в Лайме. Развели огонь; тишина, осень. Читал «Большого Мольна», к которому пишу предисловие. Сначала прочел французский оригинал, потом новый английский перевод Лоуэлла Бэра, и этот перевод меня расстроил. Не то чтобы он был неточный — просто слишком прозаичный, слишком буквальный, не вдохновенный. Не буду утверждать, что знаю французский лучше этого переводчика, но вот английский — наверняка. Небольшая часть вины лежит и на Алене-Фурнье. Во французском тексте есть небрежности, неуклюжие повторы, чрезмерное использование отдельных слов. Но он добивается своего за счет разреженности, простоты, за счет подтекста, читаемого между строк, — эти намеки должны быть выражены на английском. Больше всего мне жаль самого Алена-Фурнье; читатели его не поймут. В таком виде он к ним не пробьется.

7 ноября

Дэвид Тринэм приезжает на уик-энд, чтобы решить вопрос с рассказом. Он только что закончил работать первым ассистентом на картине Дэвида Лина «Дочь Райена», а до этого сотрудничал с Лоузи («Фигуры на пейзаже», продюсер Джон Кон). Дэвид забавно пародирует абсурд в мире кино. У Лоузи прозвище «Сидящий

бык»; в фильме «Билет в оба конца» оператор не мог вынести высоты, на которой снимали кино (горы Сьерра-Невада). Тринэм — приятный молодой человек, довольно нервный и, как мне кажется, слишком робкий, чтобы многого добиться в кино. Эта чертова индустрия находится во власти священного чудовища.

Он хочет написать этот сценарий, и я охотно даю свое согласие.

8 ноября

Начал писать рассказ о священнике-иезуите, потерявшем зрение. Первоначальная мысль — слепой, которого соблазняют. Возможно, ничего и не получится. У меня нет плана, не представляю объема рассказа. Знаю только, что слепота — свойство, с помощью которого он постигает мир чувств, языческий эротизм, гуманизм и т. д.; он утрачивает веру. Меня привлекают технические трудности, которые видны уже сейчас, и те, что возникнут в будущем.

13 ноября

Звонок Джона Колли из Голливуда по поводу фильма. По ходу дела сказал, что Уорнер приобрел издательский дом «Саймон и Шустер» и хотел бы во главе его видеть Тома М. Когда Том отказался, Колли предложил купить также и «Кейп».

16 ноября

«Джон! Ура! Ура! ‘Любовница французского лейтенанта’ уже пятьдесят две недели возглавляет список бестселлеров. Целый год! Наилучшие пожелания вам обоим. Нед»

23 ноября

Опять едем в Лондон. На обочине дороги у Блэндфорд-Форум на сырой траве лежит пожилая женщина, ее лицо в крови. В стороне грузовик — его занесло — и разбитый автомобиль. Нам казалось, что кровь должна быть темнее. На самом деле она оранжевого оттенка, такого легкого, радостного, что никак не соответствует ситуации.

24 ноября

Обед в «Стрэнд-хауз» с главой и директорами издательства «У. Г. Смит»: двое — точь-в-точь Твидлдум и Твидлди[167], еще старый выпускник Итона по имени Саймон Хорнби. И хозяин — Траутон. Официальная атмосфера клуба для джентльменов: серебро и красное дерево. Обед проходит в отдельном кабинете. Разговор крутится вокруг крикета, устриц, коллекционирования почтовых открыток. Слушаю себя и понимаю, что говорю не я, а кто-то другой. Такое времяпровождение далеко от литературы, не говоря уж о труде писателя. Я все время сдерживался, чтобы не нагрубить, и потому был чрезмерно вежлив.

Нужно было отказаться от премии. Не верю в смысл премий, не уважаю издательство «У. Г. Смит» и его отношение к беллетристике (что видно из политики выбора и приобретения романов). Надо бы вернуть деньги, но от таких широких жестов отдает тщеславием. Кроме того, сейчас я нуждаюсь в деньгах: только что уплатил два крупных добавочных налога и еще один, самый большой, должен уплатить до первого января. Полный абсурд. У меня лежат в Штатах сто тысяч долларов, а может, и больше, — здесь же в очередной раз превышение кредита в банке.

В довершение всего я плохо себя чувствую: постоянная боль в левом легком, одышка. Неделю за неделей я воюю с демоном никотина, но без всякого успеха. У меня нет ни физической силы, ни энергии.

25 ноября

Видел Джада. До него дошло, что несколько дней назад в Касабланке Сусанна пыталась покончить с собой. Поранила горло и кисти. Видимо, раны несерьезные, потому что уже на следующий день ее выписали из больницы. Он думает, что сейчас она в Париже. Бедняга. Он страдает из-за лживости их прошлого совместного существования.

26 ноября

Еду в Лайм один. Лондон погружен в густое молоко, туман сопровождал меня до Повила, затем вновь чистое небо и солнечный свет. Вновь сажусь за рассказ, начатый восьмого. Думаю, это будет повесть — 80 000 слов, не больше. Но уже сейчас мое пылкое воображение растягивает ее. Я не смогу

закончить повесть, не отрываясь. Нужно написать сценарий для Джада, завершить триллер — предисловие к «Мольну» и редактура перевода подождут. Чувствую себя из рук вон плохо, но замыслов много.

Это «ощущение, что в тебе бурлят идеи», — во многом сознание собственного несовершенства; пристальное вглядывание в то, чем ты являешься. Многие писатели страдают от этого, то же самое было раньше и со мною (лавровые ветви распадались в прах); но теперь я люблю это состояние. Оно не разрушительное, а созидательное. Кипящий чугунок. Работающая машина. Прорастающее семя.

27 ноября

Завязываю с сигаретами — и с этого момента перехожу на сигары.

Элиз уехала в Бирмингем, а я ушел с головой в редактирование плохого перевода Бэра. Делаю это из любви к Алену-Фурнье и уважения к его памяти. Никто и ничто не заставляет меня — только то, за что шло умирать его поколение. Параллельно читаю замечательную биографию Алена-Фурнье, написанную Жаном Луазом[168]; эта книга — как видение: так живо она воспроизводит жизнь Фурнье. Мне кажется, что я не читаю, а пишу ее, а когда я пишу, время пропадает. Мне неприятно думать, что ей когда-нибудь придет конец. Ведь тогда Фурнье умрет[169].

5 декабря

Едем в Лондон — получать премию У. Г. Смита. Ненавижу произносить речи, ненавижу публичность. Вчера приезжали с телевидения, глупый молодой репортер и четыре человека из операторской команды — последние мне понравились больше: врожденный цинизм профессионалов из рабочего класса, сословие новых ремесленников нашего мира. Снимки на Коббе, на Уэр-Коммон, в городе, в моем кабинете. Когда они снимали Кобб, к нам подошел отталкивающего вида человек в длинном черном пальто — короткие баки, бегающие глаза. Спросил, что тут происходит, я пожал плечами и отвернулся. Он постоял, послушал, потом опять спросил меня: «Вы Джон Фаулз?» Я кивнул. Он протянул мне руку: «Я мэр города».

Мы поговорили, он не такой уж неприятный — просто старый

лаймовский всезнайка.

Джад. Вчера Сусанна покончила с собой в Париже. Каким образом — он еще не знает. Бедняга. Хотелось ему посочувствовать, но он не мог до конца скрыть чувство облегчения и явно не хотел нас видеть. Я убедил его связаться с директором учебного заведения в Швейцарии, где учится Стивен. Трудно представить, что́ испытал бы мальчик, узнай он о смерти матери из «Геральд Трибьюн» или из другого печатного органа.

4 декабря

Вручение премии. Собрался весь литературный бомонд — пресыщенный и холодный. Премию вручал лорд Гудман — невероятно тучный, человек-гора, нечто среднее между Орсоном Уэллсом и Исайей Берлином — вьющиеся волосы с плешинкой, необычайно речистый. Мне больше понравилась речь Траутона, его добрые, чрезвычайно лестные слова звучали искренне. Потом опять Гудман. После него я — стараюсь быть остроумным. («Почему у вас совсем нет чувства юмора»? — спросил меня недавно репортер с ТВ. Не правда ли замечательно для первого вопроса, и как же мне тогда хотелось быть Ивлином Во.) Потом говорю серьезные вещи.

Я ушел с Энтони Шейлом. Решили, что мне следует уволить Джулиана Баха. Дома был к пяти, вконец измочаленный. Открыл Луаза, вернулся к Фурнье и вскоре почувствовал себя исцеленным.

5 декабря

Назад в Лайм. И вновь — к Луазу.

6 декабря

Интервью с Кеннетом Олсопом показали по первому каналу Би-би-си. У меня мурашки по спине побежали. Говорю как по печатному — никакой живости. И жуткий голос.

16 декабря

Закончил предисловие к «Большому Мольну». И написал

резкое письмо Джулиану.

29 декабря

Заезжал на одну ночь Подж. Эйлин его бросила и живет с другом. Он только пожимает плечами — приятное отличие от остальных наших друзей в таком положении. Эйлин тоже нельзя винить — ведь жить с Поджем очень трудно. Проснувшись и встав с постели, он тут же начинает обсуждать идеи, мнения, дефиниции — не удивительно, что Сократу в конце концов дали выпить цикуту. Невозможно ежедневно выносить такой интенсивный интеллектуальный напор. Он даже не представляет, насколько мир, где я живу, не похож на его мир, в котором нет места воображению и сочинительству. В представлении марксиста наш отравленный капиталистический мир — пища для моего творчества; другими словами, я согласен с диагнозами и отношением Поджа, но не собираюсь предпринимать никаких действий: я здесь не для этого.

1971

7 января

Приехал с ночевкой Дэвид Тринэм — обсудить сценарий «Последней главы». Он хорошо переложил рассказ, не потеряв главного.

10 января

Потрясающий день — теплый, как в конце апреля. Странная зима в этом году.

Я вновь впал в панику по поводу курения. Такое уже случилось перед Рождеством, и тогда я принял решение никогда больше не курить сигареты, но чтобы не подвергать волю слишком сильному испытанию, решил перейти на сигары. А теперь я курю их непрерывно. Никакой надежды. Без никотина я не могу ни писать, ни думать.

12 января

Сижу над триллером. Однако пора приступать к работе над сценарием — «Ничтожество» — вместе с Джадом. У меня как-то получается приспособиться к этим немыслимым ситуациям. К многочисленным трудностям в работе.

20 января

Несколько дней работаю над сценарием и не получаю от этого никакого удовольствия. Возвращаюсь к триллеру.

23 января

Приятный молодой американец из Лондона, Дэн Кроуфорд. Он руководит паб-театром в Ислингтоне и ставит «Коллекционера» в переложении Брайена Макдермотта. Из-за забастовки почтарей он сам привез сценический вариант романа. Думаю, все в порядке; боюсь, мне трудно скрыть от него свое

безразличие к конечному результату. В этом повинна и моя работа над сценарием: попытки без потерь перенести особенности одной формы в другую обречены на провал. Не уверен, что это не проклятье нашего времени: ничему не дозволено оставаться в том виде, в каком оно создано. Конечно, многие политические и социальные вещи должны меняться. Но глобальные изменения — смерть для поэзии, и в историческом смысле и в качественном отношении.

4 февраля

Приехали в Бадли-Солтертон, чтобы повидаться с Эйлин. Она живет там у сестры. Муж носит галстук выпускника Итона, лицо дружелюбно настроенного, но голодного хищника. Сестра — сосредоточена на себе, никого и ничего не слышит, полная противоположность Эйлин. Они живут в обычном доме с центральным отоплением в заурядном районе Бадли. По словам Э., живут от еды до еды. К Поджу она не вернется. Как он поживает? «Спросите у него. Откуда мне знать. Ведь я его бросила». Очень живая, веселая, заново родившаяся женщина.

8 февраля

Премьера пьесы «Коллекционер» в Лондоне. Рецензии вполне приличные.

15 февраля

Сегодня закончил редактуру триллера. Теперь он называется не как прежде — «Кому-то надо делать это», а «План». Работа над ним доставляла удовольствие, но сегодня он привел меня в уныние. Лихо закрученный сюжет, запутанный мотив, и все это надо разгадать. Большое напряжение — следовать реализму на поверхности, а в глубине полностью отходить от него, — вот почему большинство триллеров короткие. Это самое утомительное в искусственных жанрах. Я истосковался по реализму.

16 февраля

Едем в Лондон без всякой радости. Ронни и Бетса всё кружат осторожно — и устало, и утомительно — подле друг друга. Джад в мрачном настроении. Кажется, все впали в депрессию — и мы не являемся исключением.

22 февраля

Вернулись в Лайм вместе с матерью — ее долгое и ужасное пребывание здесь. Я торчу в саду, а Э. тихо сходит с ума. Глупость М. отнимает веру: она ничего не видит, ничего не слышит и не выбрасывает из головы Филбрук-авеню и живущих там зомби.

За день до отъезда мы видели Ронни Пейна. Он решительно настроен не возвращаться к Бетсе. Мы отвезли его «домой» — в жуткую однокомнатную квартирку, расположенную в дворике, примыкающем к Флит-стрит. Ощущение пустоты, зря потраченного времени. Тщетность всего. Он только что совершил вместе с Инохом Пауэллом направленную против Общего рынка поездку во Францию и остроумно о ней рассказывал. Очевидно, что Инох написал свои лекции на хорошем французском языке, и все шло хорошо, пока он не стал отвечать на вопросы. Вот тогда началось веселье. Один из ответов начинался так: «Quand j'étais dans le cabinet ombré…»[170]; он, конечно же, имел в виду «теневой кабинет».

4 марта

М. возвращается в Ли. Мы вели себя с ней чудовищно, жестоко; я почти не разговаривал, а Элиз шипела за ее спиной. Если б еще ее ограниченность, поучения и сквозящая во всем глупость шли от простодушия, если б их можно было просто объяснить; если б у нее была хоть малейшая склонность к самоанализу. Возможно, мы не правы, считая, что тут есть злой умысел. Нам кажется, она должна понимать истинную подоплеку наших намеков, нашего молчания. Но как бы то ни было, подозреваю, что она этого не понимает. Вечно она старается увести нас туда, где сможет «поставить на место» и нами руководить, — в мое и ее детство, на Филбрук-авеню, и каждый раз я отказываюсь ей подчиниться.

8 марта

Почтовая забастовка закончена. Мне нравилось, что не приходят письма и сообщения. Хотелось, чтобы так было всегда.

24 марта

Лондон. Подж. Пошли на пьесу Монтерлана (на французском языке) «Город, в котором правит ребенок»; пришли к выводу, что пьеса скучная — насквозь лицемерная, несмотря на восторженные отзывы. Мне кажется, она очень типична для времени де Голля: в основе своей фашистская. На следующий день — «Смерть в Венеции» Висконти. В фильме есть оперное величие, мелкие недостатки легко можно простить. Но только не Поджу — он пребывает в состоянии язвительного недовольства людьми, которые не говорят откровенно (не выворачивают душу наизнанку) о гомосексуальности. Он приводит Элиз в бешенство. Манн так проникновенно говорит о смерти, старении, времени и лишь косвенно — о влечении к мальчикам.

«Скиталец» — фильм по «Большому Мольну» Алена-Фурнье[171]. Неудачный — по любопытной причине: слишком велика любовь и уважение авторов к тексту, они стремились сохранить каждую сцену, ничего не утратить. Поэтому фильм неровный и подчас непонятный; необычное усердие привело к неудаче. Меня же, знающего все обстоятельства дела, картина растрогала. У молодого человека, играющего Мольна, то лицо, которое нужно. Но в конце концов понимаешь, что нельзя просто перенести книгу на экран, она действует на уровне подсознания — не перед камерой.

«Скиталец» привлек мое внимание и потому, что в сценарии Радкина, в основе которого «Любовница французского лейтенанта», допущена та же ошибка — он педантично следует за текстом, «многоречив», слаб ритмически. Главная составляющая успеха «Смерти в Венеции» — скупой диалог, преобладание зрелищности.

3 апреля

Я стал очень быстро уставать от Лондона. Но до сегодняшнего дня держали дела — надо было поговорить с Радкиным. Весь день спорили с ним и Томом в Вейл-оф-Хелф. В целом — плодотворно; он уступал охотнее, чем мы предполагали. Вечер провели с Джадом и его новой подружкой, Моникой Меннел. Она дочь южно-африканского миллионера, и это

заметно. Джад вдруг стал счастливым — это новый, верящий в будущее человек. Девушка показалась мне слишком умной, слишком стремящейся быть умной, чувствительной, знающей жизнь. Похоже, она бывшая подруга Тома Машлера. «Да он рехнулся! Девчонка совсем чокнутая!» — вот так отреагировал он на эту новость. Но мы все же рады за Джада.

Фей активно не нравится Хемпстед и сам дом на Вейл-оф-Хелф. Вижу, что у Тома хватает своих проблем. Как и у меня: Элиз вновь охватило отвращение к Лайму. Хорошо, что мы наконец осознали: наши стычки не имеют никакого отношения к чувствам; мы ссоримся из-за некой третьей вещи, вставшей между нами, не чувствуя при этом личной неприязни друг к другу. С Рождества Элиз не покидает постель раньше одиннадцати-двенадцати. Ее ничего не интересует, ничего ей не в радость. Но я прочно стою на ногах — меня не вывести из равновесия всякий раз, когда ее охватывает скука («мое несоответствие», как она это называет). Тогда она не читает, не занимается садом, не помогает мне как секретарь — только переживает пребывание в Белмонте как ниспосланный ей крест.

13 апреля

Звонит Том. Он прочел «План» и явно от него не в восторге, хотя в голосе звучит некое подобие энтузиазма. Он хочет, чтобы я на треть сократил книгу — слишком она сложна. Наконец и Элиз высказала свое мнение: почти все в триллере вызывает у нее отторжение. Наверное, мне нужно расстраиваться по этому поводу, но я не расстраиваюсь. Могу сказать с полной определенностью, что получил большое удовольствие, сочиняя этот триллер, и теперь мне безразлично, напечатают его или нет. Я даже подумываю, а не уничтожить ли его совсем — меня совсем не заботит, что будет с этим произведением.

20 апреля

Отклик Энтони Шейла на «План». Он не лучше остальных. Мне все больше и больше хочется уничтожить эту вещь.

23 апреля

Перевод для Тома Машлера «Золушки» Перро. Последнее

время наша жизнь здесь стала такой безрадостной, что этот перевод кажется таким же нелепым, как пикник на поле битвы.

Поле битвы — Элиз и ее затяжная депрессия, все то же самое, ничего нового, но на этот раз депрессия такая глубокая, что нет ни споров, ни ссор. Она называет это потерей личности. Я — неспособностью любить. Хотя Э. не отдает себе в этом отчета, но мне кажется, она ненавидит себя больше, чем меня. Пока она даже не может встречаться с людьми: недавно, днем, примерно в пол-третьего, нас навестила моя кузина Энн Ричардс с мужем. Элиз все еще находилась в постели и наотрез отказалась видеть гостей. Я вывел их в сад, а она тем временем оделась и ушла. Думаю, они обратили внимание, что за время их пребывания стоящий у дома «фольксваген» исчез.

24 апреля

До начала нового семестра на день-другой приехала Анна. Как выяснилось, Рой тоже пребывает в состоянии глубокой депрессии — пьет, валяется в постели и так далее. Анне пришлось провести там все каникулы, чтобы как-то смягчить ситуацию. Мне жаль бедняжку; счастье, что случилось генетическое чудо и саморазрушительные, бесконечно эгоистичные неврозы родителей обошли ее стороной. Слава Богу, у Лиз достало мужества почти нормально общаться с ней. Но Анна не дурочка, и теперь за версту чует стрессовые состояния. Как раз сегодня в «Таймс» помещена хорошая редакционная статья о том, как поколение Анны воспринимает наше поколение. Все в ней показалось мне правильным. Конечно, мы жертвы истории, но это не мешает нам быть mauvaise foi[172].

Я уговорил Элиз пригласить из Эксетера двух девчушек, маленьких Золушек, Эмму и Софию Конн. Удивительно, но они мало изменились с того знаменательного первого посещения. Привязанности сохранились те же: Эмма льнет ко мне, малышка — к Элиз и Анне. Эмма — очень сложный ребенок; я слышал, что дома ее недолюбливают, считая «мрачной и трудной», и оказывают предпочтение младшей. Она большая собственница и сознает это; я то оказываюсь в роли отца, то получаю отставку. Внимательно всматривается: кто я на самом деле? Полная неясность. Кто я такой, кто этот мужчина, какие отношения нас связывают? На этот раз она видит всю эфемерность происходящего и как бы постоянно осаживает себя: надо быть взрослой, надо понимать, что такое не может продолжаться вечно. Со своей стороны я понимаю, что она из тех редких детей,

которых я был бы рад назвать своими; а ее энергия — результат реальной ситуации (в практическом смысле наши отношения почти иллюзорны), которая не совсем нереалистична в плане исполнения желаний. Она прекрасный, поэтический ребенок, только быстро выдыхается.

В воскресенье ездили в Брэнском на пляж, там устроили пикник. Мы с Эммой дошли до соседней бухты, там залезли на скалы, оказавшись в причудливом «замке» из мела и гальки, и вернулись по тропе вдоль скал, где цвел терновник. Девочка с длинными волосами и странными раскосыми глазами бежала впереди, постоянно оборачиваясь; море, серебристые чайки в гнездах на внутренних сторонах утесов.

После того как мы передали детей матери, Элиз по дороге домой постаралась убить мое поэтическое настроение. «Вы с ней просто исключили из общения всех остальных» — и все в таком духе. Но в этом ребенка есть — пусть небольшая, но у других детей и ее нет, — частичка чистой любви и способности искренне чувствовать; я не могу показать Элиз или Анне то, что показываю ей. Или только косвенно — Анне. Я знаю: ей не очень хочется, чтобы мы отказались от привычных ролей — двух относительно нормальных, но разных людей, пребывающих в ненормальных обстоятельствах. Она выживает за счет следования нормам. Ее смешит мое отношение к Эмме, и, возможно, она смутно осознает, что Эмма заменяет мне ее самое.

В Брэнскоме меня также поразило, как во всем важна роль природы: как легко с ее помощью устанавливаются правильные, то есть любовные отношения. Меня все меньше интересуют материальные объекты и больше — естественные процессы в Матери-Природе, если употреблять старую терминологию, — не думаю, что это жалкая ошибка с моей стороны. Наше общение с Эммой осуществлялось исключительно через взаимное раскрытие природы: ею — для меня и мною — для нее; дарами были крабы, песчанки, цветы, камни, разные пустячки, то, что встречалось на пути. Подобные вещи Анне не интересны, если только не притягивают сразу же ее взор; что до Элиз, то она просто отторгает все это, как отторгает саму идею сада, садоводства, не видя в нем естественного процесса. Весна всегда пробуждает во мне ребенка: в Брэнскоме часть меня, большая часть, была того же возраста, что и Эмма, — девяти, десяти лет, не знаю точно. И понимаю, с горечью понимаю, что похож на священника, женившегося на атеистке.

22 мая

Итоговый отклик на мою работу Алена Брайена в «Санди таймс». Я — стеклянный глаз, создатель конфеток с вкусной начинкой и т. д. Статья привела меня в уныние: ведь про такое нельзя сказать «это правда» или «это не правда» — на субъективные оценки никак не ответить, но что хуже всего — они не забываются. Себе я могу сказать, что Брайен — Нарцисс, писатель-неудачник, ставший изощренным клоуном-журналистом, но этим я только забью еще один гвоздь в гроб, в котором их и так уже предостаточно. Недавно появилась смехотворная статья в «Таймс» — куча фактических ошибок и полная неясность, кто же я все-таки такой; меня вынуждают дать отпор, но у меня принцип — я никогда не реагирую на статьи, мне теперь просто все равно.

27 мая

Безумный Троицын день: движение всю ночь. Задавили ежа за нашими воротами. Я впал в ярость. Думал, это тот, большой, из двух, которым я каждый вечер оставляю молоко и хлеб. Но оба опять пришли.

Том Уайзмен, Малу и Борис приехали на уик-энд; этого захотела три дня назад Элиз, сразу же пожалевшая о своем приглашении. Борис нас утомляет; Малу, не закрывающая рта, тоже; а Том, похоже, всегда не в своей тарелке. У Элиз лицо мученицы, я же надел маску радушного хозяина. Все мы отчаянно скучаем, даже Борис. Чеховская ситуация, напрочь лишенная юмора.

Квики со своей бригадой строят террасу и новую лестницу. Получается неплохо, но теперь, учитывая все остальное, я не уверен, как долго мне это будет нравиться.

3 июня

После приступа отчаяния Элиз одна уехала днем в Лондон. У меня завтра телеинтервью, так что поеду в город поездом. Ее уход от реальности начинает меня пугать. В этом сюжете у меня амплуа законченного злодея, и потому я даже не представляю, как ей помочь. Сейчас меня винят за то, что я расстался с фермой; она видит в этом роковой шаг — изгнание из рая, совершенно забыв, как она в свое время эту ферму ненавидела; по сути, она не одобряла ни один наш переезд с времен Черч-Роу. Ей нет равных по части увидеть самое худшее (из-за полной

незаинтересованности в том, что не касается ее собственного физического и психологического состояния) во всем, что делаем мы или что делают с нами, — так она видит угрозу в приезде своей матери и двух сестер, этот визит представляется Элиз чуть ли не концом света.

Сочетание ее угрюмости и моей раздражительности — это уж слишком. Атмосфера в доме отравлена желчью. Я спасаюсь только в саду. Не могу писать, даже читаю с трудом. Вожусь со сценарием для Джада, это трудно назвать творчеством. Ирония в том, что мне приходится отстаивать существование, которому позавидовало бы большинство людей. Сегодня она сказала, что могла бы быть счастлива только в полной изоляции — но этого не случилось бы, останься мы на ферме. Перемена возможна при одном условии, если она осознает, что ненавидит настоящее — *любое* настоящее, а не именно то, в которое нас поместил случай.

16 августа

Приехал в Лондон повидаться с Боксоллом. Я знал, что в мае неожиданно умерла его жена. Он объявился в Хемпстеде; жена покончила с собой, и беднягу здорово подкосило. Она была чешка, очень добрая, — он все время это повторял, очень добрая, такая добрая, что никому не могла принести зла, — но у нее был тяжелый климакс. Воскресенье они провели в кругу семьи, все было как обычно, приехала ее мать, детей тоже отпустили домой из частных школ. А в понедельник вечером, вернувшись домой, он нашел ее на кухне мертвой. Напилась снотворного. И записка: «Прости меня, дорогой. Будь счастлив».

Что до его счастья, то оно надолго разрушено. Много недель подряд он не мог приходить домой. По иронии судьбы год или два назад он перевел дом на имя жены — «бухгалтер сам попал в первую западню, о которой предупреждает своих клиентов». Он не может жить в этом доме и не может его продать, не определив сумму обложения налогом с капитала. По его словам, за последние два месяца он узнал о себе больше, чем за предыдущие двадцать лет. «Половину времени я провожу, раздумывая, что же такое наша жизнь».

И еще черные дрозды — обратил ли я внимание, как звонко они поют в этом году? Похоже, их сотни в той части Хемпстеда, где их дом. «По утрам они не дают спать. Будят на рассвете». Оказывается, его жена рассказывала, что в детстве около их пражского дома жили дрозды. Он уверен, ее погубили их крики.

Новый роман Тома Уайзмена «Романтическая англичанка» —

один из возможных претендентов на Букера; читая его, испытываешь смущение — очень уж он автобиографичный, автор почти не скрывает, что пишет о Малу и себе. После грустной встречи с Боксоллом я пообедал с ними, на обеде присутствовали и Машлеры. Затем в воскресенье я пригласил Малу на фильм Эрика Ромера «Колено Клер» — после романа (где жена писателя сбегает с другим писателем) это могло показаться двусмысленным приглашением. Мне показалось, что я уловил во взгляде Тома, которого мы оставили в обществе его матери на Аркрайт-роуд, отчаянную решимость не показать, что он шокирован. С другой стороны, Малу старалась, чтобы все выглядело вполне добропорядочно, и совсем не хотела обсуждать роман, не сомневаясь, что я его читал. Выглядело это комично; думаю, так она хотела показать, что в романе не все правда.

«Колено Клер» — прекрасный фильм; давно не получал такого удовольствия. Немного Мариво, чуточку Расина: анализ чувства. Не думаю, что такой фильм можно поставить у нас — не только потому, что здесь трудно найти режиссеров и операторов с таким острым взглядом и тонким вкусом. Чтобы создать такой сценарий, нужен особый язык.

22 августа

Грешен (хотя будущий редактор, возможно, так не подумает), но за последние два месяца ничего не написал. Любая работа дается с трудом. Может, это апатия: наскучили и свои, и чужие книги. Прочитал тридцать пять романов, номинированных на Букеровскую премию (еще пять осталось), и понял, что страшно устал. Половину из них, если б не обязательства, оставил бы недочитанными; некоторые — даже при нынешних обстоятельствах — не смог осилить; тот случай, когда судья засыпает посреди процесса. Только три или четыре романа вызвали у меня сопереживание.

Замечательное лето, много солнца — если не принимать во внимание последние две недели. И Элиз — такое с ней бывает — непостижимым образом выздоровела: бодра, ежедневно встает раньше восьми, активна, никаких жалоб. Я был не прав, когда сомневался, достанет ли у нее сил восстановиться.

В июле к нам приезжал Подж; однажды вечером он ударил Э. по голове пластмассовым шариком — она в негодовании вышла из комнаты. Как обычно, он все обратил в шутку. Устроил нам настоящий экзамен: что я имел в виду, когда в письме к нему подчеркнул, что мы с Э. хотим «держать нейтралитет». «Я ничего

не могу тебе рассказать, пока не узнаю, что означает это выражение». Оказывается, Эйлин пригрозила: в том случае, если он помешает бракоразводному процессу, представить семерых свидетелей грубого с ней обращения. Он ничему не мешает, но в его голове засели семь гнусных безымянных крыс. Мы заверили его, что среди этих крыс нас нет, и были вознаграждены за это его версией событий.

Как-то вечером Подж загрустил о зря потраченных в Оксфорде годах. «Оглядываясь назад, я понимаю, что ни один человек из тех, с кем я дружу последние двадцать лет, не заслуживал и часу моего времени. Всех их объединяет одно — отсутствие подлинной личности». Беднягу одолевают и практические кошмары; Эйлин жаждет крови: уже сейчас она требует половину стоимости коттеджа в Гарсингтоне; он ищет деньги. Я предложил свою помощь, но он уверен, что «чудо-юноша», его американский зять, достанет нужную сумму у своей мамаши.

25 августа

На консервной банке под названием «Трайдент» едем в Ниццу, на свадьбу Джада. Он нас встречает. Мне жарко, я злой, как тысяча чертей, — неизвестно почему Элиз заставила меня надеть коричневый костюм; у Джада тоже нервы на пределе. Он орет на шофера заказанного автомобиля из-за пятиминутного опоздания. У меня ощущение, что наша поездка обречена на провал. Джад в очередной раз продюсирует плохой фильм и знает об этом.

5 сентября

Встали в четыре, едем сквозь рассвет в аэропорт Ниццы. Днем уже в Лайме, отличная сентябрьская погода.

4 октября

Перевод «Урики» подходил к концу еще до поездки. При переводе я пользовался научной литературой; кое-что о природе свободы и — частично — образования там есть[173].

14 сентября

Первая встреча Букеровского комитета в апартаментах Сент-Джеймс-Хотл на Букингем-Гейт. Сол Беллоу в письме, которое все сочли оскорбительно самодовольным, отказался приехать и из всех предложенных книг выбрал, на мой взгляд, наихудшую (в этом утверждении нет никакого намерения его оскорбить), а именно «Эскадрон Ястребов» Робинсона, такой же выбор сделал и Маггеридж[174].

На Филипе Тойнби мешковатые брюки, потертый пиджак, старомодные рубашка и галстук — человек из тридцатых, он довольно скучный, нервный, мрачный и придирчивый[175]. Он напоминает мне Поджа; все ему быстро надоедает, о чем он спешит заявить. Но мы образуем своего рода альянс, и я рад, что он среди нас. Я доверяю серьезности его суждений, а вот остальным двум не могу сказать, чтоб очень доверял.

Джон Гросс слишком легкомысленный, чтобы быть председателем комитета и организатором, обычный лондонский литератор[176]. Много говорит; догадываюсь, что он предпочел бы не видеть меня здесь, слишком необычны мои взгляды на устоявшиеся репутации в английской литературе; возможно, предпочел бы не видеть и Тойнби с его неуклюжей искренностью — однако тот слишком крупная фигура в сфере, в которой заняты оба, и потому ему следует оказывать особое уважение.

Леди Антония Фрейзер — рослый «синий чулок», у нее красивые глаза, крупный подбородок и слишком мягкие, чтобы быть искренними, манеры; время от времени они становятся особенно вкрадчивыми. Однако она стойко сопротивляется, когда мы с Тойнби продвигаем своих любимцев (Б. С. Джонсон, Килрой, Хилл), и противопоставляет своих (Рид и все тот же Робинсон).

На этот раз в окончательный список вошли четыре имени (Рихлер, Найпол, Лессинг, Тейлор) и еще шесть как возможные кандидаты на последние два места. Я не мог не заметить, что Гросс и А. Фрейзер твердо намерены присудить Найполу первое место; по этому поводу уже осуществляются кое-какие незаметные манипуляции.

Все это происходит на фоне зубной боли, у меня болят зубы; пломба, которую месяц назад поставил Бартон, все еще беспокоит меня, а сломанный пенек зуба более чем беспокоит. Болит — хоть на стенку лезь, так что я начинаю пересматривать свои взгляды на социалистическое здравоохранение: там богатые не могут пройти к врачу без очереди. Хочу, чтобы профессионалы с Харли-стрит приходили по первому моему зову[177]. Но у Бартона никогда нет свободного времени, на него запись на недели вперед. Придется ждать до двадцать первого, когда подойдет моя очередь.

20 сентября

Заключительная встреча Букеровского комитета. На этот раз собрались в Букеровском зале заседаний, окна которого выходят на Сити. Я вошел, прижимая руку к больному зубу, и тут же увидел Беллоу, он маленького роста, в зеленом костюме и галстуке в изумрудно-зеленых кружочках. В облике есть что-то гротескно ирландское; сухость, кривая усмешка. Он передал восторженные отзывы о моем творчестве от своего друга, к ним присовокупил свои; он явно стремится быть вежливым. Подошли остальные, мы сели обедать. Беллоу заявил, что хотел бы поскорее со всем этим покончить. Волнение — сродни ужасу — среди англичан, вызванное таким американским нахальством. Тойнби в любезной английской манере, внешне демонстрирующей безупречную вежливость, а по сути намекающей на то, что собеседник безголовый осел, предложил хотя бы дождаться кофе. Опасный ход — у Беллоу острый нюх.

Когда мы стали работать, Джон Гросс проболтался о позиции Тома Машлера — тот позвонил ему сегодня утром, откуда-то узнав, что Найпол в фаворитах, и сказал, что это «невозможно, смехотворно — по жанру книга не роман». Если можно, нужно этому воспрепятствовать[178]. Джон Гросс очень искусно использовал свою информацию. Антония была в легком шоке от такой попытки воздействовать на решение комитета. Тойнби пришел в возбуждение, вскричав: «К черту Тома Машлера». Беллоу высмеял Машлера. Даже девица из Ассоциации издателей, Мэрилин Эдвардс, вступила в разговор: «Он даже не слышал о Втором правиле (только эксперты могут устанавливать, пригодно ли произведение к выдвижению на премию), пока я ему этого не сказала». Все поочередно поглядывали на меня: Тойнби с лукавой неприязнью, Гросс и Антония с холодной осторожностью; ясно, у меня подмоченная репутация «человека Машлера», они понимают, что ему все будет известно. Выражение в глазах Беллоу заставляет предположить, что ему это тоже напели. С этого момента Найпол, по сути, уже победил, хотя мы провели еще два или три часа, споря и пререкаясь. Мы (Тойнби и я) внесли Килроя в окончательный список, но нам пришлось согласиться оставить в нем и жуткий «Эскадрон ястребов». Победителей в них уже никто не видел, и список фаворитов выглядел так: Тейлор, Рихлер, Лессинг, Найпол[179].

Беллоу резко выступил против кандидатуры Рихлера: он назвал роман «вульгарным», «ему не хватает энергии Рота». «Думаю, в какой-то степени я его породил, но хотел бы лишить наследства». Еврейское население Канады выглядит «крайне

непривлекательным». Если здесь я почувствовал себя уязвленным (но не удивленным), то вполне согласился с ним, когда он также уничтожил Тейлор, назвав ее роман «слабым и безжизненным». Добрались, наконец, до Лессинг и Найпола — мы с Тойнби были за Лессинг, Гросс и леди А. — за Найпола. Таким образом, решающий голос принадлежал Беллоу, и он отдал его Найполу.

По сути, разыгралась шахматная партия. Мы с Тойнби воспрепятствовали первому выбору Беллоу — «Эскадрону ястребов». Затем вместе с Беллоу я выступил против Тейлор — первого выбора Тойнби. Беллоу и Тойнби лишили всякого шанса Рихлера, выбранного мною. Остальные воздержались.

Когда все закончилось, мы с Тойнби выпили. Договорились, что я навещу его в Монмутшире. Хорошо повеселимся, не так ли?.. Мне он понравился больше остальных за необузданные эмоции и взрывной темперамент. Беллоу лучше всех выступал: очень точно выражал свои мысли, давал краткие и убедительные характеристики роману как жанру.

5 октября

Все это время не прекращается суета с вручением Букеровской премии. Двадцать первого я написал Тому письмо с просьбой не поднимать больше вопрос о неправомочности Найпола. В хорошем ответном письме он сообщил, что не может с этим смириться. Мы подвергли анализу наши записи. Мне кажется, правда заключается в том, что на второй встрече я слишком много выпил, чтобы успокоить разболевшийся зуб. То же случилось и с Тойнби: он намекнул на какие-то личные проблемы — что-то, имеющее отношение к жене. На нас оказали давление, а под конец случилось вообще нечто странное. Совершенно неожиданное резкое выступление Беллоу против Рихлера, хотя в письме, полученном за десять дней до заседания, он ставил его на второе место вместе с Лессинг. Что до Антонии Фрейзер, то, когда подводились итоги, она вдруг объявила, что «очень не любит Рихлера, для нее было бы невыносимо, если б он победил»; она даже отказалась поставить его третьим в числе избранных трех писателей — сущий вздор! Джон Гросс позволил ей это сделать. Рихлера лишили только одной оценки (правда, это ничего бы не изменило), но мне такое не понравилось.

Далее Том убедил постоянный комитет заставить Гросса представить объяснительную записку, которую бы подписали все эксперты[180]. Я отказался ее подписать и отправил длинное письмо с изложением причин своего отказа[181]. Затем

последовали ответы от Джона Гросса и Антонии Фрейзер — их письма отличались от моего письма и были более мягкими. У них сохранились другие воспоминания о нашей первой встрече. Но я отчетливо помню, как Гросс сказал, что говорил с Найполом[182]; Том Машлер тоже убежден в этом; Мэрилин Эдвардс из Ассоциации издателей не сомневается, что также слышала эти слова. И еще я помню, как Фрейзер сказала, что предложила Найполу выбросить из книги два рассказа. Но что тут поделаешь! Приходится принимать их версию и подозревать, что они лгут без зазрения совести. Беллоу и Тойнби молчат.

Третьего октября постоянный комитет встретился, чтобы обсудить положение вещей. Очевидно Джону Мерфи объяснили, что эксперты должны принимать окончательное и единогласное решение, так что формально нам надо голосовать еще раз. Все зависит от Беллоу и Тойнби — Том полагает, что теперь они проголосуют иначе. Я в этом не уверен. Беллоу слишком вежливый, чтобы оскорбить лондонский литературный истеблишмент; Тойнби слишком нестандартный критик, чтобы его волновали ничтожные формулировки.

15 октября

Письмо от Мэрилин Эдвардс из Ассоциации издателей. Беллоу принял мою сторону и проголосовал против Найпола, но остальные трое, похоже, остались при прежнем мнении. Окончательный список претендентов опубликован в сегодняшнем номере «Таймс». Беллоу дал ответ уже шестого октября, а Мэрилин написала: «как вам, вероятно, сообщит Джон Гросс». На меня теперь смотрят, как на взбесившегося дикого слона из Лайма — ничего не говорят, пока новости не становятся известны всем.

20 октября

Примерно десять дней назад я начал писать «Англичанина» (второе название «Пустота»), это произведение было задумано давно. Действие начиналось в Лос-Анджелесе, потом вдруг переместилось в Ипплпен военного времени[183]. Почему — понятия не имею, откуда только берутся эти необъяснимые порывы? И как удалось за один день воссоздать в памяти военные дни? Могу поклясться, что двадцать четыре часа тому назад я ничего этого не помнил. Обретает форму «настоящее» (Ден) и две

женщины (Дженни и Джейн). Прошло два года, как я пишу хорошо. Божественное состояние — иначе не назовешь, все равно что первые две недели роста растения, — лучшее, что есть в его существовании. Жизнь яркая и уступчивая. Сегодня я об этом написал.

Надо на некоторое время приостановить работу и переписать сценарий «Ничтожества», но у меня это не вызывает внутреннего возражения. Пять глав написано, я уже глубоко в материале. Внедрился.

31 октября

В прошлый уик-энд приезжал Подж с Кэти и ее американским мужем Джонасом Стейнбергом; Подж весь в заботах. Эйлин теперь, когда развод состоялся, заявляет права на половину собственности, в частности на половину стоимости Гарсингтон-коттедж. Я обещал одолжить ему три тысячи фунтов или около того. Но сейчас основная забота Поджа — зять, удивительно угрюмый молодой человек, совершенно не расположенный к домашней жизни нью-йоркский еврей, а это что-то значит. Он отказывается даже пальцем пошевелить. Подж уводит меня подальше и тихим голосом жалуется на него. Парень хочет быть писателем, и я подозреваю, что та совсем не литературная атмосфера, которую создает вокруг себя Подж, и является основной причиной разногласий.

12 ноября

Едем в Бристоль праздновать двадцать первую годовщину рождения Анны — на самом деле день рождения был вчера. Подарили ей 100 фунтов, она купила на них стереоустановку и приемник. На полу сидит юноша в очках и собирает установку; потом приходит ее новый друг-венгр. Анна несколько напряжена. Впрочем, я не забыл свою реакцию на приезд родителей в Оксфорд. Как было тяжело, совсем не о чем говорить. Анна принимает мое оправдание — хотелось посмотреть город. Элиз переживает такое отторжение от нас. Но, мне кажется, оно не эмоционального, а культурного свойства. Возможно, мы слишком стараемся им подыграть — одобрительно бормочем под нос ужасающую поп-музыку, когда хочется, мне лично хочется, попросить их поскорее повзрослеть и распрощаться с этим бессмысленным существованием.

18 ноября

На два дня приехали Джад и Моника. Мы с Джадом обсуждаем сценарий «Ничтожества». Монику мне все труднее выносить. Она словно вышла из какого-то забытого времени, когда существовали бедные-маленькие-богатые-девочки: удивительное ощущение ее полной недостоверности. Думаю, они оба это чувствуют, так как изо всех сил расхваливают все, что попадает в поле их зрения. Сентиментальные восторги по поводу самых заурядных вещей не дают возможности возникнуть реальным контактам. Она превращает меня целиком в естественника: я ее изучаю. В Джаде не осталось ничего агрессивного, одна лишь учтивость в обращении к ней.

21 ноября

Осы все еще грызут падалицу.

22 ноября

Едем в Лондон на встречу с Франклином Шефнером и его продюсером Лестером Голдсмитом. На обеде — кажется, в греческом ресторане рядом с Бонд-стрит — присутствовали также Том и Фей Машлеры. Разговор не получился. Седовласый Шефнер — один из тех режиссеров, кто выглядит, скорее, как посол Соединенных Штатов; отвечает важно и уклончиво[184]. Лучше бы встретиться с ним где-нибудь наедине. Но, похоже, он горит желанием снимать наш фильм после «Мотылька», который запускается весной. Ему очень не нравится сценарий Радкина. Лестер Голдсмит — плюгавый и учтивый (да, Франк; нет, Франк) толстячок-еврей, один из тех продюсеров, в финансовую мощь которых верится с трудом.

На следующее утро мы пошли в кинотеатр «Одеон» на Лестер-сквер, где состоялся закрытый просмотр последнего фильма Шефнера «Николай и Александра». Там были — Тони Ричардсон, Дэвид Найвен, Сэм Спигел (продюсер); последний оглядывал всех угрюмо и раздраженно.

Фильм не великий, в нем нет необходимого для этого полета фантазии, но, согласно представлениям Дэвида Лина[185] о сделанном со вкусом историческом фильме, весьма хорош. Будем ли мы работать с Шефнером? Теперь это праздный вопрос. Нужно воспользоваться его популярностью и всеобщим желанием «дать

ему денег». Вернется ли «Коламбиа» к нашему проекту, зависит только от того, сумеет ли он убедить ее руководство, что хочет снимать фильм. Словом, жребий брошен.

11 декабря

Бридпорт. В антикварном магазине купил топор эпохи неолита, корнуоллский нефрит. Все за четыре фунта пятьдесят шиллингов.

20 декабря

Со дня последней записи непрерывно работаю над «Урикой»; книга меняет облик, становится более личной, больше говорит обо мне, свидетельствует то «за», то «против» меня — то есть я становлюсь соавтором и мифотворцем; что не является свидетельством за или против моей теории о постоянном сопереживании[186]. Месяц или два назад человек по фамилии Роуз, ассистент профессора психиатрии Йельского университета, прислал мне две написанные им статьи о психоаналитическом генезисе «Любовницы французского лейтенанта» и романа, искусства — в целом. В них отчетливо выражено то, что я всегда чувствовал (несмотря на довольно нелепые примеры, взятые им из текста); и теперь я развиваю эти мысли в постоянно разрастающемся эссе о сопереживании[187].

Все это происходит на фоне углубляющегося кризиса Элиз — зимой ее мучает скука, отчуждение, озлобление, чувство разочарованности. Поэтому моя работа становится чем-то вроде защиты от этой депрессии и той ее части, которую и я разделяю; а учитывая рефлектирующий, личный характер настоящей работы, защита эта весьма ненадежна. Понимаю, что ученые будут придираться к моему эссе, разнесут его в пух и прах; да и мой рациональный ум подсказывает, что подходить к истории искусства, оперируя такими ненаучными, субъективными понятиями, — всего лишь навязчивая иллюзия; но ведь вся литература — попытка уйти от действительности. Депрессивная реальность Элиз очень яркая, и мне не всегда удается от нее укрыться; частично это связано с тем, что я зафиксирован на матери, а она — на отце. Другими словами, моя работа, долгие часы уединения в кабинете заставляют ее вспомнить о матери, назойливой сопернице в отношениях с отцом, как и о других женщинах, с которыми у нее всегда складываются запутанные

отношения любви-ненависти. Мне не удается угодить заместительнице матери в лице Элиз, я испытываю чувство вины, она же видит во мне несостоявшегося отца. Мы довольно типичные примеры, хотя она (авторитарный отец) это отрицает, называя все «фрейдистскими бреднями», а я — с оговорками — принимаю.

Меня беспокоит постоянная ноющая боль в спине, там небольшая припухлость. Последние несколько недель рядом со мной были два постоянных спутника — смерть, которую я представлял во всех подробностях, и безразличие.

Рождество. Гуляли по берегу, дошли до Пинхей Бей; пасмурный, безветренный день. Я собирался выкопать пчелоносную орхидею, но, похоже, семейство этих растений теперь под водой. Шесть или семь молодых цветков я увидел на коме земли, стоящем почти вертикально к поверхности. Около трех лет назад я пересадил в сад несколько орхидей — все они принялись. Любопытно, что они взошли намного раньше всех других орхидей.

Второй день Рождества. День подарков. Едем к Олсопам в Уэст-Милтон. Обычное сборище молодых людей с неопределенным мировоззрением. Кеннет в настоящий момент сражается на двух фронтах: пытается спасти Пауэрсток-Коммон от Комиссии по лесному хозяйству и изгнать ненавистных разведчиков недр из Бридпорта, где они последнее время обосновались и вынюхивают, нет ли в районе черного золота.

1972

7 февраля

Нашел на огороде дохлого длиннохвостого попугайчика с синими крыльями. Кен Олсоп говорит, что в «Вестерн газет» была статья, автор которой предполагал, что они одичали и стали размножаться у нас.

12 февраля

На уик-энд приехал Нед Брэдфорд; он поскучнел; больше, чем раньше, похож на уроженца Новой Англии; никогда не скажешь, что перед тобой главный редактор. Мы повозили его по антикварным магазинам Хонитона; за последний год там чудовищно выросли цены — как и на собственность.

Пригласили Олсопов для знакомства с ним; без своих друзей они смотрятся гораздо лучше. Собственно, как и все — мне кажется, люди собираются в большом составе, чтобы оправдать свою социальную лень.

15 февраля

Странное сексуальное видение. К счастью, я проснулся сразу же после него и смог записать некоторые любопытные вещи. Началось все со страстного соития с Анной — пишу «с Анной», но ее лица я не видел — просто «знал», что это Анна. И еще знал, что Элиз в соседней комнате, однако не испытывал от сознания этого никакого чувства вины или стыда. Просто сознавал, что она в соседней комнате. Ярко освещенная сцена лишена реалистической перспективы — некоторые положения требуют «камеры», третьей точки зрения. Два быстро промелькнувших «кадра» кунилингуса и минета — цветные; и, хотя они как бы фотографии женского тела, любого женского тела, в то же время я там действующее лицо. За этим последовало само соитие и эякуляция (хотя в действительности ее не было). Не помню, чтобы раньше после таких снов я не оказывался «мокрым». В следующей сцене я — совершенно голый — в автомобиле в трех или четырех домах от номера 63 по Филбрук-авеню — на противоположной стороне. Элиз, тоже нагая, стоит на тротуаре у открытой дверцы.

Глядя в направлении родного дома, я вдруг осознал, что рассвело, и увидел в овальном окне второго этажа мать, которая с улыбкой расставляла цветы. (Овального окна в действительности в доме нет.) Я заволновался, не видит ли нас мать. Затем увидел отца — он шел к воротам. За ним возникла мать. Элиз отъехала. По непонятной причине я уже не сидел в машине, и мне пришлось бежать по узкой боковой дорожке над площадкой для игр. Я всматривался в первую на моем пути дорогу, ведущую в Лондон, но не увидел на ней нашего автомобиля. Тогда я побежал к следующей… и проснулся.

Самое странное в этом сне — тема трех богинь: мать, жена, дочь; как и полное отсутствие чувства вины — даже езда на автомобиле и бегство были больше похожи на игру в прятки и не имели ничего общего с со страхом или стыдом (как и знание, что Элиз находится в соседней комнате, пока я наслаждаюсь «Анной»); и еще сохранившееся удивительное ощущение теплой чувственности, телесной умиротворенности. Я трактую этот сон, исходя из забытых, но острых детских наслаждений, в которых важную роль играет изменение личности; тут также прослеживается связь с признанной теорией психического отдыха, который приносит сон. Необычен не столько сам сон, сколько живость ощущений, несмотря на пробуждение в его середине.

И еще одна мелочь. В автомобиле у меня была возможность укрыться от глаз матери — как и в жизни, обладай я телом ребенка. Прятки в детской коляске?

Подлинная Анна, увы, далеко не столь послушная в жизни. Ее отчислили с курса графики. Элиз обвиняет меня в том, что я не выработал с ней твердую линию поведения, но я просто не знаю, как вытащить человека из западни, которую даже не он сам себе устроил. У Анны тот таинственный склад ума, который я пытался воплотить в Саре Вудраф: она умна, но ум ее не научного склада. Ей трудно смириться с возрастающей коммерциализацией курса, она не хочет заниматься рекламной графикой (в любом случае на всех желающих работы все равно не хватает); ей наскучили бесконечные предложения — где и как учиться, если она захочет избрать другой вид искусства. У нее нет творческой жилки — значит, по сути, остается только преподавание. Сложность и в том, чтобы одновременно быть и студенткой, и домашней хозяйкой: ведь она живет вместе с Ником.

19 марта

Весь последний месяц или около того переписывал «План» —

из упрямства, без желания. Что-то вроде испытания. Позволил Даниелю Хэлперну напечатать мои стихи в книжном формате.

28 апреля

Работаю над историей Лайм-Реджис. Нашел много старых преданий и фотографий. «Тезаурус Листера» — настоящее сокровище, долгое время пылившееся в офисах муниципалитета; это тексты, собранные Джилеймой Листером и подробно проаннотированные Уэнклином. В нем полно замечательных вещей.

«Мисс Коад приехала в Белмонт в 1784-м, была там в 1802-м, не была в 1817-м».

Французское одномачтовое судно водоизмещением восемьдесят тонн первого января 1851 года потерпело крушение в Чартонском заливе. Все утонули. На церковном кладбище установлен памятник.

С 1830-го по 1870-й викарием Лайма был Томас Эмилиус Фредерик Пэрри Ходжес, испытывавший равное отвращение как к кальвинизму, так и к католичеству. Выпускник Нью-колледжа, член Совета колледжа. К нему всегда обращались «доктор». Он «редко общался с дворянским обществом городка» — только с дворянством графства.

1 мая

Из Лондона приехали Шефнер, Джеймс Голдмен[188] с любовницей, Лестер Голдсмит и Том Машлер. Я повез их на Андерхилл-Фарм, там они настояли на прогулке в скалах над морем. Мы спустились от фермы вниз через заросли, потом пошли вдоль Пинхей-Уоррен над заливом, затем вышли на тропу. Все в нарядной одежде. Двигались тяжело, неуклюже, спотыкались, падали; их обжигала крапива (что за чертово растение?), колола ежевика. Это смахивало на садизм. В Шефнере я почуял американский вариант Гая Грина — то же затаенное чувство опасности и нежелание рисковать. Подозреваю, что он ведет осторожную игру. Голдмен — бородатый и доброжелательный, приятный человек, но без стиля и огонька — так, во всяком случае, кажется при первой встрече. Коротышка Лестер Г. похож на мелкую белую сову или жабу, по большей части молчит. Он долго говорил только один раз — с Лос-Анджелесом по каким-то финансовым делам. Вот что удручает в

этих «интернациональных» киношниках. Чувствуешь, что их дом — салон реактивного самолета, международная телефонная линия или модный ресторан. Большинство из них всегда находится где-то в другом месте. Ни Шефнер, ни Голдмен не хотят говорить ни о сценарии, ни о кастинге. У меня такое чувство, что они уже все для себя решили и не хотят спорить со мной или Томом. Последний по-прежнему настроен оптимистически, но он, по-моему, человек наивный.

2 мая

Во всяком случае, это свершилось. Я ездил в Лондон и заверил документы с Голдсмитом в американском посольстве.

4 июля

В доме Денхолма Элиота в Камден-Таун на читке «Последней главы». Мне нравится Элиот, актер до мозга костей, он зло и смешно говорит о своей жизни и профессии. В доме живой беспорядок, нет ничего от ужасающего гламура шоу-бизнеса, необычного декоративного оформления — хотя, полагаю, в наши дни над таким простым решением интерьера тоже надо поломать голову. Дэвид Трингем нашел красивую актрису, Сусанну Пенхелигон, — прекрасные карие глаза и место рождения то, что нужно: она из Корнуолла. Элиот с первого раза читает хорошо, и девушка тоже вполне прилично.

Водка с тоником, затем долгий обед с большим количеством спиртного, все просто замечательно, Элиот сыплет историями из актерской жизни, Дэвид веселится. Элиот только что замечательно сыграл в новой постановке «Гедды», снимается в хорошем телевизионном сериале и сейчас, несомненно, ощущает себя на гребне успеха… нам повезло с ним. Актеры — особенные люди, они живут, словно в прекрасном сне, живут сегодняшним днем, у них нет никаких писательских неврозов; возможно, это от радости, что они могут так блестяще говорить, так прекрасно рассказывать разные истории. И еще у них очень злой язык.

Элиот рассказывал о жалком льстеце Джоне Миллзе — похоже, он вызывает отвращение у всех в шоу-бизнесе.

7 июля

В Шеппертоне смотрим декорации для «Последней главы»; Элиот и Пенхелигон проигрывают совместные сцены. Ненавижу декорации — немедленно нахожу кучу погрешностей в оформлении, впрочем, тут малобюджетный фильм. Дэвид нервничает, Элиот немного скучает, но общие очертания намечаются. Общая атмосфера радостная, непохожая на то, что было на двух моих «больших» фильмах. Шеппертон выглядит печально — он доживает последние дни: земля продана под жилищное строительство.

Все-таки волшебный мир кино очень странный. Костюмерша и гример суетятся возле девушки, примеряют одежду; плотники возятся с декорациями. В этом приятно существовать, но трудно работать.

Вечером «Мясник» Шаброля — красивый, стильный фильм, но pas sérieux[189]. Он всего лишь кондитер.

14 июля

На уик-энд приехали Том и Фей с двумя детьми. Анна оставила работу посудомойки в Бристоле и вернулась к нам на неделю-другую. Потом поедет с Ником в Италию. Т. и Ф., как обычно, очень привередливы; удивительно, но самые большие привереды никогда не видят, как нелепы их претензии. Право, они заслуживают пера Мольера или Конгрива — для сэра Томаса и леди Фей все самое лучшее. Ради справедливости, добавим, что предпочитают они изысканную простоту, а не суетливость; да и вообще такие успешные и физически привлекательные люди могли бы иметь недостатки и похуже. Ханна очаровательна, хотя уже сейчас демонстрирует упрямство отца. Нам не совсем понятно, почему они так тянутся к нам сейчас — в частности, к Элиз. Предполагаем, дело в Фей. Она несколько раз за этот уик-энд плакала. Том обращается с ней, как с трудным автором, но иногда не выдерживает. Похоже, его все больше затягивают спортивные игры — бадминтон, дротики, — даже на пляже ему нужно бросать cailloux[190].

22 июля

«Критика» — американский научный журнал; выпуск посвящен Барту[191] и мне. От трех статей о Фаулзе я пришел в уныние. Меня мало интересует, что думают обо мне люди, не говоря уж о том, что они думают обо мне прежнем. Все книги

несут в себе ошибки. Лучше всего их забыть. Конечно, я не могу их забыть. Роман умрет не по «культурным» причинам, а из-за увлеченности самим собой. «Кубики» — лучшее, что я написал, потому что этот роман ближе всего к тому состоянию, в котором я находился[192]. А напечатай я его, он стал бы мне неинтересен, как и все остальные.

Окружающий меня полный интеллектуальный вакуум, что это — проклятье или благословение? Не знаю. Когда Том и Фей гостили у нас, меня поразило, что серьезные (или даже просто остроумные) разговоры исчезли из жизни преуспевающей интеллигенции. Раз или два я забрасывал приманку, но это расценивалось (и думаю, дело тут не в неловкости рыболова), как нечто нелепое, чуть ли не вызывающее раздражение. Опять Джон Фаулз завел свою шарманку. Подозреваю, что это новая, общая черта английской культуры или же развитие старого латентного заболевания. Теперь никто не пишет писем всерьез, никто не говорит — только болтают или сплетничают. Все это перепоручается телевидению, которое никто не смотрит, или книгам, которые никто не читает.

Два дня назад к нам приезжал Ник, друг Анны, и еще два ее приятеля из Бристоля. Я предпочел бы думать, что нагнал на них страх (я хочу сказать, это было бы лучше, чем сознавать, что они так же тупы и ко всему равнодушны, как наше поколение), но как бы то ни было, а только венгр Ник по-настоящему ценит серьезность и ум, но ему, бедняге, мешает дезориентация эмигранта и отсутствие полноценного образования.

Не могу поверить, что люди могут робеть в общении со мной, хотя тому есть странное подтверждение: во время своего пребывания у нас Том, оставшись со мной наедине, спросил с необычной для него застенчивостью, пишу ли я сейчас что-нибудь новое. Нет, ответил я, ничего особенного, всего лишь статью о крикете для спортивного журнала, и пристально посмотрел на него. Это была единственная игра за весь уик-энд, в которую он отказался играть.

Том также сказал мне: в «Букере» недовольны тем, что я не взял 250 фунтов, которые не заработал (разве как мученик), а получил в виде прошлогодней премии. Он советовал пожертвовать их на благотворительность. Я предложил отдать деньги КОЗП (Королевскому обществу защиты птиц). Это приведет их в ярость, с удовольствием сказал Том. Все-таки он меня не понимает.

Еще одно непонимание — из лондонской жизни. Как-то вечером он пришел к нам и объявил, что Комитет Совета по искусствам и литературе, членом которого он является, принял

(«почти наверняка») решение создать новое литературно-критическое обозрение. На что я отозвался следующим образом: нужен литературный журнал, а не критический. Дискуссии не возникло; я потерял дар слова. Пытаться помочь литературе, рецензируя на высоком уровне плохие романы, — все равно что помогать хирургии, более подробно рассказывая о неудачных операциях; ведь хирургам по-настоящему надо только иметь возможность учиться и показывать на практике свое мастерство.

notes

Примечания

1

Подж — Фред Портер, марксист, друг Дж. Фаулза; они познакомились еще в Оксфорде.

2

Элизабет Фаулз (1926–1990) — первая жена писателя. (Здесь и далее курсивом даны примечания Н. Г. Мельникова.)

3

Родившийся в августе 1965 г. Джонатан — сын Хейзел, сестры Джона Фаулза и ее мужа, Дэниела Салливена.

4

Джейн Ричардс, двоюродная сестра Джона Фаулза, живущая в Лайме.

5

Редактор Джона Фаулза; издатель его книг в Америке.

6

Джулиан Бах, литературный агент Джона Фаулза в Америке.

7

Артур Г. Торнхилл (1895–1970) был в то время главой издательства «Литл Браун». Его сын Артур Г. Торнхилл-младший сменил его на этом посту и в 1962-м стал президентом компании.

8

Глава рекламного отдела «Литл Браун».

9

Уподобив Фаулза пауку, запутывающему читателя в паутине повествования, рецензент «Тайм» счел, что в романе «Волхв» он повторяется и без особого успеха воспроизводит манеру, найденную в «Коллекционере» (Spidery Spirit // Time. 1966. January 14, p. 92).

10

Барбара Тачмен (1912–1989) — известный историк. Получила Пулитцеровскую премию за книгу «Августовские пушки» (1962), описывающую события, предшествовавшие Первой мировой войне.

11

Арнольд Эрлих (1923–1989) — один из авторов, а впоследствии редактор американского журнала «Паблишерз уикли».

12

Джон Кон и Джад Кинберг — американские сценаристы и продюсеры; они были продюсерами фильма по первому роману Джона Фаулза «Коллекционер».

13

Имеется в виду роман «Волхв».

14

Анна Кристи, которой в то время было пятнадцать лет, росла у своего отца Роя Кристи, первого мужа Элизабет, и его второй жены Джуди (в девичестве Бойделл).

15

Чарли Гринберг — канадский архитектор; друг Роя Кристи с начала 1950-х, когда оба преподавали в Кингстонском колледже искусства и архитектуры.

16

Южный пригород Лондона.

17

Все известно, все прочитано *(франц.)*.

18

Жена Ронни Пейна, друга Джона Фаулза по школе «Бедфорд» и Оксфорду.

19

См.: Wilson A. Making With the Metaphysics // Observer. 1966. May 1, p. 27. При переиздании негативная рецензия Энгуса Уилсона была красноречиво озаглавлена «Непристойная фантазия Фаулза» (Fowles's Foul Fantasy // The Critic. 1966. August-September, p. 61).

20

Пенелопа Мортимер (1918–1999) — английская писательница и журналистка. Ее сборник рассказов «Воскресный обед с Браунингами» Фаулз удостоил кратким разбором на страницах своего дневника (запись от 29 декабря 1961 г.): «Отличный пример преобладающей в середине века манеры письма. Абсолютная чистота языка; строгая функциональность. Короткие фразы, тщательный отбор нефункциональных слов (существительных, прилагательных, глаголов). И — глаз камеры, полное самоустранение художника с холста. Ни сердца, ни индивидуальности: creator absconditus [отсутствующий творец (лат.)]» (Фаулз Дж. Дневники. 1949–1965. — М.: АСТ, 2003. — С. 638). Недоброжелательный отзыв Мортимер появился в журнале «Нью стейтсмен» (Into the Noosphere//New Statesman. 1966. Vol. 71. May 6, p. 659).

21

Идея романа, действие которого происходит в Турции, зародилась у Джона Фаулза в мае 1965-го на Каннском кинофестивале.

22

Публикация романа «Посторонний» (1956), когда Уилсону был всего двадцать один год, принесла молодому автору ошеломляющий успех. Первое время его почитали как лидера поколения «рассерженных молодых людей», однако многочисленные последующие книги былого резонанса не имели. В 1957 г. он покинул Лондон и с тех пор живет с женой в Корнуолле. *Колин Уилсон умер в 2013 г. на восемьдесят, третьем году жизни.*

23

Круглое место, полянка *(франц.)*.

24

В основе этого так и не написанного романа были события, пережитые Джоном Фаулзом на юге Франции летом 1948 г. в портовом городе Коллиуре на Средиземном море.

25

Звезда экрана Энтони Куин за два года до этого сыграл заглавную роль в фильме «Грек Зорба».

26

Джордж Боксол — бухгалтер Джона Фаулза.

27

Эйлин Портер — жена Поджа Портера.

28

Дочь Портеров.

29

Джон и Джин Ловеридж жили в поместье Биндон неподалеку от Эксмута. В 1954 г. Джон Ловеридж пригласил Джона Фаулза преподавать в семейный колледж Сент-Годрик в Хэмстеде, где готовили секретарей. Джон Фаулз работал там вплоть до публикации «Коллекционера» в 1963 г.

30

Николас Хиллиард (1547–1619) — портретист, оставивший на холсте изображения многих выдающихся людей елизаветинской эпохи, в том числе королевы Елизаветы I, сэра Фрэнсиса Дрейка и сэра Уолтера Рэли.

31

Актер и режиссер Роббер Оссейн; он поставил французскую версию «Коллекционера».

32

Кинозвезда Ракель Уэлч в то время снималась в Испании в фильме «Фатом».

33

Вы так не считаете, Фол?.. А сейчас, Фол, хочу вам показать… *(франц.)*.

34

В то время Кертис был любовником и агентом Ракель Уэлч; поженились они в Париже в 1967 г.

35

В кинематографе Грин (1913–2005) снял как оператор несколько английских фильмов (1940–1950) по классическим сюжетам, в том числе два фильма по Диккенсу («Большие ожидания» и «Оливер Твист», режиссер Дэвид Лин). Первый фильм, сделанный им в качестве режиссера, — «Излучина» (1954).

36

Урожденная Констанс Моргенстерн, Конни Фаррер была подругой, а впоследствии женой Майкла Фаррера, товарища Джона Фаулза по Оксфорду.

37

Джон Фаулз имеет в виду натуралиста и писателя Ричарда Джеффериса (1848–1887). Впервые прочитав в детстве его роман «Бевис: история ребенка» (1882), Джон Фаулз идентифицировал себя с его героем. В основе романа жизнь юного автора на отцовской ферме в Уилтшире; в нем описаны детские приключения Бевиса и его друга Марка.

38

Джан Клэр (1793–1864) — английский поэт, сын батрака, «оплакивал» исчезновение традиционной английской деревни.

39

Джон Фаулз имеет в виду стихотворение Вордсворта «Сонет, написанный на Вестминстерском мосту»: «Нет зрелища пленительней! И в ком / Не дрогнет дух бесчувственно-упрямый / При виде величавой панорамы…» (Перевод В. Левика).

Кошмар *(франц.)*.

«Волхва».

42

Реакционным, не способным меняться. Слово произошло от имени послевоенного французского политика Пьера Пужада.

43

И ты, Брут! *(франц.)*.

44

Джон Фаулз познакомился со Стэмпом во время съемок «Коллекционера». В фильме «Далеко от безумной толпы» Стэмп играл роль сержанта Троя.

45

Персонаж пьесы Шеридана «Соперники», женщина, постоянно путающая слова.

46

Мари Жанна Дюбарри (1746–1793) — официальная фаворитка французского короля Людовика XV.

В то время она была подружкой Теренса Стэмпа.

48

Речь идет о государственном перевороте, осуществленном 21 апреля 1967 г. офицерами греческой армии, и установлении в Греции авторитарного, крайне правого режима так называемых Черных полковников.

49

Маршалл Маклюэн (1911–1980) после публикации прославившей его книги «Understanding Media» в 1964 г. стал влиятельным знатоком в области современной массовой культуры.

Упоминаемая Фаулзом статья «Театр памяти» вышла в мартовском номере журнала «Инкаунтер»(The Memory Theatre // Encounter. 1967. Vol. 28. № 3 (March), p. 61–66).

50

Джон Фаулз имеет в виду крылатую фразу Цицерона: «О вкусах не спорят».

51

Летом 1967 г. музыканты «Роллинг Стоунз» Мик Джаггер, Кит Ричардс и Брайан Джонс, а также тогдашняя подружка Джаггера, поп-певица Марианна Фейтфул, были арестованы за хранение и употребление наркотиков. Джаггер и Ричардс были привлечены к суду и получили условные сроки (первый — три месяца, второй — год тюремного заключения).

Сладким ничегонеделанием (*итал.*).

53

Совы *(франц.)*.

Джон Фаулз сыграл эпизодическую роль капитана корабля.

Хорошо придумано *(итал.)*.

Нового романа (*франц.*).

57

Новая квартира была на Хемпстед-Хай-стрит, 11, недалеко от станции метро. Раньше, между 1954 и 1964 гг., Джон и Элизабет снимали квартиры в разных местах Хемпстеда.

58

Эдит Ситуэлл (1887–1964) — английская поэтесса, прозаик, литературный критик (наследница рода Плантагенетов по женской линии).

59

Военная драма (1966) классика французского киноискусства Алена Рене (1922–2014).

Обледеневший *(франц.)*.

61

Один из самых заметных ударов по национальному самолюбию нанес в мае 1967 г. президент де Голль, наложивший вето на просьбу Англии присоединиться к Общему рынку.

62

Точнее — в совместную картину трех режиссеров (Роже Вадима, Луи Маля, Федерико Феллини) «Три шага в бреду» (1968), состоящую из трех киноновелл по произведениям Эдгара По. Теренс Стэмп исполнил главную роль в третьей новелле, «Тоби Даммит», снятой по мотивам рассказа «Никогда не закладывай черту своей головы».

63

Эдвард Хит — премьер-министр Великобритании (1970–1974) от Консервативной партии.

64

Гарольд Вильсон — премьер-министр Великобритании (1964–1970) от Лейбористской партии.

65

Два писателя, дружившие между собой, в 1867-м поссорились в Баден-Бадене. Достоевский был должен Тургеневу деньги, но, вместо того чтобы отдать долг, обругал роман «Дым», обвинив Тургенева в ненависти к России и в атеизме. Пять лет спустя Тургенев узнал, что Достоевский в своем романе «Бесы» создал на него карикатуру, но оставил это без последствий. «Раз это доставляет ему удовольствие… Можно было бы обвинить его в клевете, но он безумец — в этом у меня нет ни малейшего сомнения».

66

Траст — юридическое соглашение, по которому человек передает активы доверительному собственнику. Наибольшее распространение получил дискреционный траст, дающий широкие полномочия доверительным собственникам.

Ничто не вечно *(лат.)*.

Произошедшая в ноябре 1967-го девальвация фунта стерлингов привела к спросу на золото. В то время как Франция отказалась участвовать в международном объединенном золотом резерве, цель которого была удерживать твердую цену на золото, Англия в пятницу 15 марта 1968-го объявила о чрезвычайных банковских каникулах. Объединенный золотой резерв был официально упразднен, а Лондонский золотой рынок еще две недели был закрыт и открылся только 1 апреля.

69

Наиболее значительный факт: 5 января первым секретарем Коммунистической партии Чехословакии стал Александр Дубчек, который провел серию либеральных реформ, получивших название «Пражская весна», вызвав тем самым большую тревогу Советского Союза и других социалистических стран.

70

Пьеса Айры Левина «Сад доктора Кука».

71

Ретиария, то есть гладиатора, вооруженного сетью, которую он старался накинуть на голову противника, чтобы затем поразить его *(лат.)*.

72

Роберт Кеннеди был убит палестинцем, арабом Сирхан Сирханом, в лос-анджелесском отеле «Амбассадор» 5 июня во время президентской избирательной компании. Кандидат от демократической партии Кеннеди, получив большинство голосов в Калифорнии, собирался провести там пресс-конференцию.

73

Друг супругов Кристи Чарли Гринберг незадолго до этого купил загородный дом в Фаруэе (Восточный Девоншир).

«Букер» к тому времени уже работал по своей системе ухода от прямого налогообложения с такими успешными писателями, как Агата Кристи и Ян Флеминг.

75

Редактор Джона Фаулза в английском издательстве «Джонатан Кейп».

76

В конце 1967-го сестра Джона Фаулза Хейзел родила близнецов — Саймона и Тома.

77

В трагикомической повести (1965) Богумила Грабала (1914–1997) рассказывается о судьбе железнодорожного служащего, работающего на небольшой станции во время оккупации фашистами Чехословакии. В конце повести он героически погибает, взорвав немецкий поезд. Фильм по этому произведению, снятый Иржи Менцелем, получил «Оскара» как лучший иностранный фильм 1967 г. На волне международного интереса к фильму в издательстве «Джонатан Кейп» вышел английский перевод этой повести.

78

В ночь с 20 на 21 августа войска Варшавского пакта вошли в Чехословакию. Вождей Пражской весны выслали в Москву, где они под нажимом подписали 28 августа меморандум, в котором выразили согласие с присутствием в их стране советских войск.

79

На самом деле польский драматург Славомир Мрожек жил в то время в Париже и отрицал в «Монде» участие Польши в агрессии против Чехословакии.

80

Рабочее название сценария Джона Фаулза по пьесе Айры Левина «Сад доктора Кука».

81

Куики — местный строитель Сесил Куик, дававший Джону Фаулзу советы по устройству дома и поддержанию его в порядке.

82

Слово «тростник» употреблено в Священном Писании в иносказательном смысле для обозначения слабости, ломкости и колеблемости.

83

Грэм Карлтон Грин — племянник известного прозаика, был в то время финансовым директором «Кейпа».

84

Поэт Натаниэл Тарн и его жена Патриция. В то время Тарн был директором поэтической серии «Кейп-Голиард», основанной им год назад.

85

Романист и в прошлом кинокритик Томас Уайзмен и его жена Малу. «Джонатан Кейп» предполагал издать его роман «Быстрый и мертвый».

86

Эдна О'Брайен (р. 1930) — ирландская писательница, знакомая Джона Фаулза.

87

Имеются в виду портреты английского живописца и карикатуриста Раскина Спира (1911–1990).

88

Богемный художник в трилогии Джойса Кэри («Сама удивилась», «Быть паломником», «Из первых рук»).

89

Денис Шаррокс, с ним Джон Фаулз познакомился в 1952 г., когда оба преподавали в греческой школе на Спеце.

90

В романе «Джуд Незаметный» живущий в несчастливом браке каменотес Джуд Фоли бросает жену Арабеллу и уезжает из родной деревушки в Кристминстер, где надеется поступить в университет. Там он влюбляется в свою кузину Сью Брайдхед, которая выходит замуж за школьного учителя Ричарда Филлотсона, но затем уходит от него к Джуду. Уверенность Джона Фаулза, что в романе таится ключ к романтическому прошлому самого Гарди, разделяли и некоторые биографы писателя. Хотя все согласны, что после возвращения в Дорсет в 1867-м у Гарди были романтические отношения с его шестнадцатилетней кузиной — она, как и Сью Брайдхед, стала учительницей, — однако никаких точных свидетельств о природе этих отношений нет, и теория Джона Фаулза, что у них был незаконнорожденный ребенок, — всего лишь предположение.

91

Подлинный вопрос Эдмунда Госса в его рецензии на роман звучал так: «Что Провидение сделало мистеру Гарди, что он встал во весь рост на пахотной земле Эссекса и погрозил кулаком Создателю?»

92

После разлуки жена Джуда Арабелла едет в Австралию. Вернувшись в Англию, она признается Джуду, что родила от него сына. Джуд принимает ребенка; ему становится известно, что ребенка не крестили и не назвали Джудом, как он думал, а всего-навсего дали кличку «Дедушка-время» из-за «раннего взросления». Джуд и Сью выбиваются из сил, стараясь, несмотря на бедность, растить странного ребенка вместе со своими двумя детьми. Но «Дедушка-время» вешает детей, а затем вешается и сам, оставив записку: «Я так сделал, потому что нас слишком много».

93

В 1870-х Гарди познакомился с Эммой Лавинией Джиффорд. Они поженились в 1874-м. Хотя брак был несчастливый, супруги не расставались вплоть до смерти Эммы в 1912-м.

94

В 1877-м Трифена выходит замуж за трактирщика Чарлза Гейла. Обосновавшись в деревне Топшэм, она перестает преподавать и рожает четверых детей. В романе Гарди Сью и Джуд расстаются после ужасной гибели детей. Сью возвращается к Филлотсону, а Джуд — к Арабелле.

95

Санчия Хамфриз — студентка, с которой Джон Фаулз флиртовал в 1950-е гг., когда преподавал в Эшридж-колледже.

Далекой принцессой *(франц.)*.

97

В «Любовнице французского лейтенанта» у Сары Вудраф, бывшей гувернантки, роман с аристократом Чарлзом Смитсоном; но затем она исчезает, не оставив адреса, по которому ее можно было бы найти. Путешествуя за границей, Чарлзу удается напасть на след Сары и их маленькой дочери — он находит их в доме художника Россетти, у которого Сара работает натурщицей. В первом варианте финал был счастливый — Чарлз и Сара оставались вместе. Но во втором, «печальном», варианте Чарлз понимает, что он не может добиться истинной любви со стороны Сары, и уезжает в Америку.

98

Джон Клэр (1793–1864) — английский поэт, несколько лет провел в лечебнице для душевнобольных.

99

Мильтон Шульман (1913–2005) — канадский журналист, критик.

100

Дайана Ригг (р. 1938) — английская актриса, в описываемый период играла в Королевском шекспировском театре; широкая известность пришла к ней после выхода фильма «На секретной службе Ее Величества» (1969), где она сыграла Трейси, подружку Джеймса Бонда.

101

Филип Сэвилл (р. 1930) — английский сценарист и режиссер.

102

Карл Форман (1914–1984) — американский сценарист и продюсер; в 1951 г. за членство в коммунистической партии и отказ назвать имена других членов Компартии США Комиссии по расследованию антиамериканской деятельности был внесен в «Черный список» Голливуда, что вынудило его эмигрировать в Англию.

103

Описка Фаулза. Британского продюсера (немецкого еврея, в тринадцатилетнем возрасте вместе с семьей покинувшего нацистскую Германию) звали Кен Адам (р. 1921).

104

Фрэнсис Норман, владелец букинистического магазина на Хит-стрит в Хэмпстеде, где Джон Фаулз покупал старинные книги.

105

Театральный импресарио Оскар Левенстайн (1917–1997) — член-учредитель труппы «Инглиш Стейдж компани» в театре Ройял-Корт. Его усилиями были показаны в кинематографическом варианте несколько самых заметных пьес 1960-х гг., относившихся к лучшим образцам «английского театрального возрождения» этого десятилетия — в том числе «Вкус меда», «Билли-лжец» и «Что видел дворецкий». Был также директором «Вудфолл филм продакшн»; был продюсером многих фильмов (среди них получивший «Оскара» фильм Тони Ричардсона «Том Джонс», 1963).

106

Фредерик Рафаэль (р. 1931) — англо-американский критик, сценарист и писатель; уроженец Чикаго, в 1938 г. он переехал в Англию, как журналист сотрудничал в ведущих английских и американских изданиях. Фаулз познакомился с ним в октябре 1963 г. на Литературной конференции в Челтнеме.

107

Агент Джона Фаулза в кино.

108

Литературный агент Гийон Эйткен, работавший в то время в Нью-Йорке на Энтони Шейла, агента Джона Фаулза.

109

Рецензия в «Тайм», в основном представлявшая собой доброжелательный пересказ сюжета, могла показаться Фаулзу легковесной, в частности, из-за того, что ее автор лестно отозвался об актерском мастерстве Кейна (Orpheus Now // Time. 1968. December 20).

110

Ли-он-Си — город на юго-востоке графства Эссекс, где жили родители Фаулза. Сам он с юмором относился к заведенным в доме порядкам.

111

Дэвид Малькольм Стори (р. 1933) — английский писатель и сценарист; известность ему принесла экранизация его дебютного романа «Такова спортивная жизнь» (1960), снятая в 1963 г. режиссером Линдсеем Андерсоном (1923–1994).

112

Образованный в 1961 г. издательский концерн, владеющий десятками влиятельных газет и журналов («Таймс», «Скотсмен» и др.).

113

Патологическое безволие (в психиатрии).

114

Кардинал де Рец (1613–1679) был одной из центральных фигур в период гражданских войн во Франции, получивших название Фронда (1648–1652). Классик французской литературы XVII в.; его мемуары — свидетельство очевидца первых лет правления Людовика XIV.

115

Здесь: капризную привязанность *(франц.)*.

Бесцеремонный (*франц.*).

117

При закрытых дверях *(франц.);* также название пьесы Сартра.

118

Большой ботанический сад в западной части Лондона.

119

В романе Набокова Мария Дурманова наклеивает «золотой лист» (гинког) в гербарий.

120

Дворец-музей на северо-западе Лондона; в нем богатейшее собрание картин.

121

В «Любимой» рассказывается история скульптора Джослина Пирстона, который в тщетных попытках обрести идеальную женственность, поочередно влюбляется в мать, дочь и внучку.

Точное слово *(франц.)*.

123

Пустомеля *(лат.)*.

124

Первый отзыв на американское издание «Любовницы французского лейтенанта» появился в «Нью-Йорк таймс» 9 ноября 1969 г., второй — 10 ноября; таким образом, при публикации Дневника допущена ошибка в датировке записи.

125

На судне «Мейфлауэр» из Старого Света в 1620-м прибыли первые поселенцы, основавшие Плимутскую колонию.

Коттеджи (*исп.*).

127

По преданию, гранитный камень, на который ступил первый сошедший с корабля пилигрим в декабре 1620 г.

128

Речь идет о Уильяме Брэдфорде (1590–1657), одном из основателей Плимутской колонии на территории современного Массачусетса, США.

129

Доброжелательная рецензия Кристофера Лемон-Хопта завершалась весьма лестным для Фаулза суждением: критик утверждал, что его третий роман знаменует собой «появление замечательного романиста» (Lehmann-Haupt C. On the Third Try, John Fowles Connects //New York Times. 1969. November 10, p. 45).

130

Гарольд Роббинс (1916–1997) — популярный американский писатель, автор остросюжетных романов с примесью мелодрамы, один из столпов массовой литературы США послевоенного периода.

131

Жаклин Сьюзанн (1918–1974) — американская актриса и писательница, автор супербестселлера: сенсационного романа о жизни голливудских звезд «Долина кукол» (1966).

132

Кете Кольвиц (1867–1945) — знаменитая немецкая художница, работала в стиле социального реализма.

133

Поэт, романист и редактор «Атлантик Мантли-пресс» Уильям Абрахамс (1919–1998) являлся также главным редактором и экспертом ежегодно выходящих в «Даблдей» сборников американских рассказов, получивших премию О. Генри. В 1968-м он и Питер Стански переехали вместе из Бостона на Западное побережье, где Стански получил кафедру профессора истории. Они соавторы книги «Путешествие к Фронтиру: два подхода к испано-американской войне» (1966), после ее выхода написали совместно еще несколько книг.

134

Уоллес Стегнер (1909–1993) пользовался большой известностью в Соединенных Штатах как автор романов об американском Западе; боролся за сохранение дикой природы в Америке. В 1964-м основал в Стэнфордском университете творческий семинар по литературе и был профессором университета вплоть до 1971-го. Его роман «Угол наклона» получил в 1972-м Пулитцеровскую премию.

135

Джессика Митфорд (1917–1978) — общественная деятельница, журналистка, писательница, представительница британского аристократического семейства; в 1939 г. вместе с первым мужем переехала в США, в 1944 г. получила американское гражданство.

136

Друг Джона Фаулза по Оксфорду.

137

После окончания Оксфорда Джон Фаулз провел несколько недель, работая в Коулд-Брейфилд, поместье Майкла Фаррера в Бакингемшире.

138

Сын венгерских иммигрантов, выпускник Гарварда, Роберт Трюхафт (1912–2001), действительно, отличался левыми взглядами: с 1940-х по 1958 г. он вместе с Дж. Митфорд был членом Коммунистической партии США; в «бурные шестидесятые» был адвокатом арестованных властями участников антивоенных демонстраций и лидеров протестных студенческих движений.

139

Джон Инох Пауэлл (1912–1998) — британский консервативный политический деятель; в 1968 произнес расистскую речь об иммиграции. *«Расистской» названа некогда прогремевшая речь Пауэлла «Реки крови», в которой он предупреждал общество о пагубных последствиях неконтролируемой иммиграции из стран Содружества в Великобританию.*

140

Первый муж Джессики Митфорд, Эсмонд Ромилли, вступивший в канадские ВВС в начале Второй мировой войны, погиб во время бомбардировки территории нацистской Германии. С Робертом Трюхафтом она познакомилась в Управлении ценообразования США. Они поженились в 1943-м, и оба вступили в американскую коммунистическую партию. В 1948-м поселились в Окленде (шт. Калифорния), где Трюхафт специализировался на ведении профсоюзных процессов и процессов по борьбе за гражданские права. Когда в 1953-м их вызвали в Комитет по расследованию антиамериканской деятельности, они, сославшись на первую поправку к конституции, отказались давать показания. Сенатор Джо Маккарти назвал Трюхафта одним из наиболее опасных адвокатов, ведущих подрывную деятельность в стране.

141

Дейви (1922–1995) преподавал в Стэнфорде английскую литературу.

142

Соня Оруэлл (урожд. Браунэл; 1918–1980) — вторая жена английского писателя Джорджа Оруэлла, унаследовавшая его архив и владевшая правами на его произведения.

143

«Атака легкой бригады».

144

В «Аристосе» Джон Фаулз писал: «Что по-настоящему важно, так это цель, а не то, какими средствами это выражено. Настоящее искусство заключается в умении передать одно значение разными способами, а не одним, тщательно выверенным стилем, который больше расскажет об авторе, чем раскроет сам предмет изображения».

145

В «Литературном приложении к ‘Таймс’» вплоть до 1974 г. большинство рецензий публиковалось анонимно.

146

«The New American Library» (Новая американская библиотека) — основанное в 1948 г. американское издательство, специализирующееся на переиздании книг классиков и популярных авторов.

147

Алиса Лидделл (1852–1934) — прототип Алисы, героини «Алисы в стране чудес».

148

«Рыжик» (1931) — фильм режиссера Жульена Дювивье по роману Жуля Ренара. В лирическом эпизоде мальчик и девочка изображают свою свадьбу. В венках они шествуют вдоль берега реки, пересекают лужайку, а в это время рыбак поет свадебную песню.

149

Арнольд Уэскер (р. 1932) — английский драматург.

150

Грэм Грин не жил с женой с 1939 г., поэтому, скорее всего, Фаулз принял за жену очередную гриновскую пассию, детскую писательницу и художницу Дороти Гловер.

151

Элизабет Джейн Хоуард (1923–2014) — писательница, журналистка, с 1965-го по 1983 г. — жена английского прозаика Кингсли Эмиса (1922–1995).

152

Карточная игра.

153

Герой романа Жоржа Дю Морье «Трильби» (1894), роковой мужчина, музыкант немецко-польского происхождения.

Хэлперн не только редактировал «Антей» и писал стихи — на следующий год он открыл в Нью-Йорке литературное издательство «Экко-пресс».

155

Джон Колли за год до этого стал работать в «Уорнер Бразерс» исполнительным вице-президентом, ответственным за мировые постановки.

156

Режиссер Сидни Поллак год назад был номинирован Академией на «Оскара'» за фильм «Загнанных лошадей пристреливают, не так ли?».

157

«Что нужно мужчинам в женщинах? / Удовлетворенное желание. / Что нужно женщинам в мужчинах? / Вознагражденное желание». — Рукопись; записная книжка с. 99 «Ответы на некоторые вопросы».

158

Кеннет Олсоп (1920–1973) — журналист и телеведущий. В начале шестидесятых был репортером и интервьюером в популярной вечерней передаче Би-би-си «Сегодня вечером», а затем в заменившей ее программе «24 часа». Также написал роман «Бутлегеры» (1961) о временах «сухого закона» и «Тяжелое путешествие» об американских бродягах.

159

Предложение «Уорнер Бразерс» относительно «Любовницы французского лейтенанта» было принято; также была достигнута договоренность с драматургом Дэвидом Радкиным о написании сценария к фильму.

160

В основе — рассказ Джона Фаулза о писателе-неудачнике, который закладывает бомбу в нью-йоркский кинотеатр, чтобы «хоть так обрести известность». То же самое Джон Фаулз говорил об убийце Роберта Кеннеди.

161

Тринэм — первый ассистент режиссера, экранизировавшего роман «Волхв», — написал Джону Фаулзу, спрашивая, нет ли у него чего-нибудь пригодного для сценария. Джон Фаулз предложил ему ненапечатанную «Последнюю главу». Там рассказывается об авторе триллеров, чьи герои — после знакомства писателя с молодой женщиной — выходят из-под его контроля.

Символ Уэльса — красный дракон.

163

В романе Вирджинии Вулф у Клариссы Дэллоуэй существует теория, что «невидимая частица нас» может жить после смерти: «Вам дали сильное, острое, непривычное ощущение — настоящую встречу; подчас мучительно болезненную; и все же в минуты рассеянности, в самых неподходящих местах она вдруг расцветает, распускается, источает аромат, тогда ты можешь прикоснуться, получить удовольствие, оглядеться, глубоко все прочувствовать и понять после долгих лет ложной потери». (Перевод Е. Суриц.)

164

Семья Фаулзов жила в Ли-он-Си на Филбрук-авеню, 63.

165

Во время работы в «Сент-Годрик» Джон Фаулз был на похоронах коллеги-преподавателя Мартина Кемерона.

166

Дж. Т. Л. Такер — родственник Фаулзов, крестный отца Джона Фаулза; он помогал вести семейный табачный бизнес.

167

Персонажи английского детского фольклора.

Alain-Fournier, sa vie et le Grand Meaulnes (Hachette, 1968).

169

Ален-Фурнье был убит в сентябре 1914-го под Верденом; ему было всего двадцать семь лет.

«Когда я был в тенистой уборной…» *(франц.)*.

171

Фильм снят и выпущен во Франции под названием «Большой Мольн» в 1967 г., режиссер Жан-Габриэль Албикокко, в главной роли Жан Блез.

Недобросовестными (*франц.*).

173

«Урика» — повесть герцогини Клер де Дюра (1777–1828) была опубликована в Париже в 1824-м и пользовалась большим успехом. В ней рассказывалось о сенегальской девушке, освобожденной от рабства и во время французской революции воспитывавшейся в аристократической семье. Несмотря на искреннюю любовь приемных родителей, Урика из-за цвета кожи терпит много невзгод в обществе, которое революция изменила не настолько, чтобы понятия «свободы, равенства и братства» оно применило по отношению к девушке. Джон Фаулз обнаружил первое издание книги в книжном магазине Френсиса Нормана за много лет до начала работы над переводом. Повесть произвела на него впечатление и, по его мнению, на подсознательном уровне оказала влияние в работе над «Любовницей французского лейтенанта». Поэтому он решил перевести ее и найти издателя, проявив «дань уважения к забытой писательнице».

174

Журналист и писатель Малколм Маггеридж (1903–1990) с самого начала был одним из Букеровских экспертов, но, разочаровавшись в конкурсе, вскоре вышел из состава жюри.

175

Филип Тойнби (1916–1981) — ведущий литературный критик газеты «Обзервер»; написал несколько романов, из которых наиболее известен в какой-то мере автобиографический и экспериментальный «Панталоне» (1961).

176

В прошлом преподаватель английской литературы Джон Гросс писал для многих периодических изданий, в том числе для «Обзервера» и «Инкаунтера»; в 1969-м получил премию Даффа Купера за книгу «Взлет и падение литератора». В 1973-м стал литературным редактором журнала «Нью стейтсмен», впоследствии — редактором «Литературного приложения к „Таймс“» (1974–1981).

177

Улица в Лондоне, где расположены кабинеты преуспевающих врачей.

178

Существует правило, что на получение Букеровской премии могут выдвигаться только полные, без сокращений романы. Представленное Найполом произведение «В свободном государстве» состоит из двух рассказов и небольшой повести; все это обрамлено прологом и эпилогом, взятыми из путевых заметок Найпола; эти составные части объединены темой изгнания и освобождения. Хотя премия была учреждена Национальной книжной лигой, Том Машлер, будучи влиятельной фигурой как один из основателей премии, за два года до описываемых событий убедил Букера финансировать эту ежегодную премию.

Список номинантов был следующим: В. С. Найпол «В свободном государстве»; Дорис Лессинг «Инструкция по спуску в ад»; Мордехай Рихлер «Всадник св. Урбана»; Дерек Робинсон «Эскадрон ястребов»; Элизабет Тейлор «Миссис Полфри в Клермонте».

180

В записке приводились аргументы в пользу того, что произведение «В свободном государстве» может считаться романом, так как его объединяет общая тема.

Джон Фаулз в письме дал такое объяснение: отказ подписать документ вызван тем, что книга Найпола не отвечает критериям полноценного романа. Общей темы недостаточно: она может присутствовать и в крупном сборнике рассказов. «Не хватает единства изложения, единства характеров».

182

Он спрашивал у Найпола, считает ли тот сам свою книгу «В свободной стране» романом.

183

Деревня в Девоншире, где семья Джона Фаулза жила во время войны.

184

У Франклина Дж. Шефнера (1920–1989) за год до этого вышел фильм «Патон». В 1971-м Академия присудила этому фильму семь «Оскаров», включая приз за лучшую режиссуру и лучший фильм, что не могло не увеличить самооценку режиссера.

185

Дэвид Лин (1908–1991) — английский режиссер; наиболее известны его фильмы: «Мост через реку Квай» (1957), «Лоуренс Аравийский» (1962).

186

В процессе работы над переводом «Урики» Джон Фаулз, вдохновленный этим сочинением, начал писать сопроводительное эссе под названием «Сопереживание».

187

В своей работе ‘«Любовница французского лейтенанта’: подсознательная связь романа с его автором» Гилберт Роуз утверждает, что роман — фантазийное, в духе эдипова комплекса, изображение воссоединения и затем разлуки автора с матерью.

188

Драматург и сценарист Джеймс Голдмен (1927–1998) — автор сценария к фильму Франклина Шефнера «Николай и Александра» (1971). В 1968-м получил «Оскара» за сценарий к фильму «Лев зимой», поставленному по его пьесе.

189

Не серьезный (*франц.)*.

Камешки *(франц.)*.

191

Джон Барт (р. 1930) — американский писатель, постмодернист.

192

В течение многих лет Джон Фаулз постоянно переписывал этот автобиографический роман, охватывавший период, когда он преподавал в «Сент-Годрик» в Хемпстеде. Название «Кубики» дано потому, что роман выстроен как бы из мозаичных фрагментов.